

Приокские зори

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

3-4

06

Приокские зори

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
[2006 — 3-4\(4\)](#)

СОДЕРЖАНИЕ

[КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА](#)

Осенние заметки, но не все так хмуро.....3

[ПРОЗА](#)

Наталья Парыгина. Дети.....11

Николай Стещенко-Фролов. Ночи «Фантома».....15

Александр Хадарцев. Рассказы.....27

[ОХОТА В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ](#)

Борис Голов. Рассказы об охоте.....34

[ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА](#)

Алексей Яшин. «Подводная лодка «Капитан Старосельцев».....46

[КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ](#)

Борис Шепелев. «Безнадега».....65

Виктория Ткач. Маленькое счастье. Ноктюрн. За гранью.

А вы верите в сказку?.....67

Тамара Дик. Черная пантера. Королевская кобра. Воля, волюшка, воля.

Фроськина история.....72

[ПОЭЗИЯ](#)

Михаил Крышко.....83

Ирина Гаврилова.....93

Борис Гольванов.....98

Анатолий Денисов.....105

Александр Сиянов.....113

Надежда Литягина.....116

Сергей Скоробогатов.....118

Владимир Сапожников.....	125
<u>НАШИ СОСЕДИ</u>	
Иван Тertyчный (Москва). Стихи.....	128
Виктор Дронников (Орел). Стихи.....	134
Олег Кочетков (Коломна). Стихи разных лет.....	140
<u>ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ</u>	
Вячеслав Боть. Первое летописное упоминание Тулы: вопросы и версии.....	148
Виктор Греков. Востребованные временем, извлеченные из забвения.....	152
<u>КЛАССИКИ О СЕГОДНЯШНЕМ</u>	
Владимир Маяковский. Открытие Америки (Христофор Колумб).....	166
<u>ПУБЛИЦИСТИКА</u>	
Николай Дронов. Несостоявшаяся война.....	173
Валерий Маслов. Хроника смутного времени.....	178
<u>РЕЦЕНЗИИ</u>	
Алексей Логунов. Вторая заповедь Христа, или ориентир Валерия Савостьянова.....	235
<u>ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАМЯТЬ</u>	
Ольга Подъемщикова. Стихи.....	219
Анатолий Брагин. Стихи.....	226
<u>ИЗ ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ</u>	
Александр Зиновьев. Последние беседы и интервью.....	232
<u>О НАС ПИШУТ</u>	
<u>НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ</u>	

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на дискете и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи объемом менее одного авторского листа не возвращаются. Требования к рукописям — см. на 4-й стр. обложки.

Вниманию читателей: журнал распространяется преимущественно в библиотечной сети.
Адрес: 300026, Тула, а/я 1842, А. А. Яшину

Главный редактор Алексей ЯШИН

Редколлегия:

Вячеслав БОТЬ
Виктор ГРЕКОВ (Белев)
Олег КОЧЕТКОВ (Коломна)
Валерий МАСЛОВ — координатор межрегиональных связей
Николай МИНАКОВ — зам. главного редактора (публицистика)
Наталья ПАРЫГИНА
Виктор ПАХОМОВ — первый зам. главного редактора
Валерий САВОСТЬЯНОВ — зам. главного редактора (поэзия)
Владимир САПОЖНИКОВ
Константин СТРУКОВ — отв. секретарь
Александр ХАДАРЦЕВ
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), вице-президент Академии российской литературы
Наталья ХАНИНА

Учредители:

Редколлегия журнала «Приокские зори»
Тульская писательская организация Союза писателей России
Тульский государственный университет (ТулГУ)

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСЕННИЕ ЗАМЕТКИ, НО НЕ ВСЕ ТАК ХМУРО

Собственно говоря, этот сдвоенный номер «Приокских зорь» — микроюбилейный: в конце прошлого года вышел в свет первый, пробный выпуск журнала, а год 2006-й мы полностью «закрыли» в соответствии с ежеквартальным статусом издания. Итого наши читатели за год получили возможность ознакомиться с тысячей страниц прозы, поэзии, публицистики, краеведения и пр.

Этот же год был весьма динамичным и в плане организационного становления журнала. Это тем важно, что «Приокские зори» есть, по сути, первый опыт издания в Туле «толстого» литературно-художественного и публицистического журнала (см. в № 1, 2005 «От главного редактора»). Во-первых, редколлегия и учредители сочли целесообразным анонсировать «ПЗ» как межрегиональное издание, не замыкаться только на Тульском регионе. Это «братство по Оке» — соседние области. Во-вторых, как отметит наблюдательный читатель, достаточно значительно — по сравнению с первым номером — изменился, а точнее — стабилизировался, состав редколлегии и учредителей. Первая представлена старейшей и активно работающей писательницей России Натальей Диомидовной Парыгиной, руководителем Тульской писательской организации СП России, известным в стране поэтом Виктором Федоровичем Паховым, являющимся первым заместителем главного редактора «ПЗ».

Далеко за пределами нашей области известны и имена прозаиков и поэтов В. Грекова, В. Маслова, В. Савостьянова, В. Сапожникова, А. Хадарцева. Кстати, в текущем году В. Маслов издал 10-томное собрание сочинений, а А. Хадарцев — 3-томник стихов и прозы «Из прошлого — в неясность». Известный прозаик и публицист Николай Николаевич Минаков является инициатором издания журнала, редактирует одновременно газету «Тульский литератор». В редколлегию входит известный краевед и историк В. Боть, литературный критик Н. Ханина. Ответственный секретарь «ПЗ» К. Струков — незаурядный поэт в поре подъема своего творчества, автор масштабных поэм «Эвер» (издана в 2003 году отдельной книгой) и «Отец Тихон» («ПЗ» № 1, 2006).

Межрегиональный статус журнала подкреплён и включением в состав редколлегии известного московского публициста, вице-президента Академии российской литературы, руководителя Независимого литературного агентства «Московский Парнас» и главного редактора одноименного альманаха Леонида Васильевича Ханбекова, а также одного из ведущих современных русских поэтов, многие годы руководившего творческим объединением поэтов Московской городской организации СП России, лауреата всероссийских литературных премий Олега Владимировича Кочеткова (Коломна).

Итак, все при деле, все люди творческие. На наш взгляд, целесообразным представляется и закрепление за членами редколлегии своих участков ответственности. Кроме главного редактора, его первого заместителя и ответственного секретаря, в составе руководства журналом наличествуют заместители главного редактора по публицистике (Н. Минаков) и поэзии (В. Савостьянов), а В. Маслов является координатором межрегистрационных связей; он же исполняет схожие обязанности и в структуре Союза писателей России; как говорится, и Бог ему навстречу, в трудах и хлопотах в благом деле.

* * *

Похвалив редколлегию, особо отметим учредителей, без которых журнал и вовсе бы не состоялся. Роль редколлегии «ПЗ» и Тульской писательской организации СП России как соучредителей понятна (см. выше) и пояснений не требует. А вот Тульскому государственному университету (ТулГУ), в особенности ректору Михаилу Васильевичу Грязеву, проректору Самуилу Давидовичу Фейгину и декану медицинского факультета Александру Александровичу Хадарцеву — низайший поклон от всех, заинтересованных в издании журнала. Именно ведущий тульский вуз поддержал идею издания «ПЗ» и обеспечил ее материальную базу. И еще две государственные организации, ГУП НИИ новых медицинских технологий (директор А. А. Хадарцев) и ФГУП НИИ репрографии (директор А. К. Талалаев), оказывают посильную помощь.

Симптоматично, что именно государственные организации, и без того находящиеся в стесненных финансовых возможностях, поддерживали журнал. А где же столь рекламируемая СМИ благотворительность «частников», якобы душой болеющих за отечественную культуру? Сюда же отнесем и во множестве расплодившиеся торгово-юридические учебные заведения, тоже в основе своей частные, платные и т.п. Конечно, пробовали обращаться и к ним. Но первые отвечают в том смысле, что уже привыкли жить на широкую ногу: «Как я вам дам полста штук деревянных в год, ежели я столько проигрываю в казино за один вечер!» А вторые, которые воспитывают за плату юношество, уклоняющиеся от воинского долга, идею в целом одобряют, но... «Понимаешь, вы люди увлеченные, мне бы ваши заботы, а у меня вот голова болит: евроремонт делаю в двух своих квартирах, да дочурке надо какое-никакое жилье в Москве, на проспекте Мира прикупить».

Комментарии излишни, тем более что частная собственность объявлена священной и нерушимой. И здесь надежды никакой на опять же столь ожидаемые СМИ «времена Третьяковых, Морозовых» и прочих старинных бородачей, ибо последние были староверами (им в царской России разрешалось только крестьянствовать и промышленностью заниматься) и свято блюли заповедь о нестяжательстве, поэтому накопленные деньги тратили на богоугодные дела, науку, образование и культуру тож. ...Нынешние же «предприниматели» скорее продолжают традиции жестоковыводного заводчика Путилова и интербригады «Лензото» образца 1912 года. А что им культура, образование, наука? — Не до того, Федя, не до того...

* * *

И чтобы завершить наш отчет по деловой части проекта «Приокские зори», ответим на вопрос, который чаще всего задают читатели: «А обращались ли к властям за помощью, сочувствием и пр. поддержкой? Особенно, учитывая частые в последние годы призывы высшего руководства страны к развитию культуры, духовности, патриотизма и прочих высоких качеств строителя новой России...»

А как же, обращались, особенно памятуя, что все региональные литературно-

художественные журналы России (Орел, Воронеж, оба Новгорода – Нижний и Великий и многие другие) издаются при поддержке соответствующих областных администраций.

Вот передо мною лежит папка с официальными письмами — ответами на бланках Облдумы и Администрации области. Уже небольшой архив.

В конце июня месяца этого года я, как главный редактор «ПЗ», выступил на заседании Комитета по науке, образованию и культуре Облдумы с предложением об обращении Облдумы к администрации области по вопросу финансовой поддержки из бюджета области на издание журнала. В письме главному редактору № Д/24-2033/1 от 06.07.06, подписанному председателем Облдумы О. В. Татариновым, содержалось приложение — решение Комитета по науке, образованию и культуре № 54-к-21 от 04.07.06 «Об обращении главного редактора литературно-художественного журнала «Приокские зори» по вопросу оказания финансовой поддержки». Приведем резюмирующую часть данного документа:

«Учитывая опыт Московской, Липецкой, Калужской, Рязанской, Самарской областей, участники совещания приняли решение обратиться к губернатору Тульской области с просьбой при формировании бюджета области на 2007 год предусмотреть средства для учреждения областных грантов для поддержки творческих проектов в области духовности, культуры и искусства. Разработать и внести в областную Думу областную целевую программу поддержки общественных объединений Тульской области.

Исходя из вышеизложенного, комитет РЕШИЛ:

1. Принять к сведению информацию, изложенную в письме главного редактора литературно-художественного журнала «Приокские зори» А. А. Яшина.

2. Предложить губернатору области рассмотреть предложение главного редактора журнала «Приокские зори» о вхождении администрации области в состав соучредителей журнала.

3. Направить настоящее решение губернатору области и главному редактору журнала «Приокские зори» А. А. Яшину.

(Подписано председателем Комитета Г.Г. Фоминой).

Одновременно с предложением войти в состав соучредителей журнала в администрацию области с письмом обратилось руководство одного из действующих соучредителей «ПЗ».

Ответные письма администрации в Облдуму (№ 65-к-40/4243/0-706и от 28.07.06) и соучредителю (№ 65-к-40/4397-817и от 30.08.06), подписанные разными заместителями губернатора, содержали идентичное решение:

«Статьей 69 Бюджетного кодекса РФ и статей 31 Федерального закона от 12.01.1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» не предусмотрено предоставление бюджетных средств в форме ассигнований на поддержку общественных организаций.

Согласно статье 117 Гражданского кодекса Российской Федерации, статье 6 Федерального закона от 12.01.1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» администрация Тульской области, как орган государственной власти субъекта Российской Федерации, не может входить в состав соучредителей журнала».

...Ни в коем случае не оспариваем решение администрации, ибо ее (отрицательный) ответ строго и логично опирается на букву закона. Но возникает не менее логичный вопрос: а как же администрации многих других областей (см. выше), так же строго выполняющие законоуложения, нашли возможность поддерживать свои региональные литературно-художественные журналы? Очевидное решение этого вопроса содержится в постановлении Комитета по науке, образованию и культуре (см. выше) о разработке областной программы поддержки общественных объединений

Тульской области. В этом аспекте мы испытываем определенный оптимизм, учитывая поддержку Облдумой нашего журнала.

* * *

Приношу свои извинения читателям за столь подробное, почти канцелярское изложение финансовой стороны дела, но считал это необходимыми сделать по двум причинам. Во-первых, эта «Колонка главного редактора», по сути, и есть годовой отчет редколлегии журнала. А во-вторых, добрый наш народ любознателен в духе коммерчески-доминантного времени, потому прежде всего интересуется не литературными достоинствами-недостатками «ПЗ», но задает сакраментальный вопрос: «А где деньги берете на издание?» ...Сразу вспоминается гениальное произведение одесских классиков, когда Остапу Бендеру, подрабатывающему на эстраде в роли йогабрамина, задавали по-преимуществу один вопрос: «А когда в продаже появится животное масло?» Вот и пресловутый «менталитет»: что сейчас, что восемьдесят лет тому назад. Но — это к слову, чтобы читатель взбодрился, ибо переходим к делам чисто литературным (а выше вроде никого и не обидели?).

Здесь, начиная с первого номера, нововведений практически нет, то есть четко выполняется программа журнала: *«...Создать печатный орган, свободный от уклонов в элитарность, объединяющий на своих страницах как профессиональных литераторов, так и формально не объединенных в творческие союзы. Главный здесь критерий — наличие таланта, а просто способных мы и сами поддержим»*.

А еще мы верим в нашего потенциального читателя; в конце концов, журнал создается не для авторов, а именно для читателей. А вернуть стране статус самой читающей в мире — именно так и было всего лишь полтора десятка лет назад — задача архиважная. Не все зависит от самой литературы и форм ее организации, но без них и соответствующий вопрос ставить бессмысленно...» («От главного редактора», № 1, 2005).

Структуру журнала пояснять не будем — достаточно ознакомиться с содержанием данного номера.

* * *

Самый достоверный критерий оценки — это взгляд со стороны, со стороны читателей понято. Именно поэтому мы ввели рубрику своего рода обратной связи «О нас пишут...». Так, в № 2, 2006 помещена перепечатка заметки Натальи Кириленко (газете «Тула» от 18.05.06 г.) «Тоска по идеалу». В целом благожелательный отзыв на первый номер журнала. Редакция благодарит автора, надеется, что общегородская газета и в дальнейшем не обделит нас вниманием. Однако прокомментируем два момента отзыва из числа ключевых.

Н. Кириленко утверждает: большинство авторов «ПЗ» суть приверженцы соцреализма. Но что такое соцреализм? — Не принимая всерьез анекдотического определения, приписываемого то ли Максиму Горькому, то ли Федору Гладкову: соцреализм — это отображение борьбы между хорошим и еще лучшим, скажем однозначно: под соцреализмом принято понимать традиционный для русской литературы реализм критический, в котором доминанта сюжета и содержания перенесена с классовой борьбы (ибо ее де-факто в СССР не было, по крайней мере явной) на конфликты и противостояния в области духовно-нравственной, культурной, образовательной и пр. Реализуются идеи патриотизма, интернационализма.

Кто же против этого возразит? У кого поднимется рука (или язык...) противопоставлять «критических реалистов» Тургенева, Достоевского, Толстого и «соцреалистов» Шолохова, Леонова, опять же Толстого — только Алексея Николаевича? Мо-

жет автор заметки имеет в виду современную общественно-политическую ситуацию перехода от социально ориентированного государства к некой разновидности капитализма? — Но какое это имеет отношение к традициям русской, советской литературы? Ибо социалистическая, капиталистическая, феодально-крепостническая Россия всегда имела и будет иметь одну литературную традицию, идущую от «Слова о полку Игореве», «Сказания о Мамаевом побоище», творений Даниила Заточника, многих церковных и светских лето- и бытописателей средневековой Руси: постоянное духовно-нравственное самосознание и устремление. Какая бы погода на дворе не стояла...

И второй момент очерка Н. Кириленко: *«Подавляющее большинство авторов уже немолоды, и вполне закономерен их критический взгляд: отцов на детей, и дедов — на внуков»*.

Здесь на века вечные Иван Сергеевич образом Базарова сказал как припечатал. По праву Тургенев может считаться основателем современной науки социобиологии. Но указанное автором статьи естественное, почти что биологическое противостояние отцов-детей «работает» только в периоды относительно стабильного развития социума, государства, потому оно, в общем-то, безобидно, преходяще и прогрессивно по своей сути.

Но вот в периоды социально-экономических катастроф, духовно-нравственных потрясений герои «отцов и детей» уже не спорят, а просто и молча расходятся по своим углам. Здесь уже действует формула Шекспира: порвалась связь времен. И все это о нашем времени, дай бог, пережить которое.

...Опять же мы потому так подробно остановились на заметках Н. Кириленко, что наша заочная полемика все или почти все разъясняет в принципиальной творческой позиции, которая суть лицо журнала, наша «литературная ниша», отличающая и в то же время объединяющая нас с другими изданиями современной русской литературно-публицистической периодики.

О «Приокских зорях» положительно отозвались в газетах «Тульский литератор», «Тульская правда», в столичном альманахе «Московский Парнас» (см. в настоящем номере), ряде других изданий. Получили мы и одобрение правления Союза писателей России.

Не хотелось бы останавливаться на единственной *малодоброжелательной* заметке, опубликованной в одной из заводских многотиражек, но мы ответили ее автору, известному тульскому литератору, исключительно по-христиански, опубликовав в «ПЗ» доброжелательный очерк к его юбилею. «Не озлобляйся во гневе» — это из катехизиса православной морали.

* * *

Опять же и неназванный юбиляр, и Наталья Кириленко в своих заметках делают большую ставку на привлечение в число авторов «ПЗ» молодых литераторов. Как в воду глядели! Начиная с № 1, 2006, мы ввели специальную рубрику «Творчество юных». Даже не молодых, а именно юных: авторы опубликованных в этом номере произведений Дима Ткачев и Марина Костюкова находятся еще в отроческом возрасте, но отметка литературной музы уже коснулась их юных душ, поиск и поддержка которых — одна из стратегических наших задач.

И вообще не совсем правы наши доброжелательные (и не очень) критики и советчики: разве коллектив редколлегии и авторов ассоциируется с домом престарелых или политбюро эпохи «позднего Брежнева» — при всем, конечно, уважении к обитателям этих учреждений. Давайте-ка разберемся раз и навсегда с этим вопросом, чтобы закрыть тему «отцов-детей» и поставить, как говорят в городе Париже, *point sur les «i»*.

Отцами, матерями, даже дедушками-бабушками, несомненно, являются авторы журнала, хотя и не все. Но почему это стало упреком в отношении писателей, поэтов,

публицистов? Откуда такая дикость (волюнтаризм и пробабиллизм, как некогда клеймили Н. С. Хрущева, снимая его со всех постов)? Истина всегда лежит на поверхности. Так и нам представляется: такое мнение сложилось у читающих нынешние газеты, где 80 % печатной площади отведено под объявления, где для приглашаемых на работу обязательно значится: возраст до 30 лет! Причем дискриминация эта, явно в современном КЗОТе не закрепленная, равно относится и к сотрудницам «массажных салонов» (здесь это оправдано), и к главным специалистам всяких ООО, ОАО, ЗАО и прочих ЧПБОУЛ*. Здесь, как говорят психиатры, наблюдается сдвиг мотива на цель...

Вся история отечественной и мировой литературы явно свидетельствует: цех служителей ее — это не конвейер, не инкубатор, штампующий лихих и моложавых писателей-бройлеров, гибридных петушков-поэтов. Творчество не терпит суеты и не обремененных еще жизненным опытом мозгов. Это самоочевидно. Вот некогда известный поэт, кумир советской молодежи 60–70-х годов, сгоряча проскандировал: «До тридцати поэтом быть почетно, но срам крошечный после тридцати!». Прошло сорок лет, и тот же поэт, несколько возмужавший, продолжает писать стихи и поэмы. Правда, сейчас уже нет в помине восторженной советской молодежи, и читать их некому...

Еще могут, конечно, указать на Пушкина, Лермонтова, Шолохова — но те гении, им уже все природа дала при рождении. Избранники муз.

Так каких же древних «старцев-соцреалистов» углядели в составе редколлегии и авторов «Приокских зорь»? Почти все они активно работающие писатели, поэты, публицисты, находящиеся на подъеме творческой активности. Более того, поскольку сейчас даже профессиональные литераторы не смогут прожить одним своим пером, то почти все они не менее активно трудятся по более «хлебным» специальностям: рабочие, учителя, инженеры, профессора, директора предприятий, даже те же труженики ЧПБОУЛ. И трудятся не без успеха.

Так что закроем этот вопрос ввиду его ангажированности.

* * *

Быть может, авторы опубликованных в вышедших номерах «ПЗ» произведений слегка на меня обидятся: дескать, пишу как-то все в общем, а не славословлю (их) конкретные имена. Это стремление к личной похвале очень присуще литераторам и (всем) женщинам. Не обижайтесь, вас похвалят читатели. Нам же важно уловить современные тенденции литературной провинции (в хорошем смысле — провинции). Это как раз и позволяет сделать периодическое издание, весьма точный и чуткий барометр.

А барометр этот прямо-таки приклеился своей стрелкой к указателю «штиль», то есть полусонное безветрие. Но это еще хорошо, и это привилегия провинции. А вот в столицах и «университетских центрах» и вовсе плохо. Там уже нет того, что мы привыкли называть литературным процессом. Столицы наши сравнялись с Западом, где литературы нет уже давно. То есть в столице, как в том же Нью-Йорке или Лондоне, по преимуществу ничего не читают, а если и читают, то либо свои чековые книжки, либо же «продвинутые брэнды»: два года листают бесконечного Гарри Поттера, следующую двухлетку — Дэна Брауна... и так далее. Глобализация ближе, чем порой кажется.

Провинция же затаилась, но не как перед бурей, а словно после землетрясения. Причем это равно коснулось как профессиональных писателей, так и только набирающих мастерства. Первые лишились напрочь материальной базы под свою профессиональную же деятельность, а вторые? Впрочем, здесь ситуация интереснее, мы

* Частное предприятие без образования юридического лица — это бывшие сельмаги.

чуть ниже к ней вернемся. Пока же о членах творческого союза, то есть мастерах своего дела, в той или иной степени «с именами».

Ушли в прошлое тиражи со многими нулями после первой значащей цифры, а с ними и солидные гонорары. Развалились кормильцы — государственные издательства. Но не это главное в штилевании литературного процесса, самое губительное — дивизии и полномасштабные армии самой читающей в мире страны (а это не метафора, так и было совсем недавно!) в одночасье сократились, кстати, как и в действующих вооруженных силах, до численности недоукомплектованных взводов и рот. Понятно, что это случилось не только с писательским цехом: страна потеряла миллионы инженеров, научных работников, квалифицированных рабочих и прочая, прочая. Но не надо забывать: писатель — штучный продукт социума. Негоже разбрасываться теми, кому природа и государство (то есть советское) многое дало авансом в надежде отработки на пользу тому же социуму.

И что же имеем? Наиболее прагматичные какой-никакой выход нашли: пишут текстов для газет-однодневок в периоды предвыборных горячек (даже зарабатывая при этом титулы почетных граждан городов и весей), с песнями под гармошку продавая свои книжки в торговых местах скопления народа и так далее. Более серьезные и ответственные продолжают основанную Горьким серию «Историю фабрик и заводов»; кстати говоря, тульские предприятия достойны иметь свои летописные истории.

Наконец, кто-то, как руководство и авторы «ПЗ», «ребята увлеченные», пытаются оживить литературную жизнь провинции. То есть вернемся к означенной выше теме.

* * *

Провинциальная литература сейчас, как это не покажется парадоксальным, прирастает самостоятельными (извините, не мы придумали этот термин) авторами — пролистайте вышедшие номера журнала и сразу это почувствуете. Не странно — сейчас напечататься легко, хотя бы в издании с тиражом 100 экз. Странно... а впрочем, тоже не странно — глухое нынешнее время побуждает людей с начатками литературного таланта к самовыражению. Это диалектически обусловлено, достаточно вспомнить схожую ситуацию в стране в начале 20-х годов; при всей своей жестокости и неустроенности эпохи социально-экономических, политических катаклизмов дают импульс творчески мыслящим людям. Некоторые могут желчно возражать: зачем такое число писателей? Разве не достаточно полусотни членов Тульской писательской организации СП России, да еще впридачу и десятков альтернативного Российского СП («апрелевцев», основанных вечным диссидентом, кумиром 60–70-х годов, см. выше)? Как тут можно ответить... Всем людям читающим и образованным памятен феномен норвежской литературы конца XIX – начала XX вв., когда в малочисленной приролярной стране, живущей только ловлей селедки и трески (мощные месторождения нефти и железной руды тогда еще не были обнаружены), вдруг объявился целый пласт композиторов и писателей. А число последних доходило до цифры, ранее миру незнаемого: на 300 жителей приходился свой писатель! И неважно, что из первых мы сейчас помним только Грига, а писателей Кнута Гамсуна и Бьернсона, но сам культурный феномен уникален. И это, кстати говоря, стало основой рождения норвежского литературного языка, ибо до 20-х гг. XX века у Дании и Норвегии был один исторический язык (от общих предков – норманнов, викингов): датско-норвежский.

И здесь, возвращаясь к родным, тульским пенатам, можно уверенно сказать: сейчас мы наблюдаем резкий феномен провинциальной литературы: наблюдаемая де-факто децентрализация русской литературы пошла на пользу ее. Как во времена Улуса Джугиева и феодальной раздробленности Руси, а потом она выкристаллизовалась

в литературу всероссийскую, великорусскую. Должно и нам пережить этот период истории: к вящей славе отечественной словесности.

* * *

За окном засветило позднеоктябрьское солнце, развеяв на малое время осеннюю хандру. Однако — осень, время считать птиц на дворе, подводить определенные итоги года. Проще девушкам-женщинам, вернувшимся с летних курортов и объяснившим друзьям-мужьям, что будет плохо тому, кто дурно об этом подумает*. Сложнее прагматичным литераторам: круг сужается, скоро и депутатов будут, как чиновников, сверху назначать. Как же подрабатывать на агитках-газетах? Но у истинных слуги муз каждая осень — болдинская. Подводят итоги творческого года. Так и мы, уважаемый читатель, подведем их и наметим коррективы на год следующий. А он, следуя нелепой традиции какого-то подражания, дальним он нам религиям и традициям, нарекается годом свиньи. Что же, уважаемое домашнее животное, доброе и полезное в части нашего плотоядия, в определенном смысле — символ устоявшегося домашнего очага. Хозяйства тож. Честно говоря, я их люблю, как котов и собак (только не православной породы — всяких злобных, искусственно взращенных выродков). Свинья — символ устроенности жизни, хозяйственного рачения и порядка, наш ориентир спокойной жизни. Дай, Бог, если год грядущий окажется таким. Как в феномене нынешнего, уверенно набирающего темпы развития Китае: там на миллиард с лишним жителей приходится столько же свиней, то есть энергетическая основа питания там обеспечена. А у нас? — Впрочем, «Приокские зори» — журнал литературный, не будем уходить в увлекательную политику, пусть ее с экранов ТВ объясняют Павловский, Пушкин, Караулов, то на специально и поставленные.

В начале настоящих заметок я уже поплакался на трудности с финансированием издания журнала. Кто-то пусть усмехнется, но год мы завершаем, как и обещали, ежеквартальным изданием. Даже тираж несколько увеличили. Получили одобрение читателей, тульской и московской прессы. Сформировали работоспособную редколлегия, обрели круг авторов и — главное — читателей. Правда, хотелось бы большей активности тем, другим и третьим. Редколлегия — дело внутреннее, тут мы сами самоорганизуемся, поэтому предложение действующим и потенциальным авторам: лицо журнала — ваши произведения. Живем мы все сейчас как на вулкане. Поэтому пользуйтесь предоставленной возможностью публикации на условиях, которые, как говорится, в нынешнее время и не снились...

Следующий год для журнала — решающий, по прошествии которого мы надеемся решить докучливые финансовые вопросы (с помощью администрации области и Облдумы), выйти по качеству публикаций на всероссийский уровень, а в 2008-м году получить свидетельство о регистрации печатного издания и войти в подписной каталог «Роспечати», то есть стать изданием, распространяемым по всей России.

...Если, конечно, к этому времени объектами чтения не окажутся исключительно чековые книжки, Гарри Поттер и очередной Дэн Браун. Но будем оптимистами.

* Уже надоело говорить о безграмотности СМИ, но вот в тему: по ТВ диктор объявил, что во время осеннего визита королевы Великобритании в Прибалтику, она вручила президенту Литвы «орден Бані». С ума сойти, не бані это орден, а бани! А как же говорят они об ордене Подвязки?

ПРОЗА

Наталья Парыгина

ДЕТИ

Поднимаясь по лестнице на свой четвертый этаж, Анна вдруг представила себе, что сейчас, в передней ее встретит Костя, заботливо спросит: «Устала?», — примет сумку с продуктами, унесет в кухню и, вернувшись, поможет снять пальто, как бывало прежде...

«Дура!» — сама себя обругала Анна. — Шесть лет прошло... Не шесть, а семь! Когда он связался с э т о й, он уже не был так заботлив и ласков. Не встречал у порога. Прятал глаза. И сям прятался... Она нарочно ускоряла, шаги, торопясь по ступенькам лестницы, словно убегала от... От кого? Или — от чего? Кажется, пыталась убежать от своих глупых мыслей.

Нет, бывший муж ее не встретил. Встретила мама. Приняла сумку с продуктами и сочувственно спросила:

— Устала, Анюта?

— Устала, мама.

У мамы... У свекрови были такие же большие и грустные карие глаза, как у Кости. И такие же густые, но уже седые волосы. Анна называла свекровь мамой с первого дня замужества. Другой мамы у нее не было: ее родная мать отказалась от нее сразу после родов, и Анна выросла в детдоме,

Тогда же, с первого дня после свадьбы... Нет, еще раньше, в пору их знакомства с Костей, Надежда Петровна полюбила Анну и нередко обращалась к ней со словом: «доченька». После детдомовского одиночества среди людей Анна счастливо оттаяла в постоянной атмосфере любви мужа и свекрови. А потом — еще и сын... Маленький, едва научившись говорить и не способный выговорить это трудное для него слово: «Люблю», он обнимал Анну за шею, терся личиком об ее щеку, целовал маму влажными губенками и твердил:

— Мама, люлю! Люлю!

Как эта кроха, не умея выговорить простое слово, глубоко понимала его смысл? Анна растроганно улыбалась сыну в ответ на его детскую ласку. Муж ее любил, и свекровь, и сын... Это было счастье! Огромное счастье, которому однако не было тесно в трехкомнатной «хрущевке». И только одна тревожная, должно быть, от

прежнего сиротства зародившаяся мысль каплей яда отравляла жизнь: «Неужели так будет всегда? Нет... Наверное, что-то случится... Ведь счастье не бывает вечным. Или — бывает?»

Из этой капли яда, как из ядовитой отравы, возникла в неразумной женской голове подозрительность и ревность. Нелепая подозрительность. Беспричинная ревность. «Почему ты сегодня задержался на работе? Отмечали день рождения сотрудницы? Она — молодая? Красивая?» «Да! — подтверждал Костя. — Молодая и очень красивая». Потом он говорил жене, что ей приходят в голову всякие глупости, а сотруднице отмечали сорокалетний юбилей. Но Анна не верила... Ей казалось, что муж обманывает ее, что он заглядывается на других женщин, возможно — уже не просто заглядывается! А уж они... Они, наверное, вешаются ему на шею! Недаром он стал сдержаннее и холоднее в словах и ласках к собственной жене... Хватает ему ласки и на стороне!

Анне в голову не приходило, что причиной возникшей трещины в их отношениях стала она сама. Любовь и недоверие не уживаются в одном сердце. Недоверие к любимому — это как душевная ржавчина... Анна уже не столько любила мужа, сколько боялась его потерять. И напороочила беду!

Первой, как ни странно, почувствовала эту беду и угадала ее причину Надежда Петровна. Пыталась вразумить Анну:

— Доченька, что ж ты ревнуешь Костю неизвестно к кому? Ведь убьешь ты своей ревностью его любовь. Тебя разлюбит — к другой потянется. Иль не любишь уже его?

— Люблю больше жизни! Потому и боюсь потерять...

— Любовь на цепи не удержишь... Любовь держится на доверии. На внимании. На заботе и ласке...

— Что я — не забочусь, что ли, о нем?

— Заботишься. А сама злишься. Вот и на меня...

— Прости, мама!

Славику шел уже пятый годик, когда в отделе института, где работал Костя, появилась новая сотрудница, только что окончившая институт. Не красавица, Не модница... Черт ее знает, чем она зацепила мужика, — недоумевала Анна, когда выследила однажды, как они под руку спускались по ступенькам подъезда своего института.

Там возникла любовь... А в семье начались шумные скандалы — теперь уже не беспричинные. И однажды... Однажды в дождливый осенний вечер, когда Славик уже спал, а взрослые члены семьи собрались в кухне выпить перед сном по чашке чаю, Костя, воспользовавшись мирной паузой, заявил, что любит другую женщину и уходит к ней.

— Ты не уйдешь! У тебя — сын! — истерически выкрикнула Анна и залилась слезами.

— Сына я люблю, — сказал Костя. — Но мы с тобой, Аня, стали чужими. Я полюбил другую женщину...

— Одумайся, сынок, — вмешалась в разговор Надежда Петровна.

Но Костя вместо того, чтобы «одуматься», изложил свой коварный план жизни.

— Мы с Галей скоро уезжаем в Красноярск. И ты, мама... Ты — с нами, я тебя не брошу.

— Я не вещь, чтобы меня бросать или не бросать, — с неожиданной жестокостью проговорила Надежда Петровна. — И с тобой я не поеду! Останусь с Аней и с внуком.

— Глупости! — прикрикнул на мать Костя.

— Кто с глупостью сдружился, покажет время, — сурово проговорила, мать и вышла из-за стола.

Костя аккуратно переводил алименты. В первый год после развода прислал письмо. Но Анна, не распечатав его, перечеркнула конверт черным фломастером крест-накрест и, вложив в другой конверт, отправила по обратному адресу. Больше писем не было. До сегодняшнего дня.

Услышав голоса, выбежал из своей комнаты Славик и, слегка задев бабушку плечом, встал напротив матери,

— А у нас — письмо! — радостно объявил он. — От папы. Но бабушка не разрешила распечатывать, потому что письмо — тебе.

— Мама, правда? — вдруг осевшим от волнения голосом спросила Анна.

— Правда, Анюта. От Кости.

— Я не буду читать! — раздраженно объявила Анна.

— Я могу почитать вслух, — предложил Славик.

— Без тебя обойдемся! — с непривычной грубостью оборвала его Анна.

— Надо распечатать, — негромко, но строго проговорила Надежда Петровна. — Какая-то беда у него. Посмотри на конверт!

Едва войдя в комнату, Анна увидела конверт: белое прямоугольное пятно на коричневой полировке стола. Да, конверт был не совсем обычный. То есть стандартный почтовый конверт, но у его краев по периметру шла прочерченная фломастером черная полоса. Словно бы траурная лента обрамляла неожиданное послание.

— Мама, распечатывай! — попросил Славик.

Анна после измены мужа хотела внушить сыну, что его папа умер, Но Надежда Петровна не позволила. Сказала Анне: «Не ври, так не попадешься!» — внуку рассказывала, что папа у него — хороший, добрый, но полюбил другую женщину и уехал с ней далеко-далеко.

Осторожно, словно опасаясь какого-то подвоха, Анна взяла со стола конверт и, оторвав с краю узкую полоску, вынула письмо.

— Уйдите — попросила она. — Я одна хочу прочесть.

— Пойдем, Славик, накроем стол к ужину.

Бабушка взяла внука за руку, и они вместе ушли из комнаты. Анна села в кресло, развернула сложенный вчетверо лист и принялась читать.

«Аннушка, родная моя!

Еще знаю, с чего начать... Прощения ли у тебя попросить, о горе ли своим поведать... Начну с горя. Галя умерла!..

Ты, возможно, подумаешь в эту минуту: «Бог вас наказал!» Я понимаю твою обиду и, может быть, даже ненависть ко мне и к Гале. Но Гали уже нет... Сегодня сорок дней, как ее нет... А я в горе и растерянности и обращаюсь к тебе и к маме с просьбой... с нижней просьбой! Простите и помогите!!!

Галя умерла при родах. У нас уже была девочка, ей три годика, а вот родился мальчик. Роды прошли нормально, и ребенок здоровый, а у матери вдруг (так говорит врач) началось сильное кровотечение, не могли остановить, потребовалась операция и... И во время операции она умерла... Не от болезни умерла — от родов. Что же это за медицина! Но не буду об этом... Галю не вернешь.

Аннушка, ты, наверное, не поверишь... нет, поверь! Поверь, что я никогда не забывал вас всех: тебя и сына, и маму... Я любил и люблю вас несмотря на... На все, что случилось с нашей семьей. Да, любовь к Гале пересилила мои чувства к вам. Пересилила, но — не убила! Я любил вас — втайне от Гали. Как любил Галю втайне от всех вас, пока мы не расстались. И теперь...

Теперь я не вяжу другой матери для своих осиротевших детей, кроме тебя!..»

— Нет! — громко проговорила, почти прокричала Анна. — Ни за что! Никогда...

— Аня, что ты?

— Мама, почему ты кричишь?

Свекровь и сын одновременно подбежали к ней и, стоя рядом, ждали объяснения.
— Галя умерла,— с трудом выговаривая слова онемевшими от волнения губами, но уже без крика, объяснила Анна,— у них двое детей... И Костя надеется... Он хочет, чтобы я стала их матерью.

— Господи!

Только этим одним словом и выразила Надежда Петровна свои чувства и расслабленно опустилась, почти упала на стул.

— Большие дети? — спросил Славик.

— Маленькие... Да какое нам дело!

— Я буду с ними нянчиться и играть,— пообещал Славик.— А кто: мальчики или девочки?

— Девочка и мальчик. Но нянчиться с ними мы не будем!

Надежда Петровна взяла со стола письмо сына и медленно, вникая в каждое слово, прочитала от начала до конца.

Ужинали молча, словно рассердившись друг на друга и не желая мириться. А поужинав, тут же разошлись. У Анны и у Славика были свои комнаты, а раскладной диван Надежды Петровны стоял в проходной, именуемой еще залом, так как здесь же размещался телевизор и стол для торжественных обедов в дни семейных или государственных праздников.

Славик, привыкший к установленному для него распорядку дня, вовремя лег спать. Надежда Петровна включила телевизор и смотрела все рекламы и клочки каких-то фильмов между ними, не вникая в смысл того, что мелькало на экране.

В полночь, уже ложась спать, услышала Надежда Петровна приглушенные рыдания Анны. Подошла к двери невесткиной комнаты, намереваясь высказать ей то, о чем думала, сидя перед телевизором. Что прощение выше ненависти... Что малышки ни в чем не виноваты... «Ты, Аня, сама без матери выросла, знаешь, как это горько. Но и мачеха... Не мачехой должна ты стать для Костиных детей, а — матерью! Ты добрая... Ты сможешь, Анюта!..» Стояла перед закрытой дверью и мысленно говорила с невесткой, которую считала дочерью, а из-за двери доносились приглушенные рыдания.

Так и не высказала Надежда Петровна невестке вслух свои доводы. Вернулась к своему дивану. Подумала: сама Анна должна решить, как ей поступить. Да и решила уже... И письма не дочитав, решила.

Анна в эту ночь почти не спала. Под утро ненадолго сомкнула глаза, подремала... В шесть, как обычно, поднялась. Заглянула в зал, увидела: диван пустой и уже прибран. Мама встала.

Надежда Петровна сидела в кухне за столом. Лицо у нее было непривычно суровое. Но голос, когда заговорила с Анной, звучал спокойно и даже как будто сочувственно.

— Ты, Аня, не сердись... Решила я к сыну ехать. Славик уже большой, вы тут без меня справитесь...

— Поезжай, мама,— перебила Анна.— Как ему в дороге, мужчине, с двумя малышками... Я и сама подумала, что надо тебе ехать.

— Так ты, Аня... Ты надумала...

— Этой ночью я, мама, всю свою обиду и злость выплакала,— негромко, просто проговорила Анна.— Костю я любила и разлюбить не смогла. А детям его... Сама себе поклялась, что буду им не мачехой, а матерью.

— Дочка...

Надежда Петровна встала, обняла невестку, и они так, обнявшись, немного поплакали, орошая слезами предстоящие перемены в жизни, как орошает весенний дождь почву под корнями голых, озябших за зиму, но уже готовых одеться зеленой листвой деревьев.

Николай Стещенко-Фролов

НОЧИ «ФАНТОМА»

Фирма «Марс и Венера» приглашает добровольцев

Синий невод ночи, полный трепещущих звезд, утянулся на запад. Розовые губы востока раскрылись в поусонной улыбке привета и благословения Земле. Роща, вся в белом, ошалела от дурмана черемух и откровения соловьев, забрела на луг, устланный белеными холстами тумана, заплуталась в них, остановилась. Торжественным органом звучала вернувшаяся к жизни природа. Звуки, достигнув городских окраин, ударились о стены зданий и осыпались на мостовую дробленным эхом. Лишь розовый свет продолжал течь по улицам от окраин к центру, взяв в попутчики другие звуки: грохот продуктовых фургонов, шум легковых такси и шарканье метел дворников. В Москву вступало майское раннее утро. Многомиллионный город, поздно закончивший свои веселые и невеселые дела, медленно просыпался.

Литератор Царев с легкостью выпавшегося молодого человека сбежал по лестнице со второго этажа, распахнул парадную дверь и невольно улыбнулся открывшейся картине весны. Внутреннее напряжение ослабло, мысли успокоились. Царев почувствовал, что готов забыть о намеченной встрече и броситься без оглядки в рассветные поля, раствориться в тумане, стать частью весенней природы, которая дышит, поет, благоухает. Он пересилил себя и, повернувшись спиной к востоку, зашагал по улице по направлению метро. Шел и невесело думал, что город связан с природой лишь окраинами, как нервными окончаниями, а в центре он поставил заманчивых ловушек в виде театров, концертных залов, ресторанов, цветочных магазинов, чтобы уравновесить в человеке тягу к своей провинции.

Как всегда по утрам, Царев шел по середине мостовой. В ранние часы на окраинах редко появлялся транспорт, улица была чисто подметена, выскользненные булыжники старинной кладки отливали свинцом. Царев на ходу проверил карманы: записная книжка, авторучка, запасной блокнот были на своих местах. Пользоваться диктофоном в личной беседе академик Лисаев не разрешал, видно, когда-то при помощи этой штуки его сильно подвели.

Царев мысленно вернулся к предстоящей встрече. Сопоставляя уже известные факты, он пришел к выводу, что Лисаев прямо или косвенно связан с загадочным строительством в Большой Дубровке. Много дней Царев добивался встречи с ним, и вот наконец настойчивость увенчалась успехом. «Хорошо, если примет в домашнем кабинете до отъезда на работу,— думал Царев,— неплохо, если захочет побеседовать в машине по пути в институт, еще лучше, если пригласит в лабораторию».

Перед тем, как свернуть за угол к станции метро, Царев увидел несущихся навстречу разносчиков газет. Мальчишки на разные голоса выкрикивали заголовки одной и той же новости.

— Сенсация года: подземный город приглашает желающих на эксперимент!

— Хотите выжить? Вас спасет «Фантом»!

Царев замедлил шаги и тут же перед ним остановился парнишка лет четырнадцати с красным от возбуждения лицом.

— Кто там кого спасет? — спросил Царев, доставая деньги.

— Не кто, а что, дяденька! Город будущего «Фантом». — Мальчишка был горд своей осведомленностью.

Царев молча протянул ему деньги, схватил номер газеты «Златоглавая Москва» и посреди улицы принялся читать объявление на первой полосе: «Фирма «Марс и Венера» /МВ/ приглашает добровольцев участвовать в грандиозном эксперименте, который призван избавить всех нас от неожиданностей в случае экологической или термоядерной катастрофы. Это испытание на совместимость непохожих характеров, установление гармонических отношений между людьми во время длительного пребывания в условиях, изолированных от внешнего мира. В подземном городе «Фантом» в течение длительного времени вам гарантированы все блага цивилизации и хорошая оплата эксперимента. Отбор добровольцев ведут опытные ученые различных направлений. Проезд по новой железнодорожной ветке до станции «Большая Дубровка», далее — автотранспортом до городка «Фантом». Фирма «Марс и Венера» желает вам успеха».

— Опоздал! — почти простонал Царев, непроизвольно комкая в руках газету. Опомнившись, удивленно посмотрел на бумажный ком и в сердцах швырнул его в сторону.

— Покупайте утренний выпуск «Златоглавой Москвы!» — гудел ломающийся басок позади Царева.

— Эксперимент обещает любовь и деньги, — выдавал детский голосок недетские слова от него.

Квартальный бригадир разносчиков Левка Беланчик, безусловно, настроил свою команду сделать «Златоглавке» хороший тираж.

— Боже, такие голоса звучат сейчас по всей Москве! Опоздал! Какая несправедливость! — с ужасом подумал Царев. Он вдруг осознал, что в нерешительности топчется на месте, махнул на все рукой и почти побежал к станции метро.

У входа в метрополитен разносчиков было больше, и каждый из них работал на отведенном ему пространстве.

— Эй, голубчик, — поди-ка! — окликнул Царев одного из мальчишек.

Голубчик в зеленой утепленной куртке тотчас был тут как тут, часто гонял возбужденным ртом:

— Добровольцев ждет несравненный...

— Скажи, — прервал его Царев, — у тебя газета «Вольница» есть?

— Сей момент! — мальчишка обернулся в полминуты, протянул желаемое издание. Царев накинул ему полтинник за услугу.

— А почему «Вольницы» нет при тебе? — поинтересовался он.

— Ею вон там, — разносчик кивнул головой через плечо, — там торгуют с тумб.

— Что, бригадир Левка не выдает?

— «Златоглавку» продадим, за «Вольницу» примемся.

— Почему так, а не наоборот?

— В ней сегодня гвоздя, а по-нашему зазыва нету, — пояснил мальчишка. — «Златоглавку» продадим, а пока за новой партией тиража съезды, мы «Вольницу» и другие газеты сторгуем. «Златоглавка» сегодня до обеда будет непрерывно печататься, могу гарантию дать. А-а, заговорился я с вами, дяденька, мне работать надо.

— Стой. Дай еще номер «Златоглавки», — остановил его Царев, чтобы поговорить еще. — Тебе фамилия литератора Царева известна?

— Это который из скандальной хроники? — спросил мальчишка, подавая газету.

— Разве он из скандальной, а не из серьезной?

— А то откуда же! — усмехнулся разносчик, считая деньги.

— Скандальчик подкинет, одна радость работать: «Тайные планы академика Лисаева!», «Прекрасные блондинки второго сорта!» Мы всех знаем, которые заработать дают.

— Ну, работай, работай! — кивнул Царев мальчишке, ощущая приятные чувства к малолетнему бизнесмену. Для удобства свернул газеты в трубку и заторопился к эскалатору метро.

Ранняя электричка мчалась по новой ветке в юго-западном направлении от Москвы. В открытые окна упруго струился прохладный ветер, приятно освежая горевшее лицо Царева. «Опоздал! Опоздал! — изводило его проклятое сознание ускользнувшего успеха.— Сколько напрасных трудов!» Книга уже сложилась, осталось добыть последние факты, за которыми он ехал сегодня к Лисаеву, запереться дома и сесть за компьютер. Но свершиться этому не было суждено, как и пожить свободной жизнью после издания книги. Опять газетные статейки, скандалы обиженных предпринимателей...

Царев вспомнил юного разносчика газет, часто хватавшего розовым ртом воздух после быстрого бега и выкрикивания «зазывов», иронически скривил губы: «Значит, зарабатывая сам, даю заработать им». Он развернул «Вольницу», в которой сотрудничал по контракту. Номер действительно был пустой, не за что зацепиться глазу. Затем перечитал объявление в «Златоглавой Москве», закрыл глаза и задумался. Теперь он знал, почему академик Лисаев назначил ему встречу на сегодняшнее утро. Просто тайны больше не существовало. Своими публикациями Царев наводил на фирму «Марс и Венера» промышленных шпионов, а Лисаев со своей командой оберегал секреты. Они вели одну игру по разным правилам. Царев пробирался к цели с завязанными глазами, Лисаев видел цель, знал намерения противника. Проиграть должен был первый.

На плечо Цареву опустилось что-то мягкое и теплое. Он открыл глаза и слегка повернул голову влево. Его изумлению не было предела: на плече лежала голова красивой девушки. Он окинул ее медленным взглядом. Легкая спортивная куртка была застегнута на молнию. На оголенных острых коленках лежали миниатюрные кулачки, в них была зажата свернутая газета.

«Мини-юбки вышли из моды в позапрошлом году, значит, не из богатых, донативает,— заключил Царев.— Как я не заметил ее раньше? Может, кто-то вышел, а она заняла освободившееся место? Но я не помню, кто сидел здесь до нее. Что-то я совсем раскис, надо собраться».

Голова девушки была чуть запрокинута и упиралась затылком в спинку сиденья, полуоткрытый пухлый рот был рядом с его настороженными губами. Девушка дышала ему в лицо.

Завизжали давно не смазываемые створки дверей, и вслед за неприятными металлическими звуками по вагону рассыпались бодрые детские голоса.

От шума девушка проснулась, несколько мгновений они глядели глаза в глаза. Она удивлялась, каким образом оказалась на плече незнакомого мужчины, он поощрял ее смелость, начисто игнорируя удивление. Девушку оскорбило это самоуверенность, она торопливо сняла голову с его плеча и извинилась. Мимо них, шурша газетами, пробежали двое мальчишек лет двенадцати. Новость дня гналась за пассажирами, но по тому, что у разносчиков не было куплено ни одного экземпляра, Царев догадался: для них новость устарела, а значит, все они едут по одному объявлению.

«Спокойно, Царев! — приказал он себе, чувствуя, как от волнения разгораются щеки.— Сенсация всколыхнула Москву и сегодня электричкам придется поработать на полную мощность, но ты все равно обязан попасть на эксперимент, потому что заслужил это право. Результаты эксперимента можно будет объединить сюжетом с

материалом, собранным ранее, и твоя книга состоится. Из чуть было не проигравшего ты превратишься в выигравшего».

Эта мысль взбодрила Царева. Он взглянул на прекрасную соседку и улыбнулся, что вновь смутило ее.

— Извините ради бога, я сегодня очень мало спала,— призналась она.

— Это вы простите меня,— сказал он, не отводя глаз от ее лица.

— За что же? — девушка несколько оживилась.

— Терпеть не могу, когда человек, о котором я что-то думаю, не знает моих мыслей. Чувствую себя перед ним преступником.

— Необычное стремление,— хмыкнула она,— в каждом человеке видеть храм, перед которым можно согрешить и покаяться. Или вы каетесь только перед женщинами?

— Думайте, как хотите,— он отвернулся к окну и стал ждать, когда ее любопытство сметет плотину кокетства.

— Так что такое вы думаете обо мне? За что вас простить? — сказала она после недолгой паузы.

— За дерзкую мысль,— голос Царева был доверительным и в то же время самоуверенным.— Когда вы спали на моем плече, ваши губы были так близко от моих, что мне хотелось поцеловать вас, закрыть глаза и ждать пощечину.

— Будьте уверены, непременно бы заработали,— пообещала она с непоколебимой твердостью праведницы.

Эти слова задели его самолюбие, и он все тем же тоном, но с примесью яда заключил:

— Вот и правильно, что вы не возмутились. Обычно это делают умные дурнушки, чувствуя подвох, а все остальные при комплименте млеют от удовольствия.

— Да как вы смеете? — в лицо девушке ударила краска смущения.

— Вы можете быть решительнее и наказать меня за посягательство на ваши спелые вишенки.

— Ах, так? Получайте! — она в гневе вlepила ему пощечину, но не получила от этого удовольствия, а лишь испугалась своего поступка и, как бы раскаиваясь, прижала миниатюрные кулачки к груди.

— Спасибо, сударыня! — улыбнулся Царев и погладил мгновенно покрасневшую щеку.

Такая реакция не только придала ей смелости, но даже возмутила:

— За что спасибо? Почему вы все время благодарите?

— Потому что вы использовали свой шанс, а я нет. Я лишь хотел вас поцеловать и ждать пощечину, но не поцеловал. Вы же, узнав о моем желании, нарочно дали мне пощечину, чтобы в ответ получить мой поцелуй.

— Вы ненормальный.

— От такой слышу. Вы не находите, что слишком высока цена одного желания?

— Что вы себе позволяете! На нас смотрит весь вагон.

— Тогда предлагаю выйти.

— Ни за что.

— Я прошу вас, дорогая! Так надо,— он цепко сжал ее руку и повел к выходу, ощущая неуверенное сопротивление.

Пассажиры попытались остановить Царева, но он решительно запротестовал:

— Разве супруги не имеют права выяснить отношения без посторонних глаз?

— Перед ним расступились, проводили тяжелыми взглядами.

В тамбуре она, подрагивая всем телом, потребовала ответа:

— Куда вы меня тащите?

«А действительно, куда и зачем? — подумал он.— Мне одному легче добраться до места, попасть на эксперимент. Но у нее ведь юбка прошедшей моды...»

— Что вы молчите как истукан? Я сейчас позову на помощь.

— Запомните, здесь никому нет дела до нас.

— Вы сумасшедший, вы маньяк!

— Заткнитесь, красотка, пока не сломал руку.

Поезд остановился, открылась дверь. Царев шагнул на платформу, увлекая за собой девушку. Когда поезд тронулся, отпустил ее руку и закурил. Она по-детски тихонько заскулила.

— Как вас зовут? — спросил Царев, стоя к ней спиной и оглядывая площадь за перроном.

— Любава.

— Ладно, пошли.

Он быстро сбежал по ступенькам вниз и подал ей руку. Девушка неуверенно приняла ее.

— Меня называйте Георгием.

— Я не хочу называть вас никак, — всхлипывала она, — вы испортили мне день, украли у меня кучу денег.

— Деньги, красотка, можно украсть только в одном случае: когда они есть. А что касается имени, то ваше право, называйте хоть собачьим хвостом, я не гордый. Но главное запомните: вы моя должница, и я потребую долг, когда в этом появится надобность.

Она брезгливо передернула плечами:

— По крови вы — крепостник!

У входа на площадь Царев остановил такси, молча пропустил Любаву на заднее сиденье, сел рядом с ней и только тогда сказал:

— В Егоровку.

— Назад холостым? — спросил таксист.

— Двойной расчет.

Ехали минут пятнадцать, всю дорогу молчали. На подъезде к Егоровке таксист уточнил, где остановиться. Царев попросил отвезти до лесничества.

— Туда мы не договаривались, — бесстрастно ответил таксист, проводя ладонью по лицу сверху вниз.

— Конечно нет, — согласился Царев, — если бы я назвал лесничество, разве бы вы поехали?

— Что я, безумец? — таксист остановил машину.

— Вот видите, так что я прав, — продолжал Царев спокойно уговаривать таксиста. — Вы читали в сегодняшних газетах об эксперименте фирмы «Марс и Венера»?

— Я экспериментировать не хочу, до лесничества ехать запрещено. Зачем нарываться на неприятности?

— Вы с ночной смены?

— Да, черт возьми, именно с ночной, а вы меня задерживаете, — таксист снова провел ладонью по лицу.

— Значит, не читали, — Царев развернул газету и протянул таксисту. — Вот это объявление прочтите.

Таксист, видно, плохо соображал после утомительной ночной смены, несколько раз прочитал объявление и только тогда сказал:

— Ну, это другое дело. — Обернулся к пассажирам и предупредил — договор остается в силе: расчет двойной, возвращаться буду порожняком.

Национальная катастрофа

Принадлежащий фирме «Марс и Венера» участок поля примыкал к опушке привычного русского леса, где уживались и сияющие березы, и сосущие синеву ели, и

патриархальные дубы. Участок был обнесен высоким забором из гофрированного цинка. Ни высоких сооружений из стекла и бетона, ни фантастических переходов между ними, которые ожидала увидеть Любава, не было и в помине.

Царева задержал таксист, который вышел из машины, чтобы размять ноги, и они о чем-то беседовали. Тем временем Любава издала с любопытством изучала своего спутника. Был он высок и широкоплеч, куртка и брюки плотно облегли тренированное тело. Красивым его не назовешь, но было в его некрупных чертах лица нечто неуловимое, что заставляло проникаться к нему симпатией. Даже немного искривленный вправо нос не портил общего впечатления. Плавные движения Царева внезапно сменились резкими, в них не было предсказуемости, и Любаве казалось, что такой человек не способен рисоваться, и в нем должно быть естественным все: от одежды до поступков.

— Вы желаете дальше действовать в одиночку или вместе со мной?

Любава вздрогнула от его слов: задумавшись, она не заметила, как он подошел.

— Я здесь впервые,— пролепетала она, пытаясь скрыть смущение от своего решения остаться с ним.

— Можно подумать, что раньше сюда выписывали командировки всем, кто пожелает,— пробурчал он не столько в ответ на ее слова, сколько из мстительности к этому треклятому месту, которое приносило ему одни неприятности.

Любаву уязвил его резкий тон, но она подавила вспыхнувшее раздражение, секунду помедлила и пошла следом, отстав на несколько шагов и не пытаясь догнать его.

Царев оглянулся и, подождя, пока она поравнялась с ним, твердо сказал:

— Если вы решили остаться со мной, то должны вести себя без всяких фокусов.

— Я приму ваше предложение в том случае, если дальше вы будете пользоваться более взвешенными выражениями,— показала она коготки.

Они оказались у входных ворот, перед которыми прохаживался охранник с синей повязкой на рукаве, маркированной буквами «МВ». Царев пожелал ему доброго утра. Любава молча кивнула: мол, желает того же. К прежнему разговору они не вернулись, таким образом, хотя и не пришли к согласию, зато предупредили друг друга об условиях, при которых готовы поддержать союз.

За оградой оказалось немногочисленно, да и неизвестно, что это были за люди, служащие фирмы или претенденты на эксперимент. Георгий и Любава в любом случае оказались в числе первых. Металлическое ограждение охватило небольшое пространство и дальним концом уходило в лесную чащу, откуда доносилась негромкая приятная музыка. Наземных сооружений здесь не было, свежая асфальтовая дорожка без бордюра привела их к открытому круглому люку, перед которым она заламывалась в некрутые широкие ступеньки, уводящие вниз.

Георгий и Любава остановились возле люка. Лес раскрыл почки, затуманился зеленью. Опушка закустилась изумрудной травой, по которой весело разбежались цветки одуванчиков в желтых панамках. С ветки на ветку перепархивали птицы, вплетая свои возбужденные голоса в тихую музыку радиотрансляции. В картинах весеннего утра было столько благодати, что Георгий и Любава невольно залюбовались ими.

— Вам — вниз! — напомнил издала охранник, челноком сновавший у ворот.

Очарование вмиг покинуло их, и стало вдвойне жутко видеть круглую пасть люка. Георгий первым шагнул вниз и подал руку Любаве. Та с независимым видом приняла ее и пошла следом. Лестнице, казалось, не было конца, она будто уводила их в тридевятое царство.

Наконец они оказались в круглом просторном зале с небольшими светящимися окошками, за которыми скучали служащие. В одном из окошек Георгий и Любава получили регистрационные карточки и вошли в квадратную комнату, на двери которой горело табло «Регистрация». В углу комнаты за компьютером сидел молодой

оператор, а рядом с ним, облокотившись на столик, внимательно наблюдал за вошедшими седовласый мужчина. Оба они были в белых халатах. Мужчина за столом ответил на приветствие и указал глазами на жесткие пластиковые кресла-раковины. Георгий и Любава сели.

— Вы муж и жена? — спросил он.

— Почти да, — торопливо ответил Царев, чтобы опередить девушку, — осталось обвенчаться, что мы и сделаем в ближайшие дни.

Хозяин комнаты остановил на Любаве гипнотизирующий взгляд, от которого ей стало не по себе, затем перевел его на Царева. Взгляд был неприятный, будто общаривал тайные уголки души, внушая при этом, что ему известно, где и что лежит, и он только проверяет, все ли на месте. Царев выдержал взгляд, догадался, что они у психолога.

— Давайте ваши карточки, — экспериментатор выставил вперед раскрытую ладонь и, получив карточки, передал их оператору. — Вы не против, если мы зарегистрируем вас на одной, общей, карточке?

— Согласны, — подтвердил Царев.

— Попрошу отвечать по очереди, — он посмотрел на Любаву.

— Ваши фамилия, имя, отчество.

— Фиалкина Любава Павловна.

— Царев Георгий Николаевич.

— Возраст?

— Девятнадцать лет, — сказала Любава.

— Двадцать пять, — сообщил Царев и вдруг скороговоркой добавил: — Практически здоров. В порочащих меня связях не состоял. Православной веры... Это я для ускорения беседы, так как вслед за нами сюда мчатся из Москвы набитые людьми электрички, и с минуты на минуту вам придется очень экономить время.

— Да, да, это так, — подтвердила Фиалкина.

— Это наша забота! — пресек их вольные речи психолог и пояснил: — Чем больше народу, тем качественнее проведем набор.

Георгий понял, что ляпнул лишнее, и опустил глаза.

— Скажите, какое чувство привело вас сюда: любопытство, желание упрочить экономическую независимость или ожидание острых ощущений?

— Любопытство — отчасти, а острые ощущения можно испытать и в Москве, — ответила Любава.

— Считайте это и моим ответом, — кивнул Царев.

— Любой эксперимент своим итогом направлен в завтра, — продолжал психолог, — у вас не было мысли, что участием в эксперименте вы оказываете добровольную услугу будущим поколениям?

— Я об этом не думала, — заявила Любава.

— Над нашим и предыдущими поколениями провели достаточно экспериментов, чтобы идущие следом могли самостоятельно извлечь из них уроки, — заключил Георгий.

Оператор компьютера едва успевал писать. Его руки парили над терминалом, и каждое прикосновение длинных пальцев к клавишам сопровождалось цыплячьим писком.

— Значит, вы приехали, чтобы заработать?

— Если бы это считалось даже грехом, я все равно была бы здесь. Материальная независимость — это каникулы души.

— Каждый порядочный человек должен презирать деньги, потому что они заставляют сознание раздваиваться — желать их и ненавидеть, — жестко сказал Царев.

Любава вспомнила, как щедро он расплачивался с таксистом, улыбнулась и взгля-

нула на него. «Боже, да он просто красив! — восхитилась она. — А чуть искривленный нос — это для оригинальности линий лица».

— Кстати, вы не могли бы сказать, сколько будет стоить для каждого этот эксперимент? — продолжал Царев.

— Узнаете при заключении контракта, — вежливо ответил психолог. — Как вы относитесь к одиночеству?

— После того, как мы встретились, одиночество для нас стало абстрактным понятием. — Царев почувствовал, что Любава смотрит на него, улыбнулся: — Правда, дорогая?

Дорогая едва сдерживала смех.

— Что вам более всего приятно в жизни?

— Праздники, — не задумываясь, ответила Любава.

— Знать меру в радости, а еще — не быть сладким, чтобы не съели, — сказал Георгий.

— А чего вы не любите?

— Несчастливых концов в сказках, — Любава смущалась своих откровенных ответов, но смущение не огорчало ее.

Царев в упор посмотрел на психолога и с интонацией резонера сказал:

— Терпеть не могу политиканов и их политику, Они играют на самых благородных чувствах народа ради собственного возвышения и личной власти над ним. Когда я слышу, что язык дипломату, или политику, дан для того, чтобы лучше скрывать свои мысли, меня коробит.

Психолог прокашлялся и продолжал:

— Ваша профессия?

Вопрос застал Любаву врасплох, она замялась и неуверенно сказала:

— Массажистка.

— А я — безработный актер, временно живущий на содержании у массажистки.

— И поэтому презираете деньги?

— Это не совсем так, — вступилась Любава, — Георгий прилично зарабатывает, правда, непостоянно...

— Какую работу вы хотели бы выполнять в нашем уютном подземном городе?

— А что вы можете предложить? — в свою очередь спросила Любава.

— Любую из существующих в Москве профессий, кроме, конечно, аэрофлотских и космических.

— В таком случае, я хотела бы работать по специальности.

Царев попытался подловить психолога на слове.

— А я с удовольствием бы осуществил мечту детства: попробовал себя на речном флоте.

— Там у нас всего одно должностное место — перевозчик через реку Лету, но поскольку вы первый заявили на него право, придется отдать его вам.

«Однако юморист», — подумал Царев и не сумел сдержать улыбки.

— Документы с собой? — спросил психолог, не поведя бровью.

— Объявление в газете прочли уже в городе, не хотелось возвращаться домой, — сказала Любава. — Сегодня многие приедут без документов, вот увидите.

— Хорошо, привезете в следующий раз. — Психолог взял у оператора дискету, что-то отметил ручкой в лежащих перед ним бумагах и, довольный, заключил:

— Веселые вы люди, будто живете не в двадцатом первом веке. Любовь, сказки со счастливым концом...

Царев остался доволен своим поведением. В условиях полной изоляции от внешнего мира прежде всего должны цениться чувства оптимизма и юмора. «Это, господин специалист, знали еще в Древнем Риме». Психологу он сказал:

— Что ж не веселиться, наше поколение уже много лет не сажают за анекдоты. После эксперимента в «Фантоме» буду добиваться учреждения в Российской Академии отделения русского юмора и сатиры. Здоровая нация должна поддерживать свое здоровье смехом, в том числе и над собой, как, например, французы, у которых даже академия юмора есть. Чем мы хуже их?

— Возьмите карточку, вас ждут в третьем блоке,— психолог усмехнулся, не скрывая, что симпатизирует веселой парочке.

В просторном холле народу не прибавилось. Понуро переминались с ноги на ногу странные люди, зачем-то делавшие вид, что не знают друг друга. На их лицах не было ни малейшего интереса к аккуратной отделке холла, к светящимся окошкам со служащими в них, к матовым плафонам под высоким потолком. Такого абсолютного отсутствия интереса к окружающему не может быть у людей, впервые попавших сюда. Вдруг, как по команде, они переглянулись и оживились. Царев и Фиалкина замедлили шаги и прислушались. Сверху по ступенькам стекали звуки гневного воя перетруженных моторов.

— Вам туда! — один из странных людей указал на полуовальную нишу в стене.

Царев поблагодарил, и они с Фиалкиной вошли под своды, как в пещеру.

— Странно,— сказала Любава, следуя за Георгием по пятам,— он вел себя так, будто мы его родственники.

— Ничего странного, госпожа массажистка. Мы теперь подопытные, или, по другому, объекты эксперимента.

— Какая прелесть! — рассмеялась Любава. Смех ее был звонок и неудержим, как ветер в горах, ему было тесно под сводами перехода.— Скажите честно, Георгий, почему вы скрыли свою настоящую профессию?

Он остановился, Любава наткнулась на его спину и ойкнула.

— А вы серьезно считаете, что с вашими пятилинейными ногтями можно делать массаж без экзекуции? И кто станет это терпеть?

Она захлебнулась смехом, на нее словно нашло. «Какой большой ребенок!» — весело подумал Царев и пошел дальше. В конце коридора Георгий резко остановился и Любава вновь налетела на него. Но он не обернулся и не заговорил. Он смотрел вперед, где шагал одинокий человек. Был он сед, высок, сутул. Высок за счет длинных ног, которые передвигал, казалось, с усилием, будто они не слушались его. В этом человеке Царев узнал профессора Лисаева и сразу почувствовал себя загнанным в угол. «Профессор и не думал встречаться сегодня со мной, это очередная его контрмера».

Любава робко дернула за рукав:

— Георгий, что случилось?

— Я просто хотел узнать, откуда вы взяли, что я не тот, за кого себя выдаю?

— Вот и взяла,— кокетничала она.

— Вы знакомы с профессором Лисаевым?

— Никогда в жизни не встречалась.

Георгий вспомнил неожиданно появившуюся на своем плече ее голову и доверительно, с нотками постигнутой тайны зашептал:

— А я знаю: вас подослал ко мне профессор Лисаев. Что вам от меня нужно?

Выражение лица и глаз окончательно убедили ее, что он не шутит. На мгновение она растерялась, и это замешательство, как улика, привело его в ярость.

— Дрянь! Ты испортила мне жизнь! Сколько он платит тебе!

Криком женщину не оскорбишь, криком возбуждаешь в ней оборону. Любава, как от удара, откинула голову назад и сделала выпад:

— Это ты ко мне приставлен, ты!

— Кем же, скажи?

— Тебе лучше знать — кем! Кто тебя просил снимать меня с поезда? Кто и зачем?

Ее напор поколебал его уверенность, и он, схватив ее за кисти рук, скорее попросил, чем потребовал:

— Если ты сейчас же не скажешь правду...

Она повела плечами, подняла на него глаза:

— Я тебя узнала в поезде. Я не сумасшедшая, чтобы с незнакомым мужчиной выходить из вагона на случайной станции, где нет даже муниципальной охраны.

— Ты читала мои статьи? Или книги?

— Ни разу в жизни!

— Так откуда, черт возьми, ты знаешь меня?

— Да отпусти ты, вцепился как в личную собственность! — Любава освободила руки из его цепких пальцев и обиженным голосом призналась. — Я видела тебя на станции Большая Дубровка, на митинге. Это когда думали, что здесь строят могильник для радиоактивных отходов. Объявили, что выступает журналист... фамилию забыла. А лицо помню. Смутно правда. И что говорил помню.

— Извините, — покраснел он.

— Чего уж там! Как ругаться, так на ты, как извиняться, — на вы. По высшей шкале этикета двуличия.

Царев был окончательно обезоружен, он заговорил миролюбиво и озабочено:

— Послушай, Любава, у меня неожиданно возникли сложности, я предлагаю временно расстаться.

— Желудок расстроился, что ли?

Это было сверх всяких сил, он застонал.

— О, Боже! Зачем ты свел меня с этим Лихом! При чем тут желудок! Обстоятельства изменились, ты можешь пострадать из-за меня. Надо срочно перерегистрироваться.

Любава откинула назад свою красивую голову и возбужденно сверкнула глазами:

— Ты трус, Георгий! Кому я поверила!

Царев до хруста сжал зубы и зажмурился. Он трус! Невероятно! Он слышал этот упрек первый раз в жизни, если бы не от женщины...

— Ну что ж, пошли. Запомни: ты сама этого хотела.

Царев решительно повернулся и продолжил путь. Стены и свод были выложены из красного кирпича, полом служили бетонные квадратные плиты, уложенные с едва заметными зазорами, которые были заполнены речным песком, намытым со дна Оки, под Серпуховом.

«Может, не узнает? — гадал Царев, думая о Лисаеве. — Встречались три года назад и то коротко. А вчера договорились по телефону... В лицо не узнает, профессия другая, но фамилия... Проклятье! Кто знал, что он окажется здесь? Обидно, если из-за меня пострадает эта особа. Желудок расстроился! Тьфу, ненормальная!»

Коридор влился в такой же, идущий перпендикулярно. Та же кирпичная облицовка, те же плиты под ногами. Царев глянул направо, налево. В десяти шагах над дверью светилась табличка с надписью «Блок 3». Значит, профессор шел туда. Царев подошел к двери и толкнул ее.

Профессор сидел на красном пластиковом стуле за небольшим столом с микрокомпьютером. В углу работал оператор. Впечатление такое, что они попали в прежнюю комнату, но с другим персоналом.

Царев поздоровался и положил на стол перед Лисаевым магнитную карточку. Получив разрешение, они сели.

Лисаев молча вставил карточку в гнездо компьютера, прогнал на экране записанные данные

— Значит, Царев Георгий Николаевич и Фиалкина Любава Павловна, безработный актер и массажистка, желающие выполнять любую работу, — сказал он, передавая карточку оператору.

— Да, — подтвердил Георгий, изменив голос.

— Ваша машина что-то напутала,— возразила Любава, возбужденно ерзая на пластиковом стуле.— Я просила работу по специальности, но если нет таковой, я готова выслушать ваши предложения. Совсем было бы неплохо получить должность домохозяйки... Не думайте, что я оговорилась, это действительно одна из трудных должностей...

«Куда ее понесло? — ужаснулся Царев.— Боже, останови это неразумное существо!»

Не остановил. Над женщиной в момент экстаза нет власти. Умудренный опытом профессор понимал это. Загадочно улыбаясь, он снял очки в черепашьей оправе и положил на столик перед собой. Царев вспомнил, что во время той единственной встречи с ним Лисаев делал так, когда не соглашался с чем-то и хотел возразить. Он снимал очки словно бы для того, чтобы не видеть выражения лица соперника, которое могло как-то повлиять на его настроение.

— Вы закончили? — любезно осведомился он, едва Любава сделала паузу, чтобы перевести дыхание.— Тогда с вашего позволения продолжу я. Семейные эксперименты, милая барышня, лучше проводить в Москве, а здесь ставятся научно-технические и социальные эксперименты. Поэтому, прежде чем предложить вам сто-то, извольте ответить на мои вопросы. Вы знакомы с какой-либо техникой.

— Да, я пользуюсь утюгом, телевизором, пылесосом, высокочастотной печью, видеомагнитофоном, достаточно?

— Если какой-то из перечисленных вами предметов выйдет из строя, вы могли бы, имея схемы, починить его?

— Это равносильно тому, если бы меня вместо врача поставили к операционному столу.

— Чего он добивается? — ломал голову Царев.— Неужели так важно, останется она без развлечений при отказавшем телевизоре или не останется? Что за эксперимент они задумали?

— Вы хотели бы научиться управлять этим компьютером? — Лисаев скосил глаза в угол, где работал оператор.

— Нет! — Любава выразила на лице брезгливость к этому техническому монстру и уточнила: — Никогда! Я испытываю радость только при контакте с живыми существами.

Профессор кивнул белой головой, надел очки и обратился к Цареву.

— Что вы ответите на эти вопросы?

— То, что может ответить человек, окончивший гуманитарный вуз.

— И ничего больше?

— Ничего! — голос Георгия был настолько чужим, что Любава оглянулась на него через плечо.— Мне хотелось бы узнать, на какое время рассчитан эксперимент? Дело в том, что недели через три мне обещали контракт в театре «Лики и маски».

— В таком случае, молодой человек, вам придется выбирать,— официальным голосом уточнил Лисаев.— Не смею вас больше задерживать. В четвертом блоке — медицинская комиссия, в пятом вы узнаете все подробности о контракте. Желаю удачи.

За дверью Царев радостно вскинул вверх руки и беззвучно рассмеялся. Пронесло! Любава поддержала его. Им было весело и хорошо.

Сияющая, легкая, Любава зашагала по коридору к четвертому блоку. Приятно идти впереди мужчины, ради которого старалась перед старикашкой-ученым, приятно чувствовать, как идущий сзади гладит взглядом твои плечи, ноги и при этом что-то думает о тебе, и с этих пор у тебя появляется страстное желание выведать у него, что именно думал.

Вдруг неизвестно откуда появившийся вой сирены оглушил их. Он давил сверху, поджимал с боков, холодил внутренности, туманил голову — был везде, подавлял, уничтожал.

— Назад! — крикнул Царев и неуверенный, что Любава услышала, схватил ее за руку, и они помчались обратным путем.

В просторном вестибюле, где еще несколько минут назад скучали странные типы, творилось что-то глупое, непонятное, страшное. Вместо того, чтобы спастись из этого подземелья, люди валом валили вниз.

— Да что случилось? — кричал Царев во всю силу голосовых связок, не отпуская руку Любавы. — Скажите кто-нибудь, что происходит?

Его голос тонул в людском шуме и визге, в вибрирующем вое сирены, сопровождавшемся миганием десятков красных ламп. Пульсирующее зарево на стенах напоминало стекавшую сверху кровь.

Народ все прибывал и прибывал. Становилось тесно и душно. К небольшому столу у стены, которого раньше Царев не заметил, прижали женщину с ребенком на руках. Она безумно кричала, пытаясь стенаниями вымолить у толпы пощады, ребенок в испуге плакал навзрыд. Царев пробился на помощь, подставил спину толпе, чтобы женщина могла отойти от стола, но у него ничего не получалось.

— Любава, наверх! — заорал он что было сил. — Мальчишку бери, раздавят!

Девушка, оперевшись на плечи соседей, проворно прыгнула на стол, потянула на себя ребенка, но женщина не отпустила его, продолжая безысходно выть. Любава напряглась всем телом и почувствовала, что поднимает мальчика вместе с матерью, но увидела, что ей помогает Георгий. Он схватил женщину за бедра и изо всех сил толкнул вверх, при этом задев локтем живот дородного мужчины со вспотевшей лысиной. Женщина оказалась на столе рядом с Любавой, сына она так и не отпустила, Царев тут же получил от мужчины ответный удар по затылку. Не мешкая, он развернулся и прицелился мужчине в скулу, после чего скорчил подобие улыбки и что-то сказал.

«Да он извинился! — изумилась Любава. — А я-то, глупая, в вагоне расстилалась: что вы все извиняетесь? Он, оказывается, сперва врежет, потом оформляет под вежливость».

Задние продолжали пытаться и безумными глазами следить за входом, ожидая, как спасения, конца людского потока сверху. Наконец, их просто вдавили в туннель, и они, вдруг почувствовав, что дальше есть свободное пространство, ринулись туда. Вестибюль быстро пустел, но сверху спускались десятки, сотни новых людей.

Но вот поток поредел, и последний мужчина остановился перед решающим шагом вниз. Он будто раздумывал: не вернуться ли, пока не поздно назад? Это было высоко вверх, почти на небесах. Но в это время в отвратительный голос сирены вплелись новые хрюкающие звуки зуммера и многотонная, массивная крышка люка заслонила синий кусок неба. Мужчина, чтобы не быть раздавленным, скатился вниз. Он был высок, с рыжей кудрявой шевелюрой.

Сирена смолкла, лампочки еще полминуты кровянили стены и тоже погасли. Но перепонки людей были настолько угнетены, а нервы так возбуждены, что казалось, — и сирена, и лампочки продолжали работать.

Царев потряс головой, освобождаясь от наваждения, спустил вниз Любаву, затем они вдвоем помогли сойти со стола женщине с ребенком.

— Что произошло наверху? — спросил у нее Георгий.

— Автобусы высадили людей и уехали на станцию за новыми пассажирами, — рассказывала она, продолжая плакать. — Все было хорошо: играла тихая музыка, зеленел лес, смеялись люди. И тут Москва объявила о ядерном нападении. О том, что произошла национальная катастрофа. Все будто обезумели.

— Чертовщина какая-то! — процедил сквозь зубы Георгий.

Женщина прижала к себе сына, залилась слезами:

— Это конец!

Александр Хадарцев

ЖУЛИК

Серая в желтых проплешинах ржавчины решетка обнимала проем балкона третьего этажа. Из-за нее выглянула глубоко упрятыми в морщинистые веки глазами ежикообразная круглая голова. Она как бы возникла из душного уличного смога, оказавшись посаженной на худую загорелую шею и кишкообразное туловище. Бегло оценив содержимое квартиры сквозь незапертую дверь, голова дыхла запахом прогоревшей водки и сайры в собственном соку, отчего пегие щетинистые усы поникли, как полевые цветы на жару. Мосластыми руками с раздутыми в суставах пальцами человек ухватился за металлические прутья, вытащил из кармана вытертых до белой грязи синих джинсов пассатижи и одним нажимом перекусил проволоку, скреплявшую створки решетки. Был полдень. Тридцатипятиградусное пекло упрята-ло возможных любопытных зевак куда-то в более прохладные и менее душные укромные уголки. Внешне человек на третьем этаже выглядел, как монтер, устанавливающий в «евроквартиры» «еврокондиционеры», тем более что за его спиной на ремне висела мощная дрель со сверлом в три пальца толщиной. А на улице внизу стояла «Аварийная» — машина с подъемником, доставившим «монтера» к зарешеченному балкону. Тяжело перевалив тощее тело через кирпичное ограждение, человек присел на корточки, прислушался, встал во весь рост и махнул рукой. «Аварийная» убрала подъемник, но не уехала.

Попытка заснуть за пояс пассатижи закончилась их падением на неприкрытые бо-соножками пальцы ног и долгим матерным шепотом. Вытащив непослушными руками из кармана мятую пачку «Мальборо», он после нескольких попыток выковырял одну из двух измученных сигарет, неловко вставил ее сквозь пересохшие губы, придавив редкими, крупными, желтыми зубами. Спичек не нашлось. Пассатижи заняли место в оттопырившемся кармане. Сигарета лениво метнулась из одного угла рта в другой и застыла. Человек встал и, покачнувшись, вошел в комнату. Это был кабинет, обстав-ленный просто, но удобно. Вдоль всей стены протянулась столешница, соединяющая компьютерный стол с платяным двухстворчатым шкафом, над которой висели ряды книжных полок с набитыми до отказа секциями. На стене, напротив, над желтым ко-жаным диваном прямоугольной формы с обилием плотных такого же цвета подушек, на ярком ковре висели кинжал, шашка и охотничье, изукрашенное резьбой ружье.

— Вертикалка! Двенадцатый калибр. Шашка и кинжал — бутافория! А вот ком-пьютер — знатный, один монитор чего стоит!

Он прошел через кабинет в коридор, ничего не тронув. Повернул налево — и оказался в просторной кухне с белыми шкафчиками и чернеющим на кронштейне телевизором. На столике обложкой вверх лежала раскрытая книга в пахнущем типо-графией переплете. Глянцевость обложки бликовала на солнце, скрывая название. Человек взял ее в руки и прочел название: «Жулик».

— Черт те что пишут!

Но зверек любопытства был тут как тут.

— Дай-ка взгляну, о чем там умники гуторят!

На заложенной странице было написано: *«Серая в желтых проплешинах ржавчины решетка обнимала проем балкона третьего этажа. Из-за нее выглянула глубоко упрятыми в морщинистые веки глазами ежикообразная круглая голова...»*

— Так и думал. Хрень какая-то! Вот и все!

Но тут его взгляд нащупал за окном покрытую серой краской решетку с проржавевшими прутьями. Он поднял глаза на неработающий телевизор. Там, в черном прямоугольнике экрана отражалась его круглая голова, торчащие в разные стороны усы, мешки под глазами.

— Не может быть!

Мелкая игольчатая дрожь пробежала по спине и опустилась куда-то к копчику. Стало тревожно. Захотелось одновременно освободить мочевой пузырь и залить сухость несвежего рта с зашершавевшим языком. Осторожно положив книгу на стол, будто это была дремлющая змея, он сделал два нетвердых шага, включил свет в туалете, открыл и быстро закрыл за собой дверь, заперев ее на задвижку. Мочеиспускание затянулось надолго, медленно принося облегчение и успокоение. Струйки горячего пота потекли вдоль позвоночника и по лопаткам. Рубаха взмокла и стала источать запах страха и перегара.

— Это просто совпадение! Чего только не почудится в чужой хате! Видно, вчера был перебор... Второй литр пришлось вдвоем поднимать!

Бодро щелкнув задвижкой, он вошел на кухню, приблизился к столу и потянулся захлопнуть книгу, прихлопнув тем самым все в ней непонятное. Но вспомнил, как ему говаривал один «корёфан», что в позиции страуса, упрятавшего голову в песок, долго не выдержишь, ибо всегда найдется тот, кто тебя поймает! Небрежно ухватив книгу за глянцевого переплет, заложив вместо закладки палец, он двинулся в зал и погрузился всем своим существом в старое глубокое кресло.

Прежде чем взглянуть на недочитанную страницу, он закрыл глаза. Тут же на черном фоне завертелись искры, звезды, свиваясь в спирали, образуя светящиеся пятна, пульсирующие в такт с ритмом сердца. Руки внезапно ослабли. Книга упала на ворсистый ковер, самостоятельно захлопнувшись при падении. Тело стало похоже на спущенный воздушный шарик. А на черном внутреннем экране замельтешили какие-то тени из прошлого, своего, или чужого — неведомо, обретая полужнакомые формы, окраску, движения.

Громко выстрелила настигнутая порывом ветра форточка. Тело в кресле вздрогнуло. Глаза открылись. Рука нащупала на ковре глянец захлопнувшейся книги. Еще не осмыслив мгновенной потери сознания, «монтёр» открыл книгу. Повеяло холодом космической бездны. Книга распахнулась на той же самой странице: *«...Она вынырнула из душного уличного смога, оказавшись посаженной на худую загорелую шею и кишкообразное туловище. Бегло оценив содержимое квартиры сквозь незапертую дверь, голова дыхла запахом прогоревшей водки и сайры в собственном соку, от чего пегие щетинистые усы поникли, как полевые цветы на жаре. Мосластыми руками с раздутыми в суставах пальцами человек ухватился за металлические прутья, вытащил из кармана вытертых до белой грязи синих джинсов пассатижи, и одним нажимом перекусил проволоку, скреплявшую створки решетки».*

— Ёксель-моксель! Так это же я! Но ведь я еще ничего не сделал! Кто мог написать про будущее? Что там будет дальше? Ведь это то, что делается сейчас! Но я не знаю пока о будущем, может, поищу что-нибудь ценное или просто соберу барахло вон в те сумки, лежащие в коридоре? Надо поскорей прочесть, вдруг пора смываться, или этим сделаю только хуже? Что делать?

Взгляд его скользнул по серванту с обилием бутылок. Там были марочные коньяки армянские и французские, большие треугольные бутылки с виски, пузатые пузыри с водкой. Засосало под ложечкой. Захотелось глотнуть полным ртом давно забытого янтарного напитка.

Но тут он почувствовал на себе чей-то внимательный взгляд. С фотокарточки, стоящей на столике, на него смотрел взрослыми глазами мальчишка лет пяти, наряженный в старомодный котелок, одежду прошлого века, держащий руку на набалдашнике трости. Он смотрел куда-то внутрь оцепеневшего в кресле тела. Казалось, свет его улыбающихся глаз гипнотизировал, проникал в глубины сознания, выворачивая его к свету.

Человек встал, как будто выплыл, с кресла и медленно двинулся в сторону балконной двери. Ему уже не было страшно. Ощущение особой легкости появилось, когда он распахнул створки решетки и встал во весь рост на перила балкона.

Внизу из «Аварийной» высунулась бритая наголо голова напарника.

— Ну, что там?

— Да нет там ничего, наверное, жильцы еще не въехали!

— Ну, тогда слезай!

Зарычал мотор, подъемник установился на уровне третьего этажа. «Монтер» легко спрыгнул на площадку и, не оборачиваясь назад, ощущая на себе притяжение чего-то необъяснимого сзади, опустился к машине. Так же спокойно он влез в кабину и устоялся в переднее стекло.

— А чего там делает мальчишка? — вдруг, наклонившись, спросил напарник. Он явственно увидел вихрастого парнишку лет пяти в рубашонке с футбольным мячом прямо на балконе третьего этажа, который улыбался и махал им на прощание маленькой крепкой ручонкой.

— Может, кто-то забежал в пустую квартиру? А может, это ангел-хранитель? Я не знаю! Да и знать не хочу. Только больше по квартирам лазить не буду. Грех это!

Напарник усмехнулся и дал по газам. Уж он-то хорошо знал сидящего рядом. Бывает у того что-то с головой после большой пьянки, вот ему и чудится неведомое.

Только на этот раз в голове «монтера» была одна ясная мысль: «Как можно напечатать в книге про еще не свершенные, а только сейчас происходящие события? Или действительно все это причудилось, ведь был же он в «отключке» там, в зале? Или не был?»

У книжного развала в центре города машина притормозила. Водитель пошел за пивом, а «монтер» направился к развалу, увидев издалека знакомую обложку. Действительно, это была она! «Жулик»! Купить или не испытывать судьбу? Взяв с лотка книгу, он приоткрыл ее на последней странице. Там было написано: «Конец». Он повернулся, сделал несколько шагов к «Аварийной», чтобы посмеяться вместе с напарником над своими страхами. Внезапно ведомый каким-то лихачом черный джип вильнул на повороте и, зацепив монтера широким бедром, исчез в дрожащем от зноя мареве.

Напарник, бросив глухо загремевшие пивные банки, бросился к товарищу, который движением затуманивающихся глаз показал ему на книгу. Тот поднял ее на раскрытой странице. Последним было слово: «Конец».

2006

ДРУЖБА

Равиль высоко ценил дружеские отношения между людьми. Но всегда соглашался с бытующим мнением, что друзей много — не бывает. Знакомые, приятели, объединенные то детством, то службой в армии, то учебой, то совместными делами,—

неизменно были рядом с ним: и в застолье, и в бедах, и во всех перипетиях теперешнего бытия. И лишь однажды ему пришлось испытать на себе, казалось бы, невозможное, — непорядочный поступок человека, достаточно близкого по жизни.

Занятие коммерцией в дикие восьмидесятые и девяностые годы обогатили его и сделали авторитетным на всю округу. Родственники, друзья, соседи, просто знакомые — чуть не наперегонки стремились к дому Равиля, больше похожему на старинный замок. И все они находили здесь сочувствие, получали добрый совет и значительную финансовую поддержку. Он не был жадным и не обращал внимания на то, что на полученные от него «халявные» деньги возводятся гигантские особняки, покупаются хромировано-лаковые джипы. Он по сути не был и не чувствовал себя «добрым барином». Просто — его душа чересчур широко распахивалась навстречу окружающим, которые наладили поток добрых дел только в одну сторону. К себе!

А пора тогда была жестокая, непонятная, беззаконная. Воровали все — от «бомжей» до президентов. «По-быстрому» восполнялись прорехи социалистической «уравниловки». Случилось так, что несколько сотен тысяч долларов им с компаньонами были перечислены в отдаленную республику Бурятию под гарантии тогдашнего ее президента на очередную «президентскую программу». Но вместо ожидаемой прибыли случился конфуз. Коллективные «бабульки» были благополучно растасованы по личным, и не только бурятским, карманам. Приснопамятный «дефолт» прикончил остававшийся кусочек надежды на возврат денег, пусть и без «навара». Кредиторы (бывшие компаньоны) «наехали» без промедления. Дело дошло, чуть ли не до «перестрелки на стрелке». Ведь никого не интересовало, по чьей вине скомкался бизнес! До президента — не дотянуться! Проще найти без вины виноватого среди своих.

«Родственникам», «друзьям» и «близким», которых Равиль финансировал, хватало на хлеб с толстым слоем масла и паюсной икры. Но, когда к ним пришлось обратиться за помощью в сложившихся обстоятельствах, они вдруг начали прятать по сторонам пляшущие и дрыгающие глазки, отказывая в элементарной поддержке. Мол, сами теперь вдоволь икорку не едим! И, запрыгивая в разнокалиберные вседорожники, призраками исчезали в клубящейся пыльной нечисти. Конечно, было обидно! Но зла на бывших нахлебников Равиль не держал. Они были просто выплеснуты им из круга общения вместе с теми слезами досады, которых никто никогда не видел и не увидит! Правда, что-то зачерствело внутри!

Пришлось, оставив семью на попечение родственников жены, уехать в удаленную, как ему казалось, область, подальше от прицелов компаньонов, с двумя сотнями рублей в кармане. Тем более, что пригласил его туда давно уехавший из родных краев старший товарищ Шамиль, уже обосновавшийся на российских просторах, занимавший определенный пост и совсем-таки не бедный. К тому времени уже появились всевозможные «схемы», позволявшие «отмывать» бюджетные деньги. Равиллю были обещаны поддержка, работа и дружба. Помыкавшись месяц-другой в поиске сколько-нибудь достойного трудоустройства, поиздержавшись материально, но не душевно, Равиль решил обратиться за обещанной помощью к Шамилю. Но тот, видимо, успел разобраться в том, что приглашенный односельчанин — уже не «авторитет», и из его карманов, кроме шелухи от семечек, ничего не выскребешь. Поэтому, выслушав просьбу земляка, он спокойно достал из кошелька предварительно «отслонявленные» от перетянутой резинкой пачки купюр восемь (!) рублей и протянул их ожидавшему дружеского участия Равиллю.

— Понимаешь, больше ничем тебе помочь сейчас не могу!

Что тут можно было поделать? Кровь запульсировала во всех сосудах, подступая к вискам. Барабанный бой сердца давил изнутри на глазные яблоки, выдвигая их наружу и окрашивая в алый цвет.

— Спасибо и на том... Значит все на общих основаниях? — вдруг ни с того, ни с сего сказал проситель и запустил истертые дензнаки в бледные щеки теперь уже бывшего товарища. С тех пор щеки у того — постоянно с розово-синими прожилками. То ли от пьянства, то ли от тех восьми рублей.

Уже потом, когда Равиль нашел работу, получил квартиру, перевез семью, появились какие-никакие деньги, позволяющие жить нормально, но без роскоши, — на горизонте вновь появился Шамиль. Заявился он с таким же ушлым по жизни приятелем и вместе с ним начал сетовать, что ему стыдно за земляка. И квартира у того не обустроена, без евродизайна, и машины хорошей нет.

— Давай мы поможем построить тебе настоящий дом, этажа на три!

— Хватит! Я вас угощаю как гостей, как земляков, но дел между нами никаких быть не может! Я сам зарабатываю все, что нужно для семьи! Но никогда не забуду те восемь рублей, которые в самую трудную минуту ты кинул мне как надоедливому безродному нищему! В ту пору купить на них можно было разве что рулон туалетной бумаги! А тогда я хотел всего-навсего поесть по-человечески хоть один раз! Про хлеб и соль ты, Шамиль, лишь в тостах говоришь красиво! А в жизни оскорбил меня подачкой, значащей меньше, чем голая кость голодной собаке! Не зря считают, что шакалы бродят рядом с тигром до тех пор, пока питаются остатками его добычи! Но не дай Бог тигру заболеть! Шакалы им не побрезгуют!

— Ва-а! Что ты обижаешься? Кто старое помянет, тому придется иметь дело с окулистом, говорят в народе. Мы от чистого сердца предлагаем тебе как другу выгодный вариант. Тогда не получилось, сейчас — получится! Возьмем кредит, знакомый банкир, наш земляк, — поможет. Остальное — дело техники!

— Нет, ребята! Я больше в эти игры не играю! Приходите в гости! Хлеб, соль — на столе! Дорогу знаете. А выгоду искать я попробую сам!

Прошло года три. Равиль узнал, что Шамиль со своим дружкой сел на нары. С кем-то из своих знакомых они попытались осуществить свой план. Взяли кредит под недвижимость этих знакомых, начали завозить материал для строительства. Завоз длился около года, после чего оказалось, что денег в принципе не осталось ни копейки. Дружок Шамиля просадил их в казино, залез в долги и исчез, покинув родные пенаты.

Попался он через полгода в соседнем городке, где, представляясь социальным работником, пытался «снабжать» стариков-пенсионеров дешевыми медикаментами, взятыми у знакомого аптекаря «на продажу». Входил к старикам в доверие, а потом попросту обчищал их скромные запасники, предлагая оптом закупить тушенку и сгущенку от «Главпродукта» по нереально низким ценам, якобы из-за доброго предложения некоего олигарха, сочувствующего беднякам. Насмотревшись по телевизору на сытую жизнь чукчей Абрамовича, люди выгребали последние копейки и передавали их симпатичному «социальному работнику».

Но нашелся один старикан, не верящий в сказки, потому что телевизор у него года три как сломался, да и жил он один, упрямо веря в идеалы коммунизма. А потому олигарх для него был как тот красный стяг, который на 1 Мая и 7 Ноября поднимал его со старенькой тахты и выводил на праздничную демонстрацию, состоящую из полусотни таких же, как он, рыцарей своего времени. Старичок прихромал в собес и начал возмущаться тем, что капиталисты хотят купить народ за тушенку и сгущенку, как Мальчишей Плохишей. Тут случайно оказался заместитель начальника районного отдела милиции, пришедший устраивать пенсионные льготы своей маме, возглавлявшей компанию «Ройял Трейдинг» с ежегодным оборотом в полтора миллиона долларов. Его заинтересовала деятельность «социального работника» прежде всего тем, что появилась возможность найти зацепку и присоединиться к дружному клану потребителей «Главпродукта», поскольку деликатесы начали приедаться. Он спросил

у старикашки, когда к тому придет «благодетель» или где можно его встретить. Узнав, что завтра в 10 часов «прихвостень капитализма» обещался зайти за двумя сотнями рублей, которые пенсионер все-таки решил выделить на покупку такой вкусной с гречневой кашей тушенки, зам. начальника в означенное время подтянулся, как бы случайно, к старой «хрущевке», в которой обитал «борец за справедливость». К своему удивлению, он увидел человека, разыскиваемого за махинации, на которого поступила ориентировка из соседней области с подлинной фотографией. Потребовав предъявить документы, он убедился, что они подделаны, и предложил «соцработнику» пройти в отделение. Тот убежать и отпираться не стал, думая, что за мелочевку, экспроприированную у пенсионеров, много не дадут.

Но оперативный «замначраймил» мысленно уже вертел в погоне новую дырку для очередной звездочки. Случайную встречу с разыскиваемым он облачил в камуфляж серьезной работы, проводимой вверенными ему людьми во главе с ним самим. Была выстроена целая схема розыска с мнимыми осведомителями и копанием в архивах. Фигурировало даже «сопротивление при задержании» и соучастие в подготовке ограбления местного отделения банка. Получив несколько увесистых тычков по бокам и почкам, бедолага-«соцработник» подписал все якобы данные им показания. На суде он их потом все подтвердил. Ведь доблестными «сыскарями» ему были даны разъяснения, что в противном случае он может начинать копить деньги на операцию по перемене пола. Ведь сидеть на нарах все равно придется не один год, а за это время всякое случается.

А Шамилю при помощи всей накопленной за долгие годы казнокрадства валюты и ценного адвоката удалось добиться условного наказания. Правда, кое-что у него осталось прикопанным на садовом участке. Но это так, на черный день. Надо было отсидеться в тихом углу до лучших времен. А времена эти сами не торопились! Тогда он решил обратиться к Равилю. Конечно, неудобно после той откровенной беседы, поставившей, казалось, все точки на нужные места, но «стыд не дым, глаза не выест», как говаривала его бабушка.

Равиль выслушал откровения Шамиля спокойно. Но не преминул напомнить ему, что такой исход их с дружкой «бизнес-политики» он предвидел, поэтому и не стал вести с ними никаких дел. Шамиль со всем соглашался, но просил о помощи, лукавя, что остался без средств к существованию, но с большой семьей. О закопанных на участке драгоценностях, которые могли обеспечить лет двадцать безбедного проживания всех его родичей на берегу Средиземного моря, он старался даже не думать.

Равиль предложил ему работу своим заместителем, определил минимум 25—30 тысяч рублей зарплаты, обещал посильную помощь в дальнейшем.

«Ну, он — негодяй! А семья при чем? — думал Равиль, пытаясь объяснить сам себе свой поступок, который никто из близких ему людей не мог понять.— Может, доброта исправит этого человека? Пусть работает!»

Два года совместной работы убеждали Равиля в собственной правоте. Дела на фирме шли неплохо. Шамиль старался, отдавая работе все свободное время. Наступил момент, когда Равиль доверил ему право подписи и ведение всех дел в свое отсутствие. Подошел к концу определенный судом условный срок. Постепенно недоверие друг к другу таяло. Начали общаться между собой семьями, дважды выезжали с ними на отдых в Египет.

На дне рождения Равиля Шамиль впервые за долгие годы произнес тост «За нашу дружбу!». Тост был принят, бокалы опустошены. Через три недели Шамиль попросил у Равиля дать ему несколько дней отпуска для поездки с семьей на родину, на что получил немедленное согласие. Провожая Шамиля, Равиль попросил его вернуться по возможности быстрее. Назревала серьезная сделка с зарубежными клиентами.

— Хорошо! Можешь на меня положиться! Если что, семью оставляю отдыхать, а сам вернусь, как только понадобится!

На следующий день после отъезда Шамиля Равиль узнал, что деньги фирмы за исключением нескольких тысяч рублей переведены в один из зарубежных банков. Шамиль на родину не доехал. На даче, около компостной ямы, был вырыт маленький окопчик, в котором шуршали листы промасленной бумаги, или искусственного пергамента.

Обратившись к начальнику милиции, переведенному из соседнего города с повышением, Равиль через неделю получил справку, что его «друг», по имеющимся данным, покинул пределы России, поскольку у него оформлено гражданство другой страны, в которую тот и отбыл с семьей. Больше они друг друга не видели.

2006

ОХОТА В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Борис Голев

ЧАРЛИ

Охота удалась. Походили по валкам скошенного ячменя, по закрайкам полей, постреляли перепелок. Заехали к лощине, где в прошлом году попали на выводок куропаток. Лощина примыкала к хлебным полям, заросла кустарником с куртинками молодых березок. В этом году здесь была посеяна гречиха. Гречиху скосили, но поле еще не перепахали. Пока вышагивали по стерне, Джой успел прочесать все поле и встал на краю перед бурьянами.

— Володя, не спеши, наверняка это выводок куропатки, а может, и тетерева, — Алексей перезарядил ружье пятеркой.

Но Володя уже бежал к замершему на стойке Джою и, конечно, все испортил. Куропатки с шумом, с каким-то звенящим свистом поднялись из бурьяна и широко разлетелись по лощине. Володя, обескураженный, тяжело переводил дыхание и виновато смотрел на подходящего Алексея.

— Ничего, теперь охота только начинается. Куропатки разлетелись, Джой их поодиночке разыщет, — успокоил Алексей.

Володя горячился, расстрелял свои патроны, взял патроны у Алексея и двух куропаток все-таки сбил. И Алексей пару взял, после чего сказал:

— Хватит. А то на другой год не останется.

Ночевать поехали к Володиной тетке. Она жила в небольшой деревушке недалеко от Одоева. Деревушка располагалась в стороне от дороги, на высоком берегу Упы. Отсюда открывался прекрасный вид на Упу, на леса за рекой, на купола Анастасова монастыря перед Одоевом.

Тетка жила одна. Муж умер, хозяйство держала небольшое — огород, куры, собака да кот. По выходным ездила в Одоев, по мелочи продавала на базаре овощи, навещала на кладбище своих. Племянника Вовку всегда ждала с нетерпением, летом приезжал с семьей, осенью — с друзьями на охоту.

Подъехали по неезженной дороге, мимо полузавалившихся заборов, за которыми стояли вросшие в землю приземистые домишки. Все вокруг заросло крапивой, бузиной. Приют стариков и внуков. Год был с яблоками, яблоки висели на деревьях и устилали землю под ними.

Тетка будто ждала их, стояла у калитки. Может, машину услышала. После рас-

спросов о родных и близких она свалила на Володю свои проблемы по дому, и Володя сразу принялся их разрешать. Алексей сходил на родник за водой, прошел в сад, похрустел антоновкой. Огород уже освободился от летних забот: картошка убрана, грядки пусты, только капуста выставила напоказ тугие кочаны.

Тетя Шура уже звала к столу, выпила вместе со всеми рюмку, всплеснула руками и забеспокоилась:

— А как же Джой? Его покормить надо. Чтож вы его на терраске оставили? Пусть в дом идет. В Туле-то он у вас в квартире живет?

Алексей знал: деревенским в диковинку держать собаку в доме, поэтому оставил Джоя на террасе.

— Ничего, ему там хорошо, сами перекусим, потом его покормлю.

— Нет-нет, пусть в избу идет, я ему сейчас шей вчерашних налью, хлебушка накрошу.

Потом долгий вечер, приятная усталость и разговоры, разговоры. Джой под столом прижался к ногам хозяина.

Володя все переживал сегодняшнее.

— Алексей, ты знаешь: я до сих пор не могу успокоиться после куропаток. Джой у тебя молодец. Раз за разом, почти всех отыскал. Я горячился, мазал ужасно. Но и результат есть. Ты вот скажи, у тебя раньше спаниель был, Чарли. А теперь курцхаара завел.

— Ты знаешь, дело не в породе. Если тебе повезло с собакой, если сам не ленился, занимался с ней: сначала дома, потом в поле,— собака делает охоту много богаче. Я, когда дозрел до собаки, хотел сначала взять курцхаара. В Туле всегда любили английских сеттеров и курцхааров. Попытка завести курца окончилась неудачей. В семь месяцев схватил какую-то заразу, спасти не удалось.

Начались раздумья. Говорят, если не прижилась порода, смени породу. Вернулись к давней задумке — взять спаниеля. Подкупала обещанная по книгам универсальность, легкость в натаске.

В Туле в тот год щенков не было. Ходили смотреть четырехмесячного английского кокер-спаниеля. Хозяин — не охотник. И растили не для охоты. Поиграли с ним, потискали. Симпатичный, мягкий, плюшевый. Не было в нем внутренней пружинки, которая бывает у охотничьих собак. Кокера не взяли, щенка привезли из Москвы, русского охотничьего спаниеля. Мать, как говорится, была кругом хороша, отец — полевой чемпион Ярик.

Щенка назвали Чарли. Отец был недоволен — зачем именем знаменитого актера назвали собаку. И всю жизнь называл его по-своему — Чапа.

Чарли не был выдающимся спаниелем в общепринятом понимании. Долго не принимался за работу. Места под Тулой небогатые, натаскивают собак в основном по перепелу да по коростелю. По перепелиному бою, по коростелиному скрипу знаешь, где птица, можно собаку наводить. Ходили-ходили, никакого интереса к запахам, вот за бабочками погонять, это другое дело. Звоню Карелину, известному легашатнику. Спрашивает:

— Собака породная?

— Куда породнее,— говорю.— Полная родословная, все предки с дипломами, отец — полевой чемпион.

— Больше ходи в поле. Ходи и ходи. Придет время, начнет работать.

Так оно и получилось. Как включилось в нем что-то. Начал работать по коростелю, коростеля в тот год много было, он и потом отдавал предпочтение коростелю. И с перепелкой разобрался.

На выставках он не ходил первым, его излишняя курчавость не вписывалась в стандарт породы. На полевых испытаниях ему не удалось получить диплом выше

третьей степени. Коростеля сработал хорошо, не погнался, благо трава была высокая. А на подаче с сухого получил нулевую оценку. Битого из-под него коростеля взял, до меня не донес, на полдороге бросил.

Когда судья попросил повторить подачу, тут уж я отказался, знал, второй раз Чарли даже не подойдет к птице. С воды подал безупречно, но и тут я схитрил, забрал из пасти птицу, как только он из воды выходил. Этого хватило только на диплом третьей степени. И это при безупречной подаче любой палки с воды или с суши, даже из зарослей крапивы; не успокоится, пока не найдет и не принесет. А вот птицу с сухого подавать отказывался. Найдет, если подранок — придавит, потом это место даже обходит. По этому признаку мы и находили битую птицу.

Судьба его была необычной. Как и во всякой судьбе, были светлые и черные полосы.

Чарли рос любимцем. Пока подрастал, ездил с нами на дачу, в лес, на речку. Будучи взрослым, в летние месяцы плавал на байдарке. Его место было впереди, на деке. Однажды, когда сплавлялись по Жиздре, утром на прогулке уткнулся носом в кочку, отскочил, залаял. Думали: ежа нашел. Но из кочки выползла гадюка, встала в позу и зашипела. А на мочке у Чарли адела капля крови. Помочь было нечем. Голова распухла, стала как у поросенка. В палатке голову он положил на лапы и в такой позе мы его оставили до утра. Ночь прошла, Чарли — живой. Утром предложили поесть — поел. Ну, думаем, жить будет. Через день Чарли был совершенно здоров.

Другой раз, тоже в плавании на байдарке, накусили его комары, он терся мордой о землю и наколол раскрытой сосновой шишкой глаз. Пока добирались до дома, на глазном яблоке образовалась гнойная рана. Врач сказал: «Я удалять глаз не берусь». Но лечить — лечил. Зажило как на собаке, даже следа не осталось.

А осенью — охотничьих осеней у него было более десяти — вместе со мной и друзьями охотился в Тульской области, на отъезжих охотах в Псковской, Вологодской и Архангельской областях.

В основном это были утиные охоты. Плавал, выгонял, подавал. Были у Чарли сильные и слабые стороны. Натасканный большей частью по коростелю, с коростелем хорошо справлялся. Куропаток работал отлично, но охота на куропаток в те годы была запрещена. Грешили мы иногда, конечно, но не в нахапку. Так, парочку, жену побаловать.

На вальдшнепиных высыпках много охотились, но были проблемы. Нормально искал, подавал под выстрел. Но если поднимал с лежки зайца — все — охота оканчивалась. Гнал зайца с голосом. И, что греха таить, заяц частенько попадал в рюкзак. Беляк на первом круге обычно возвращается к месту, где был поднят с лежки, тут он и попадал под выстрел. Дело в том, что по первому году летом Чарли во время прогулки попал на зайца и погнался с голосом. Когда вернулся, был наказан. Его готовили к классической охоте в лесу по вальдшнепу, тетереву, а он зайца гоняет. Но на другой день он опять попал на зайца и опять погнался. И потом, когда стал взрослым, на вальдшнепиных высыпках все было хорошо до встречи с зайцем. Гонял, наказывали, все равно гонял. Поняли, его не исправить. Ну что ж, недостаток решили превратить в достоинство. Стали брать на заячью охоту по чернотропу. Русака из-под него на гону ни одного не взяли, зато и подранка ни одного не потеряли. Догонит по следу и держит, пока не подойдем.

А вот, когда по осени ездили в Вологодскую область, несколько раз брали из-под него беляков на гону. Гонял с голосом, но взять беляка никак не удавалось. Попытались перехватить на просеках, на лесовозных дорогах — неудачно. Заяц не выходил. Потом поняли. Чарли нажимает слабо, заяц не торопясь идет через самую частику, на просеки не выходит. Сядешь, бывало, на корточки в густом молодом ельнике и смотришь понижу. Заяц потихоньку перебегают, прислушивается, как кошка ползет и по-

падает под выстрел. Если зайца стрелял не хозяин, а его друзья, зайца другим не отдавал, только хозяину.

Однажды из-под него даже енота взяли, вернее, енотовидную собаку. Поздней осенью, на вальдшнепиной охоте, слышу, лает на кого-то в овраге. Азартно лает. Подхожу, смотрю сверху. Против него волчонок, так мне сначала показалось. Серый, уши торчат. Потом вижу, енот. Енот огрызается, Чарли на него бросается, лает. Отхожу назад, друга рукой подзываю: «Енот там, говорю, что делать?»

«Стреляй, дело к концу октября, шкурка уже вышла. Шапку жене сошьете».

Отскочил Чарли, я выстрелил, енот в рюкзак попал.

Однажды проводили отпуск в Псковской области на Двинском озере. Вечером на заливе Чарли загнал на мелководье молодого бобра. Это надо было видеть. Нырнуть бобр не может, мелко, огрызается на Чарли, даже куснул его. Хвост свой лопастью вверх задрал, а Чарли вокруг крутится, не дает уйти. Еле оттащили. Жаль, не было фотоаппарата.

— Ну, прямо зверовой пес,— говорит Володя.

Он уже подремывал, за день уходились. Но Алексей увлекся. Рассказывал, рассказывал.

— Чарли в лесу никогда не терялся, даже когда уходил за зайцем. Так, однажды в Вологодской области опять увязался за зайцем, часа два его не было, думали — потерялся. Является как ни в чем не бывало. Товарищ наш, который оставался у озера около палатки, рассказывал: прибежал Чарли на стоянку, покрутился, нет хозяина и опять убежал. Причем возвращался всегда только своим следом, в пяту.

В Тульской области на охоте на вальдшнепиных высыпках наткнулся в упор на кабана. Вскочил здоровенный секач, задрал хвост и был таков. Чарли за ним. Звали, свистели, не приходит Чарли. Ну, думали, размазал его кабан. Посидели еще, покурили и к дому подались. Через некоторое время Чарли догоняет. Цел-невредим.

А вот в городе однажды потерялся. Через день-другой после вязки на прогулке удрал и потерялся. Повесили объявление в охотобществе, на соседних улицах. Больше месяца не было Чарли. Новый год без него встретили. Звонит телефон: «Прочитали объявление о пропаже. Чарли у нас живет».

Пошли по адресу. Чарли встретил в дверях. Хозяева говорят — давно хотели собаку, а тут сидит у подъезда на ступеньках спаниель, такой несчастный. Взяли домой, привык быстро. «Он у вас такой ласковый, сообразительный. Вы его заберете? А то мы к нему очень привязались». Договорились так. Выйдут на улицу старый хозяин и новый. За кем пойдет, так тому и быть. Чарли спокойно пошел за мной. А через положенное время щенка от последней вязки подарили в дом, где Чарли прожил около месяца.

Случалось с ним и такое. После праздничного салюта младший с ребятами ушли в кремль. Они там собирали остатки от несгоревших во время салюта ракет.

«Что-то долго нет,— говорит жена,— иди, приведи домой».

Взял с собой Чарли. Территория за крепостной стеной открытая, ребят не видно. Наверное, на кремлевскую стену забрались. Есть там одна башня, в башне комната под сводами, внутрь ее можно спуститься по лестнице. Должно быть, туда ребята и забрались.

Сам в эту башню лазил, когда был мальчишкой. Поднялись с Чарли на стену, по стене сверху широкий проход, Чарли рядом бежит. Дошли до башни. Лестница в башню узкая, неохота самому спускаться. «Ищи!» — говорю Чарли. Думал: Чарли спустится вниз, сын его увидит и вместе с ним поднимутся. А Чарли, не долго думая, если можно так сказать про собаку, прыгнул через бойницу наружу за стену. Не ожидал я такого. Пока спускался, пока обегал. Лежит на газоне около стены, дрожит.

Володя недоверчиво посмотрел на Алексея.

— Так ведь там высота метров шесть. Собака не кошка, разобьется.

— Ты слушай. Подбежал я к нему. Бьет его дрожь, в глазах боль. Там рядом молодые были с коляской. «Не видели,— спрашиваю,— как падал?» — «Видели. Летел лапами вниз и на лапы упал».

Надежды, конечно, никакой не было. Думал, все внутренности разбиты. Взял на руки, понес домой. Сын уже дома был. Сделали Чарли обезболивающий укол, чтобы не мучился. До ночи дожил. А утром Чарли стоит в дверях комнаты, глазами говорит — пойдем гулять. Пошли — не пошли, неделю на руках на улицу носил. Потом прошло. Хромал долго, конечно.

И еще был случай. На тяге бросился за сбитым вальдшнепом, вальдшнеп был угонный, упал далеко. Чарли бросился за ним, да как завопит. Думали, на кабана нарвался. Побежали спасать. А он лежит, двинуться не может. Никакого кабана, конечно, не было. Когда бросился за подранком, лапа, видимо, попала в переплетение корней, он лапу вывихнул, идти не может. Четыре километра на руках несли. Выздоровел, охотился. Но чудить продолжал.

Однажды на открытии охоты на Пронском водохранилище потерялся. Заплыли на острова по-темному. Чарли выпрыгнул из лодки на берег, одурел от запахов дичи и пропал. Я зарю отстоял, настрелялся до одури. Собирать битых надо. Места там трудные. Острова травой заросли, по берегам ивняк навис над водой, не подойти. Без собаки делать нечего. Чарли так и не появляется. Кричал, плавал на лодке по протокам, звал. Бесполезно. Уток, которые на виду, собрал и без него уплыл на стоянку.

К стоянке приплыл, знакомые говорят: «Плыви назад, Чарли твой обессилел, забрался в затопленные кусты, в самую середину, выбраться не может, но и в руки не дается».

А вообще-то на Проне мы с ним поохотились. В головке водохранилища посреди разливов на мелководе — затопленные камыши. Утка туда набивается, чувствует себя в безопасности. Вдвоем-втроем встанешь по разные стороны вокруг камышей и запускаешь Чарли. Он в камышах плавает, выгоняет уток. Как будто кто подбрасывает уток под выстрел. Какая из камышей на край выплывает, выжидает. И тоже попадает под выстрел. Наглядишься, настреляешься. Одну лысуху Чарли несколько раз перегонял через протоку, туда и обратно. Та перелетает и ныряет. Чарли переплывает протоку, опустит голову в воду и крутится на месте. Не нырял, нет, врать не буду. А лысуха тем временем обратно перелетит. Посчастливилось увидеть, как лысуха всплыла рядом со мной. Чуть подняла спиной ряску, глотнула воздуха и опять исчезла. Мог бы схватить ее рукой, да как-то растерялся.

А уж сколько подранков после охоты добирали. Идешь краем протоки, вдруг Чарли куда-то исчез. Тут смотри, битая утка часто на берег выходит. Плюхнется с берега подранок, поплыл. Следом Чарли. Подранок нырнул. Чарли крутится на месте, голову в воду опустил. А подранок уж под другим берегом вынырнул. Тут уж ружье работает.

Была у Чарли какая-то настырность. Уж если не захочет что делать, тут хоть тресни. А уж если работает, пока дело не сделает, не успокоится. В Архангельской области на озере Порженское, в начале октября, когда на озере уже были забереги, мой младший заметил на воде утку, подкрался, подстрелил. Когда Чарли прибежал на выстрел, послал его подать. Утку относил ветром от берега, била мелкая волна, Чарли все дальше уплывал за ней. Я пришел на выстрел, отругал сына — зачем послал собаку. Вода холодная, волна. Так и собаку потерять можно.

Чарли доплыл, взял утку, но назад против ветра плыть было трудно. Встречная волна захлестывала. Я уже не мог смотреть на это. Мысленно я с ним уже попрощался. Но Чарли медленно, но приближался к берегу. И утку не бросил.

На Озеро, в Вологодскую область, мы ездили лет пятнадцать подряд. Набирали на неделю отгулов, день-ночь в дороге туда, день-ночь в дороге обратно, восемь дней

там. Местные нас на тракторе до озера подбрасывали. И за нами обратно приезжали, ни разу не подвели. С утра брали клюкву, после обеда кто охотился, кто рыбачил. Последние дни полностью отдавались своим увлечениям. Здесь, на охотах вокруг озера, проявились самые ценные качества Чарли, все самое лучшее, что заложено в спаниеле. О зайцах, взятых из-под Чарли на гону, я уже рассказывал. Рябчиков и тетеревов он выгонял. Однажды поднял с земли двух тетеревов, те с березы с любопытством наблюдали, как Чарли разбирался внизу в набродах. Я спокойно подошел на выстрел и одного взял. Ну чем тебе не охота с лайкой по тетереву!

Но самую интересную работу Чарли показывал здесь по вальдшнепу. С приближением холодов высыпки там были богатейшие. На зарастающих вырубках подавал вальдшнепа под выстрел как обычно. Но случалось попадать на сенокосные поляны среди старого леса, зарастающие по краям елками. Густые плотные ели опускают свои лапы до самой земли. Дожди здесь не редкость. А ты знаешь, в дожди вальдшнеп жмется к открытым местам, здесь он забивается под ели на краю полян. Такую охоту на вальдшнепа мне только здесь пришлось увидеть. Выходишь на поляну, Чарли начинает по кругу обследовать эти ели. Не могу представить, как бы в этих условиях работала легавая. Чарли буквально выбивал из-под елок вальдшнестов, они вылетали на чистое, на поляну, и попадали под выстрел. Что-то вроде стрельбы на стенде.

— А вот скажи, Алексей, ведь у каждого случаются необыкновенные случаи на охоте, бывают дни, когда удача так и прет. Были у тебя такие охоты с Чарли?

— Была такая охота. Все на том же озере. Наверное, это была моя самая лучшая охота, а уж у Чарли несомненно.

Наш кратковременный отпуск подходил к концу. Клюквы набрали, бруснички. Пошла пролетная птица. На озеро во множестве подваливала чернеть, гусей уже видели. Но из головы не выходил один разговор с местным охотником, который говорил: «Вокруг озера есть, конечно, рябчики, тетерева. И глухарь встречается. Но за глухарями мы ходим на дальние болота, за дорогу, что огибает озеро с севера. Болота эти называют Великий Мох. Вот там, на гривах, глухарей много».

Решил с утра уйти поискать эти гривы. Я-то решил, но Чарли утром из палатки выходить отказался. Уходил за прошедшие дни. Никакие уговоры не помогали. Пришлось взять его на руки и под смех товарищей так отправиться на охоту. Ничего, разойдется. Ну, конечно, разошелся. За дорогой, на вырубке, поднял тетерева, но далеко вылетел. На краю болота снялся глухарь, но тоже вне выстрела. Потом целый день ничего. Пошло бесконечное болото, заросшее невысоким редким сосняком. Было уже за полдень, решил идти по визирке до трех часов, потом по компасу возвращаться к озеру, чтобы успеть засветло.

К этому времени Чарли уже выдохся и уныло брел сзади. Казалось: в этом заболоченном сосняке ничего быть не может. Так шли долго, чавкала под ногами вода, время уже приближалось к трем часам. Как бывает, когда долго идешь один, в новом незнакомом месте, в голову начинают лезть всякие мысли. Не забрести куда-нибудь, не сбиться. На сознание давило само название болота — Великий Мох. Говорили, тянется болото километров на двадцать и дальше ни жилья, ни дорог нет.

Спиной почувствовал — что-то изменилось. Обернулся. Чарли сначала неуверенно, потом все быстрее и быстрее уходил в сторону. Вот уже и уши замелькали. Я поспешал за ним, но явно не успевал. Загremели крылья, и огромный глухарь поднялся из черничника, отлетел и ткнулся в вершину сосны. Я остановился, пытался разглядеть и не видел глухаря. Сосняк был редкий, и улететь дальше глухарь не мог. Чарли крутился под сосной, глухарь был где-то здесь. Я подходил, держа ружье наготове. В вершине сосны было сгущение веток, наверное, глухарь там. Еще несколько шагов, и я выстрелил в это сгущение. Ничего. Делаю еще два-три шага и снова

стреляю. Ничего. Но я же видел. Глухарь не улетел, все просматривалось. Подошел еще, понимаю, дальше нельзя. Снова стреляю. Глухарь вывалился из этого сгущения, повис сначала на лапе, потом упал вниз и забился на мхе. Я отогнал Чарли, поднял глухаря. Такого огромного у меня еще не было. Тяжело топорщилась бородастая голова с мощным белым клювом, глухарь был как бы обсыпан серебряной пудрой и только грудь отливала изумрудной зеленью. Чарли умчался дальше, видимо, здесь был не один глухарь. Я не пошел за ним. Убрал глухаря в рюкзак, вернулся на визирку. Стрелки часов уже миновали трехчасовую отметку. По компасу определил направление и пошел. Чарли скоро догнал меня. Сосняк сменился заболоченным березняком. Идти стало еще тяжелее, приходилось прыгать с кочки на кочку. А Чарли, как будто не было этого долгого дня, впереди обследовал березняк. Неожиданно взлаял, и я увидел улетающего зайца. Рюкзак потяжелел.

Болото кончилось, впереди была грива, на которой высился старый ельник. Без всякого листового подроста, укрытые по корням чистым мхом, огромные ели величественными колоннами уходили в глубокую синеву сентябрьского неба. Ельник был пронизан лучами заходящего солнца, он был наполнен тишиной и спокойствием. В этот ельник я входил как в храм — такая благодать была кругом. Величие и чистота этого ельника не подавляла, как бывает в густом еловом лесу. Это был светлый храм, в котором земля служила литургию своему богу. Своему ли? Может, нашему общему Богу. Я тихо брел, забыв, как я сюда попал и зачем. Не хватало только священнослужителя. И он появился. Впереди, между елями, неслышно перелетел огромный глухарь. Не было никакого желания даже поднять ружье.

И все-таки глухаринные гривы существовали, я нашел их. Уже поспешая, сверяясь с компасом, пошел дальше. Когда вышел на вырубку, узнал ее. Меня оставило чувство тревоги — не заблудился, не затерялся в этих болотах. Теперь можно дать отдохнуть ногам, прикинуть, как лучше выйти к озеру. Скинул рюкзак, сел на пенек, прислонил рядом ружье. Передо мной были подростшие ели, за которыми, я знал, недалеко до дороги, огибающей озеро. От дороги озеро в двух километрах. Там палатка, друзья, которые уже, наверное, волнуются. Ушел на целый день и до сих пор нет.

Чарли передо мной опять что-то искал, петлял в каких-то набродах. И чудо! — от него взлетел молодой глухарь и сел на елку недалеко. Я хорошо видел, как он, свесив голову, наблюдал за собакой.

Спокойно дотянулся до ружья, спокойно выстрелил. Промазать было невозможно.

Вот ты спросил, были ли в жизни особенно удачные охоты, интересные случаи? Та охота, тот день для меня остались навсегда в памяти. Что в этот день было? Необычайная удача на охоте? Да. Удовлетворенное мужское тщеславие, когда перед друзьями я вытаскивал из рюкзака богатую добычу? Да. Или тот момент тихого счастья в старом ельнике на дальней гриве среди болота с названием Великий Мох?..

— Повезло тебе, Алексей. Поездил, посмотрел, поохотился.

— А знаешь, с первых дней, как взял в руки ружье, охота не была самоцелью. Были в жизни моменты, когда охота помогала материально. Жена иногда носила воротники из лисы, я многие годы не мог износить шапку из выдры. Больше десяти лет в бригаде по отстрелу копытных стреляли лосей и кабанов для сдачи государству, спортивные лицензии давали ощутимый приварок. Однажды на номере даже волчица на меня напала. На праздничном столе были и зайцы, и утки, и вальдшнепы. И, все-таки теперь все больше понимаю — не это было главное. Любил узнавать все новые и новые места. С ружьем исходил свою область, побывал в других областях, сколько интересных людей встретил. А главное — были минуты счастья жить в природе в разные времена года, в разное время дня и ночи, что творилось в душе в минуты ожидания зверя или птицы вместе с приходом утра или вечером на закате. Жаль

только, что за эти мгновения счастья расплачивались охотничьи звери и птицы. Ну да нам самим когда-то придется нести ответ.

— Алексей, а что было с Чарли потом?

— Охотился до двенадцати лет. После восьми лет зайцев уже не гонял. На двенадцатом году в самые прекрасные дни вальдшнепиных высыпок за целый день ничего не нашел. Впереди с поляны поднялся шумовой вальдшнеп. Дай, думаю, проверю, есть ли еще у Чарли чутье? Навел его на эту поляну. Он спокойно сел на то самое место, с которого только что поднялся вальдшнеп. «Все,— говорю,— отохотился». Но до четырнадцати лет дотянул.

Похоронил я его в лесу, на той поляне, где весной на тяге стояли. Было это в конце апреля. Помянул, собрался уходить. Сначала услышал, потом увидел — над поляной тянул вальдшнеп.

БЕССОННИЦА

Утром позвонил сын: «Как ты там? Скучаешь без охоты? Сезон окончился, теперь до весны? Ничего, у тебя всегда были лыжи. Весной, может, вместе съездим на тягу. Может, и на глухариный ток соберемся. После твоих рассказов мне давно хочется побывать на току. Посидеть у костра, что теперь не часто случается. В конце апреля я смогу выбраться на недельку».

Вчера Алексей проехал на лыжах до родничка. По привычке считал следы: сколько кабанов прошло налево, сколько направо. Вот через просеку проскочили косули. Вот заяц напугал. Вот лисичка аккуратно прошла. Только лосиного следа ни одного не встретил. Мало их стало.

У родничка очистил от снега лыжи, запалил костер. Пока разгорался огонь, в кормушку, что подвешена неподалеку, насыпал подсолнухов. Почти сразу начали слетаться синички. Как быстро они узнали про подсолнухи. Или на дым слетались. Одна, другая, третья ныряли в кормушку, вылетали с семечками и на соседних ветках расклевывали их.

Алексей термоса не признавал, брал с собой солдатский котелок. После чая можно было на какое-то время погрузиться в тихое созерцание окружающего. Родничок был небольшой, укрытый среди деревьев под косогором. Рядом крошечная речушка, которую питал родничок. Весной речка превращалась в бурный поток, по буграм загорались огоньки медуниц, осенью все покрывалось листвой, и приходилось чистить родничок, зимой он тихо струился в глубоких снегах. Летом я бывал здесь редко, все вокруг зарастало, комары одолевали, да и недосуг.

Пора обратно. Что убрал в рюкзак, что спрятал поблизости до следующего раза. Зимой день короткий, и к автобусу добирался уже в сумерках.

На другой день Алексей никуда не поехал, занимался домашними делами, ремонтом охотничьей амуниции. Днем никто не позвонил, вечером никто не зашел. Спать лег рано. Под утро приснился дом, куда в детстве на лето отправляли к деду на каникулы. Снилось что-то давнее, щемяще-тревожное. Дом был тот и вместе с тем не тот, в доме никого не было. Даже во сне понимал, что дома того давно нет. После этого уже не засыпал. Бороться с бессонницей бесполезно. Алексей встал, поставил чайник на плиту, взглянул на термометр за окном, постучал по барометру. За ночь еще выпал снег. Пока закипал чайник, открыл шкаф, пробежал глазами по корешкам книг: Бунин, Паустовский, Юрий Казаков, Ливеровский, многие другие, которые за долгие годы стали самыми близкими друзьями и собеседниками. В своих привязанностях люди ищут единомышленников, людей, близких по мироощущению и миропониманию. Круг друзей с годами все более строго очерчивается. Кто-то уходит навсегда, с

кем-то оказывается не по пути. Новые не появляются; старые становятся дороже. Алексей вытянул томик Николая Зарудина, ныне мало кому знакомого, но такого любимого им. Эпиграф к рассказу «Древность» — строка из Фета: «За гранью прошлых дней». И уже не отрываясь вчитывался в давно знакомое.

«Древняя ночь августа. Жарко налиты огнем драгоценности звезд. В их жертвенной, мерцающей яркости безмолвный лес нависает столетним мраком. Я лежу в заброшенной лесной избушке, — где, когда, с кем — уже забыл и смотрю в грудь колкого багрового жара; он сумрачно звенит и покрывается тонким сероватым пухом. Толкутся и мешаются тени. Серые тени забвения!.. Где я? И — что я? Я лежу в чадной курной избе, в глубине заваленных древесной падалью кварталов в гнилом хаосе лосиных болот. Дым кружится и тянет в звездное окошко. Лес недвижим, сосны — как струны, тишина — как занесенный топор. Под звездой, когда родилась заря, тысячу лет назад, весной, шевеля сыростью сосны, запел глухарь.

Эти птицы владеют мною с самых отдаленных детских времен. С пожелтевшей гравюры старинного издания Брема смотрела на меня большая неуклюжая птица с круглым куриным телом, бородатой головой — такой, с какою теперь уже никто и ничто не бывает».

Когда-то давно прозвучавшее в этом рассказе захватило, захватило на всю жизнь.

Дорога в жизнь от простого в сложное. У Алексея было как у всех. В познании жизни и мира он уходил все дальше и дальше. В учебе, в работе, в семье, в общении с людьми. Но была еще и охота. Ружье, как сказочный колобок, открывало мир. Кто, когда и зачем бросит все необходимые дела и будет в погоду и непогоду пропадать в лесу, на озерах и болотах, отшагивать десятки километров в поисках зайцев, ночевать в стогах, в заброшенных деревеньках у незнакомых людей, будет уезжать всего на несколько дней за сотни километров от дома, ночевать на снегу у костра, скрючившись от холода и терзаясь ночными страхами, чтобы услышать глухариную песню.

Охота в Подмосковье: вальдшнепиная тяга, утиные августовские зори, вытаптывание зайцев в осенних полях и редкие выезды на коллективные охоты на копытных — создает только иллюзию жизни в природе.

И чем больше охотился, чем больше читал, тем дальше хотелось забраться, больше увидеть и испытать себя. Самой желанной, казалось, такой недоступной, была охота на глухаря на току.

Несбывшееся камнем лежит на сердце. И надо-то всего — отложить на время повседневное, обыденное и реализовать давно задуманное. Охота на току у Алексея состоялась. Первая поездка была неудачной. Поехали с другом в Архангельскую в середине апреля, снег еще не сошел, резкое потепление превратило его в кашу, на неделю привязало друзей к избушке лесорубов, где они ночевали. С утра по насту удавалось уйти на два-три километра, потом наст под лучами солнца проваливался, и не всегда были уверены, хватит ли сил вернуться в избушку. Ноги не шли, пот заливал глаза, саднило от сухости в горле, и спасала только брусника на оттаявших кочках. Глухариный ток найти не удалось, время отпуска кончилось. В тот раз взяли только одного тетерева, который токовал на бугре недалеко от избушки. На обратном пути, когда по узкоколейке шли к станции, подвезли на мотовозе лесорубы.

— Чо, так и ничего? — удивились они. — Москвичи? В первый раз? Так ничего и не было?

— Времени маловато, — оправдывались друзья. — Да и снег нас связал по ногам. Рановато приехали.

Мужики сочувственно кивали головами.

— Ну и чего торопитесь? Весна вон как погнала. День-два, и снег сойдет. Небось, дорога вам в копейчку обошлась, негоже домой ни с чем возвращаться.

— Не можем, — оправдывались друзья. — На десять дней с работы еле вырвались.

— А то оставайтесь. Глухарь есть. И тока мы покажем. Раз уж вам так интересно. А чего там? Охота простая. Подскочил под песню, выстрелил, и готов. А убытка с вас немного, когда еще сюда из Москвы приедете.

— Вообще-то мы туляки, но какое это имеет значение.

Было заманчиво задержаться. Но друзья отказались, надо было на работу.

Первая охота на току вспоминалась Алексею удивительно подробно. В тот год, как всегда, долго ждали весну, она пришла, съела снега, прошумела потоками в оврагах, широко разлилась половодьем, оглушила птичьим гомоном. Все это можно увидеть только на охоте. Десять дней вальдшнепиной тяги пролетели быстро, и уже в последний день, поднимая чарку за закрытие охоты, пожелали друг другу: «Дай бог, не последнюю». Весну не последнюю.

А через неделю Алексей с Володией, постоянным спутником на ближних и дальних охотах, бросились вслед за уходящей весной на Север. Их давно объединила страсть к охоте, их сблизили многие пройденные вместе километры, многие встреченные восходы солнца, много раз их согревал один костер.

Вагон грохочет и мотает, поезд возвращается в весну. Уже к вечеру вышли на своей станции, успели сделать последние закупки, пока ходили по поселку, встретили Николая, с которым познакомились на мотовозе год назад. Он-то и обещал им тогда показать глухариный ток. Он вызвался проводить их до тока, пригласил переночевать. После выпитого, разговоров за жизнь решили уйти прямо сейчас, в ночь, чтобы встретить утро уже в тайге. Все денечки были на счету. От станции в лес уходила узкоколейная ветка, по которой с лесоразработок вывозят лес. Слева и справа лежали снега, но насыпь уже вытаяла. Шли долго, давили рюкзаки, морозило, над головой ярко сияли звезды. Дорога разрезала лес надвое, уводила коридором прямо в звездное небо. И чем дальше шли, замечали — звезды поменяли местоположение. Земля осязаемо вращалась, она мчалась в пространстве. Вместе с материками и океанами, лесами и полями, городами и деревнями и со всем живущим на земле. И Алексей ощущал себя неотделимой частицей этого огромного мира.

Наконец повернули на старую, отслужившую свой век ветку, по-местному — ус. Зарождалось утро, звезды таяли, зарозовели снега, зазолотились вершины сосен, раскрылись поляны и вырубки. И пока шли, с разных сторон зажурчало, забулькало. Токовали тетерева. Дорога привела к реке, к мосту. На берегу стояла избушка лесорубов. Мост был сложен клетью из огромных бревен, эта клеть перекрывала всю долину реки. Этот мост — граница в другой мир. Сегодня друзья перейдут этот мост и, может статься, наконец-то приобщатся к таинству глухариного тока.

Река еще подо льдом, но бугор, на котором стоит изба, освободился от снега. В избе как обычно. Печь из металлической бочки, нары, стол у окна. После чая Николай заявил: «Спать будете потом, сейчас покажу тетеревиный ток, шалаши поставлены, покажу дорогу на глухариный ток. Токует за сосновой гривой по краю болота. Не бойтесь заблудиться. С давних пор лес из тайги вывозят узкоколейными путями. Большая часть веток уже не используется, рельсы сняты, но шпалы остались. По этим веткам всегда выйдете к большой колее, где станция, только идти надо на схождение усов, в стрелку».

После ухода Николая друзья затопили печь, отоспались в тепле, много раз заваривали чай, грелись на солнечной стороне, смотрели на темный ельник на другом берегу реки и представляли бесконечные леса за ним, болота, вырубки, наполненные таинственной жизнью, в которую им предстояло окунуться. Вечером Володя как-то виновато промямлил:

— Знаешь, давай сначала сходим на тетеревиный ток. Ты вот глухарями всю жизнь бредишь, а тут тетерева рядом, два шалаша, мешать друг другу не будем. За глухарями еще успеем.

Алексей прямо заявил:

— К этой охоте я готовился давно, и кто знает, будет ли другой случай. Иди на тетеревиный ток, а утром в избе встретимся.

Ушел рано, как рассказал Николай, дошел до сосновой гряды, устроил себе ночлег. Свалил сухостойную сосну, отрубил три бревна, соорудил ночью. Рядом постелил подстилку из лапника. На подслух идти времени уже не было. Береста меж бревен загорелась сразу, скоро и бревна занялись. Огонь горел внутри, между бревнами, по всей длине. С краев пригасил огонь снежком. По мере того как дерево выгорало, верхнее бревно опускалось на плотно лежащее нижнее. Спал, во сне непроизвольно переворачивался к огню. Очнулся в час ночи. Пошел по гриве дальше, вышел на старую вырубку, здесь было не так темно. В природе творилось что-то необычное. Небосвод как бы подсвечивался от горизонта прожекторами, но лучи начинали вдруг загибаться и гаснуть. В зените возникало свечение, оно приобретало вид огромной звезды, потом лучи ее тоже начинали закручиваться. Это был живой свет. Он дышал, изменялся, вспыхивал в разных частях небосвода. И было как-то тревожно. Так продолжалось недолго. «Наверное,— подумал Алексей,— это какая-то форма северного сияния».

Алексей пересек вырубку и углубился в заболоченный сосняк. Все, теперь ждать. Сначала вслушивался в тишину, боялся пошевелиться, подшуметь. Потом начал мерзнуть. Холод проникал все глубже, начало трясти. Время было, близился рассвет. Глухарей не было.

«Все,— думал Алексей.— Ничего не будет». Начинало светать, где-то прохоркал вальдшнеп, глухари молчали. Алексей еще продвинулся по болоту, опять стоял и слушал. И услышал. Чуть слышные редкие щелчки. Алексей пошел на эти звуки. Когда различил второе колено, точение, пошел под песню. По два шага, третий сделать боялся. Главное — уловить ритм. Сначала костяное, редкое: «тэк-тэк...» Потом убыстряющееся: «тэк-тэк-тэк-тэка...» Потом уже непрерывное: «тэк-тэк-тэк-тэк-тэк», переходящее в точение: «чичивря-чи-чивря...» Два шага вперед. Услышать окончание точения. Дальше нельзя. Глухарь слушает. И снова: «тэк-тэк-тэк... чичивря-чичивря...» И еще броском два шага. Упал, в сапог через голенище пошла вода. Лежал, ждал новую песню. Под песню встал, под песню пошел. Утро подгоняло. Уже видел глухаря, он пел на старой сосне, на другой стороне болота. В середине болота светлое место, надо пересечь. Страшно было вспугнуть глухаря. Пересек открытое место. Глухарь пел. Утро разгоралось, и глухарь пел без перемолчек. Два шага, еще два шага, сейчас все свершится. Еще два шага, и можно будет стрелять. В этот миг — шум, хлопанье крыльев, в окружающих деревьях сидели глухарки, они все видели и все слышали. Огромные птицы разлетались в разные стороны. Это был конец. Алексей стоял неподвижно, словно в оцепенении. Он уже готов был пойти, но с сосны раздалось: «тэк-тэк...» Глухарь был здесь, петух не улетел. Солнце осветило верхушку сосны, и глухарь запел непрерывно. Песню за песней. Алексей был уже под сосной, видел вытянутую шею с запрокинутой клокочущей головой и раскрытый веер хвоста. Под песню обходил вокруг сосны, чтобы ничто не заслоняло, чтобы стрелять наверняка. Под песню стрелял. Все кончилось в одно мгновение. Глухарь лежал на снегу взъерошенный, такой огромный и такой далекий. Навсегда запомнилось темно-коричневое оперение, как бы осыпанное серебристым пеплом, отливающая зеленью грудь, бородастая голова с набухшими карминно-красными бровями.

Глухаря нес под мышкой, болталась длинная шея, по пути собирал оттаявшую клюкву. Пока возвращался в избушку, дважды пересек медвежьи следы.

Володя безмятежно спал в избе, гудело пламя в печке, на стене висели два тетерева. Состоялось, все состоялось. Через день и Володя взял на току своего глухаря.

Вконец обессиленные от недосыпания, от тяжелой ходьбы по заваленному тающими снегами лесу, друзья шли по узкоколейке на станцию. Друзья шли молча, до краев переполненные впечатлениями, постепенно переключаясь на житейское. Но в них уже зрели, рождались новые планы, ожидание новой дороги.

* * *

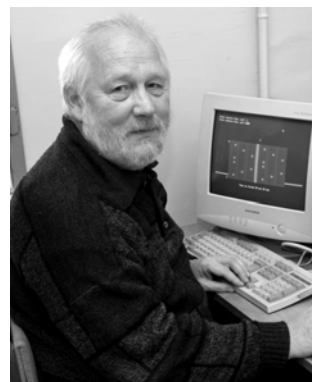
Алексей опять погрузился в чтение Зарудина: «Охотничье, древнее всегда поднимается из пройденного, векового, затерянного в забытом, туманится синим куревом потухших костров, светивших много лет назад, зовет неизведанными дорогами вперед,— никогда не иссякнут темные, уходящие вдаль неведомые охотничьи дороги, никогда не умрет темное счастье предчувствий, погони, следопытства, удачи, счастливой охоты...»

Алексей закрыл томик до другой бессонницы. Подошел Джой, ткнулся мокрым носом в ладони, положил сначала одну лапу Алексею на колени, потом другую, поднялся над столом и долго смотрел, что же так заинтересовало хозяина. Потом направился к двери. Все понятно, надо идти на прогулку. Ночь кончилась, бессонницы как не бывало.

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Алексей Яшин

Подводная лодка «Капитан Старосельцев»

В поисках общественного признания — 1

Пора нам, читатель, познакомиться с главным героем повествования и его интригующим, правда пока планируемым, предприятием.

Как-то раз Олегу Васильевичу еще в бытность его работы в местном пединституте доцентом на физическом факультете благодаря легкой любовной интрижке с аспиранткой с филологического, проходившей научную практику в областной библиотеке, довелось познакомиться с занимательной книжкой. Аспирантка была почти на десять лет моложе его, незамужней, отчаянной в преступной любви к женатому мужчине и с роскошной красно-рыжей гривой.

Для советских, стесненных для адюльтера лет Наташа имела еще очень существенное достоинство: жила в однокомнатной квартире в центре города, принадлежавшей тетке, которая бог знает когда уехала за заработки в нефтеносную Сибирь. Там она, ранее разведенная, повстречала новую любовь — инженера из татар Хисамова, вышла замуж... словом, возвращаться от длинных нефтяных рублей в Х. воспитательницей детсада в ближайшие десять-двадцать лет желания не имела. А за квартирой присмотрит Наталья; пусть даже и замуж выходит.

...Как-то в субботний день, милостиво отпущенный Наташей полчасика отдохнуть и попить кофейку — после третьего по счету соития, — доцент Старосельцев, обернув мощные от крестьянской наследственности чресла банным полотенцем, сидел в кресле перед журнальным столиком и пил кофе с принесенным им ликером «Шартрез». Хозяйка же возлежала в постели в роскошной позе, курила болгарские женские сигареты «Фемина» и задумчиво размышляла: «День сегодня по календарю сомнительный, не принять ли пилюлю?»

А доцент, которому тоже не терпелось испытать в бою редкостные голландские презервативы с пупырышками и запахом банана, презентованные коллегой, вернувшимся из зарубежной турпоездки в Польшу, приглядел на настенной полочке старинную книгу в ветховатом переплете.

— Что это у тебя за старье?

— Это, милый, не старье, а раритет по теме моего диссера. Отыскала в книгохра-

нилище обблиблиотеки. Она, правда, на французском, но там куча занимательных картинок.

Картинки, эти замечательные гравюры, какие можно видеть только в книгах XIX века (Олег Васильевич как интеллигент во втором поколении знал толк в изящных вещах), изображали явно ученого толка людей, которые, как сообразил наш доцент, все чего-то добивались от властей, публики, коллег... но ничего так и не добились.

...Уже после второго сеанса остролюбовных ласк, в том числе и с применением нидерландских презервативов — для остроты ощущений,— Наташа вкратце пересказала фабулу занимательной книжицы. Действительно, ее герой, изобретатель вечного движения, полжизни пробегал по инстанциям, публичным лекциям, академиям и университетам, доказывая полезность своего изобретения. А книжка называлась «В поисках общественного признания».

Кстати, Наташа в тот день действительно ошиблась в дате; презервативы, с самого начала не использованные, оказались как мертвому припарка. Дошло дело до аборта, перед которым огненная прелестница по-бабски напористо шантажировала оробевшего доцента. Так что сладкая парочка разбежалась. Увы, так все в жизни и бывает; имеется в виду — в половой.

* * *

И вот теперь, двадцать лет спустя от той шалости с огненно-рыжей аспиранткой, уже маститый, в расцвете, как принято говорить, творческих и физических сил, профессор Олег Васильевич Старосельцев все чаще и чаще вспоминал ту староизданную в городе Париже сто с лишним лет назад книжку с замечательными гравюрами. Но — как же крепки в человеке ассоциативные ощущения? Как профессор биологии, правда с уклоном в ее физико-математическую ипостась, он это прекрасно понимал, но... вот вспомнил в очередной раз книгу в кожаном переплете, и явственно рецепторы его носа ощутили сложную смесь запахов: ликер «Шартрез» местного винзавода, химический банановый запах презерватива из Бенилюкса, аромат тела разгоряченной юной женщины...

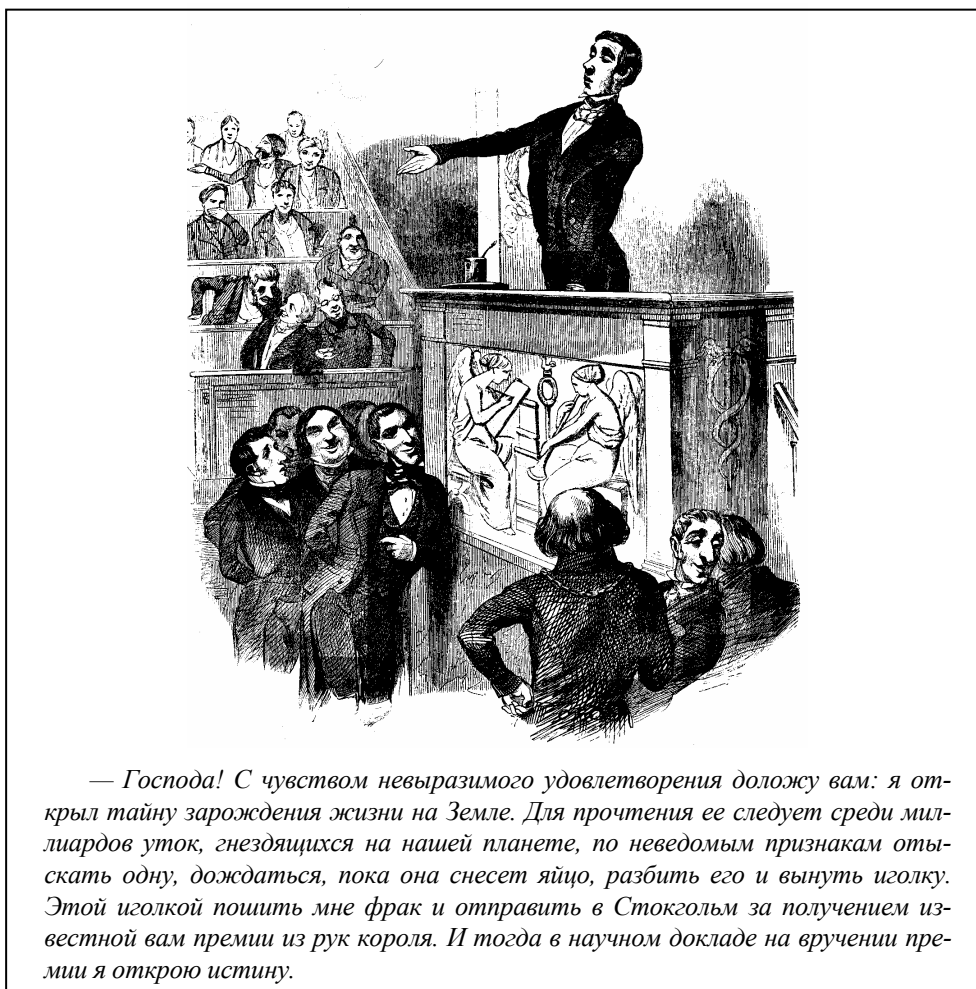
Но ассоциативный запах воспоминаний улетучивался, а профессор Старосельцев досадливо ощущал себя тем самым обезумевшим от отчаянных попыток добиться общественного признания своего гениального изобретения героем отменно иллюстрированной французской книги.

Дадим некоторые необходимые пояснения. До сорокалетнего возраста Олег Васильевич трудился поочередно на математическом и физическом факультетах местного пединститута, ранее окончив местный политех. Сравнительно рано защитив кандидатскую диссертацию по физике электромагнитных явлений, далее он как-то застопорился: женитьба, семья, Наташа и другие девушки-женщины, решение квартирного вопроса... словом, только перед самым 40-летним мини-юбилеем опомнился, взял себя в руки, пользуясь эпохой безвременья — середина 90-х годов, когда все рушилось,— легко и скоро защитил в Москве диссертацию доктора физматнаук. А затем сделал еще один важный ход: перешел на работу в самый крупный вуз города, ранее бывший чисто техническим, а теперь в духе времени переквалифицировавшийся в университет классического типа. В числе прочих новомодных факультетов там открыли и биофак с карт-бланшем на многие вакансии. Олега Васильевича там как родного встретили и сходу дали кафедру биофизики и биохимии. Конечно, никакой химии он не знал, да на то другие доценты имелись, а вот биофизика — почти родная дисциплина. На том и прижился.

* * *

Период огненно-рыжих и белокурых аспиранток не то чтобы совсем прошел, но как-то стабилизировался в минимально-достаточных потребностях. Гормоны также вошли в неспешный жизненный ритм, а потому нехилый от рождения, крепкий, хотя и несколько тугодумный крестьянский мозг забунтовал, затребовал пищи для размышлений. Словом, если раньше Старосельцев относился к своим научным упражнениям почти что играючи, навряде умеренного спорта, то на пятом десятке он наконец-то нашел свое призвание. Очень его потянуло к серьезным научным занятиям в найденной им нише; даже семья на второй план отошла, равно как друзья с застольями, любимые детективы и научная фантастика... А что касается аспиранток, то от прежних он несколько отошел, к новым еще не приблизился.

Найденная же Старосельцевым научная ниша в прежние, советские времена (а на Западе и посейчас) обеспечила бы ему стремительную карьеру, государственное, а может и ленинское лауреатство, любые запрашиваемые суммы на исследования и так далее. Понятно, что даже его личная персона была бы глубоко засекреченной, а полученными от Косыгина, Андропова и Устинова орденами первого класса пришлось бы любоваться, только запершись в служебном кабинете... Ах, мечты, мечты, но история сослагательного наклонения не имеет, увы.

В поисках общественного признания — 2

Итак, все уперлось в общественное признание. Понятно, что здесь под обществом подразумевались те инстанции, от которых многое, почти все зависит в нашем несовершенном мире. А у человека от науки таких инстанций много: от университетского начальства до Академии наук и Миннауки, или как там оно сейчас, в очередной раз переименованное, называется?

И в прежние времена, когда государство находило применение «собственным ньютонам и быстрым разумами платонам», реализовать смелую и неординарную идею было нелегко: тернист и долог путь. На закате советской власти не раз слышал Олег Васильевич ностальгические воспоминания дворовых пенсионеров, ветеранов-оружейников о временах пред- и послевоенных сталинских пятилеток, когда все новое, полезное для страны с лету подхватывалось этими самыми инстанциями, а изобретателя за белы ручки подхватывали и усаживали в кабинет руководителя проекта. Правда, если проект проваливался, новатор отвечал по всей строгости тогдашних времен, но, как говорит народ: взялся за гуж, не говори что не дюж.

Именно в те времена простой сержант Калашников на шестьдесят лет вперед (а сколько их еще впереди?) обеспечил отечественную армию и еще армии половины государств мира своим знаменитым автоматом. А еще более простой ефрейтор, служивший срочную на Сахалине в первые послевоенные годы, послал через особый отдел своего полка школьную тетрадку*, где изложил устройство водородной бомбы и еще нескольких ядерных устройств, о которых тогда даже самые высоколобые академики не помышляли. Тетрадка была срочно доставлена Лаврентию Павловичу Берии, а академики принялись срочно реализовывать проекты девятнадцатилетнего ефрейтора... Были же времена? — Суровые, но справедливые.

* * *

Это все в прошлом: дальнем и ближнем, но — прошлом. А про нынешние потуги изобретателей говорить — лучше плакать. Любой внимательный человек даже по содержанию телепередач видит: науке капут. Правда, редко-редко неизменный Капица (который Сергей) что-то говорит, но в основном про успехи западного интеллекта. Профессор Старосельцев, как ни странно, — любитель хороших стихов, иронизируя в узком дружеском кругу, любил процитировать что-нибудь этакое навроде Бушина:

*Телевизор не смолкает,
Клики, всхлипы там и тут...
Братцы, радость-то какая:
Нам Деникина везут!*

Вот что ныне общественность волнует, а не какая-то там наука. Даже лозунг придумали и население оповестили: «Если есть наука в Америке, то зачем она нам?!»

Иногда, в дни бесконечных праздников, когда корпуса университета на запоре, а водку с друзьями пить надоедает, пробовал Олег Васильевич смотреть в телевизор. Нажмет на пульте частный телеканал, и там нечесаный верзила ревет нутряным голосом:

*...Комиссар пришел,
Привязал коня
И жену увел.*

* Это действительно факт отечественной науки, кстати, рассекреченный не так уж давно. Обиженные академики, что ли, его секретили?

Поморщится как от зубной боли, переключит на центральное независимое телевидение, а там опять же:

*...Ой, да конь мой вороной,
Да обрез стальной.*

Побагровеет профессор и ткнет кнопку официального государственного канала:

*...Хату подпалил
Да достал обрез,
Сколько нас таких
Да укатило в лес.*

Плюнет Олег Васильевич мысленно (в натуре нельзя — супруга строгая), пойдет на кухню, выпьет со скукой стопку и будет долго вспоминать: «А как именуется сегодняшний новодельный праздник?» У жены спросит — та тоже не знает, дескать, вроде как согласие кого-то с кем-то. Волка с ягненком, что ли?

* * *

Еще пять лет назад, перед самой сменой веков и тысячелетий, когда Старосельцев начал с энтузиазмом стучаться лбом о дубовые двери инстанций, он наивно полагал, что кому-то и что-то нужно в *этой стране*, кроме долларов, евро, на худой конец — рублей (но только мешками из-под картошки). Ох и наивен же русский народ! Ничем эту наивность из него не выколотишь. Таков был и крестьянский сын Старосельцев, хотя и происходил из мелкотравчатых русско-литовских князей Старосельских.

После сокрушительных первых неудач профессор даже слегка запил, но властная жена и врожденная крестьянская скуповатость быстро это дело пресекли. Тогда Олег Васильевич увлекся чтением сочинений по отечественной истории: на полках его домашней библиотеки давно пылились тома Карамзина, Соловьева и Костомарова. Как он мечтал их прочесть в советские времена, а вот надо же: появились их книги в вольной продаже, купил полные собрания сочинений, экономя на всем элементарном, Старосельцев... Это как черная и красная икра: когда ее нет — день и ночь ее жаждет язык и желудок, а поставь перед собой бочонок на два пуда — больше двух столовых ложек и не проглотишь...

А вот настало время разочарований, и прочитал том за томом. А по прочтении, в унисон жизненным впечатлениям, пришел к неожиданному выводу. Из написанного историческими авторитетами выходило, что на Руси наблюдалось движение и относительно порядок только тогда, когда страной правили иноземцы: варяги в Киевской Руси; татары в Улусе Джучиевом; опять же полутатарские московские князья до Ивана Грозного включительно; немцы, подменившие с XVIII века династию Романовых; комиссары-евреи в первые десять лет советской власти; грузин Джугашвили-Сталин; даже хохол Никита при всех его завихрениях негибкого ума.

Как только у кормила оказывались этнические русаки, так бардак и случался: княжеская междоусобица, церковный раскол Никона, Смутное время, бунты, революции и прочая, прочая... Что за народ такой младенческий? Хотя не всегда это правило срабатывало; вроде как сейчас у власти тоже люди не совсем русские, но такого бардака со Смутного времени не было...

А тут еще доцент Язвишин с его кафедры, биохимик по специальности и ярый патриот-сталинист, подsunул номер «Молодой гвардии», органа литературной оппозиции, с заложенной бумажкой:

— Тебе, Васильич, как самообучающемуся биологу, любопытно будет почитать.

* * *

...Как-то после обычного утреннего доклада — подписания текущих документов — Поскребышев, на секунду замешкавшись, положил на стол перед Вождем несколько отпечатанных на машинке листов бумаги с фиолетовым штампом Наркомвнудела в правом верхнем углу.

— Иосиф Виссарионович! Только что от Лаврентия Павловича передали.

Поскребышев удалился, а Сталин, просмотрев несколько первоочередных сводок, обратился к листам, под скрепку которых был заложен маленький бумажный флажок красного цвета, что означало особо доверительный документ. Из него следовало, что выдающийся физиолог, нобелевский лауреат Иван Петрович Павлов собственноручно сообщал, что на склоне многих своих годов он пришел к самому важному в жизни открытию, по сравнению с которым работы в области пищеварения и физиологии высшей нервной деятельности есть лишь разминка ума...

А суть открытия — печальна для его соплеменников, ибо Павлов пришел к аргументированному, научному выводу: русский человек имеет настолько слабую мозговую систему, что не может реально оценивать действительность. Он способен воспринимать только слова, семантику речи, но почему-то отделенную от описываемой словами действительности окружающего мира. Именно поэтому русский народ так легко и вдохновить, и одурачить до полного оглушения (Вождь нахмурился, но продолжил чтение уже со вниманием: нет, это не фальшивка-донос какого-то бесталанного академического чина...) одними лишь словами (Сталин сразу вспомнил иудушку Троцкого, усмехнулся правоте ученого). То есть условные рефлексы русского человека координируются только словами, но не действиями, не реальностью бытия.

Вождь отложил документ, откинулся на жесткую высокую спинку стула, осмысливая прочитанное. В далекой дымке памяти всплыли годы учебы в духовной семинарии, уроки отца Гурама: «В начале было Слово...» Да, вполне возможно, что в чем-то прав великий наш ученый: таковы особенности *нашего* народа, с этим необходимо считаться. Но отсюда же и доверчивость русского человека во все, изреченное сверху. А ведь один великий мыслитель сказал: «Мысль изреченная есть ложь».

Конечно, размышлял Вождь, такой народ идеален для решения великих задач и свершений, изумляющих весь прогнивший мир капитала и стяжательства, духовной тупости и волчьего индивидуализма... нет, много им чести с волками сравнивать, те — существа сугубо коллективные. С котом тоже нельзя — тот не стяжатель, миску с кормом и кошке, и котенку уступит. Не с кем и сравнить! Однако и величайшая опасность для русского народа, когда он остается без умной и думающей о нем стратегически власти: мигом полезет к престолу всякая сволочь и продаст ни за понюх табака все нажитое и достигнутое страной. Народ переимчив одинаково на хорошее и плохое. Да и твоя, Коба, судьба незавидна: заставят народ забыть о тебе, оболгут. На память пришло давнее стихотворение:

*Сердца, превращенные в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме.*

*Но вместо величья славы
Люди его земли
Отверженному отраву
В чаше преподнесли.*

Вождь горестно усмехнулся: как гордился он, семнадцатилетний Сосо, когда увидел свои стихи напечатанными в «Иверии», самой читаемой в Грузии газете. Вот

так и получается: писал стихи, имея в виду Сократа, а теперь, почти полвека спустя, к себе примеряешь...

Нет, рано, рано, Коба, к неверной памяти людской примериваешься; еще далеко не все ты сделал для народа в этой земной юдоли. Одна грядущая война с гитлеровским фашизмом чего стоить будет?

Прочитанные листки Сталин оставил без резолюции, немного подумал и положил их в папку для личного архива. В дверь, отворившуюся с мягким шорохом, заглянул Поскребышев:

— Товарищ Сталин! Нарком Ворошилов с авиаконструкторами в приемной.

— Пусть заходят.

За те считанные секунды, что прошли до появления в дверном проеме Клима и следовавших за ним оборонщиков, в голове Вождя успели вспыхнуть поочередно три мысли, что называется, к слову. С добрым юмором он припомнил рассказы о великом физиологе от Горького и других людей: с большой чуждинкой был наш ученый, истово публично крестился, хотя до революции также публично говорил о запахах-мздоимцах. А гостей, особенно высокого ранга, встречал дома в валенках и старом-престаром сюртуке, на лацканах которого советские награды соседствовали с орденами Св. Владимира, Св. Станислава, Почетного легиона — от президента Франции.

От Павлова мысли перекинулись к мягко шуршащей при открывании двери. Здесь сразу два момента на память пришли. Во-первых, не вынося телефонных звонков с аппарата, расположенного за дверью, в свое время приучал Поскребышева не лениться и не стесняться, а докладывать лично. Посмеиваясь, рекомендовал секретарю еще раз-другой посмотреть только что вышедший на экраны страны новый фильм с Ильинским: возьми, мол, трубку, я с тобой по телефону буду говорить!

...А когда в дверь входил, отчетливо поскрипывая португеей и голенищами новых сапог, Ворошилов, вспомнил о другом наркome — Ежове. Когда Сталину рассказали в либеральный обеденный час о выдумке маленького ростом наркомвнудела, тот поначалу счел это анекдотом, но, подумав после, склонился к тому, что это сущая правда. Дело в том, что при всех режимах — от золотоордынского и до советского тридцатых годов — все входные двери в дома, квартиры, кабинеты ставились открывающимися наружу: и холода меньше напускается, и при пожаре проще выбраться. А как только Николай Иванович заменил на посту наркома Генриха Ягоду и начал (заставь дурака богу молиться...) всех подряд хватать как врагов народа, то с его подачи все проектно-строительные организации перешли на двери, открывающиеся вовнутрь: чтобы сапогом можно вышибить, если не открывают... И как это он додумался? Впрочем, все понятно, ведь в мирной жизни Ежов трудился слесарем, опыт большой.

* * *

Олег Васильевич с интересом прочитал новинку о Павлове, усмехнулся, дескать, это все демократы изгаляются над русским народом, фальшивку в журнал патристический подсунули! И чего этой демшизе неймется? Уже скоро двадцать лет будут как у власти, а не успокоятся. Всю память о великой стране стереть у оглупленных масс хотят. Собственно и близки уже к этому. Вот только что праздник Великой Октябрьской отменили, гробокопатели снова голоса по поводу Мавзолея подняли. Хотя и у них промашки бывают. Вот возьмем крайне нелюбимое ими слово «комиссар». А ведь в каждом городе имеется военный комиссар! Скорее всего и до него доберутся и в порядке верноподданничества и лизоблудства, обезьянничества перед америкосами переименуют тыловых полковников в «военных шерифов».

Опять же Олег Васильевич мысленно сплюнул и от скуки темного осеннего вечера включил телевизор на программе «Культура», которую он единственную смотрел. И далеко не часто. На его радость показывали «Лебединое озеро» с Майей Плисец-

кой в партии Одетты-Одиллии в записи 1977 года; и Зигфрида со Злым гением вытанцовывали знаменитости балетного дела.

Недалеко профессор Старосельцев ушел по времени и поколениям от своих крестьянских предков из Страны князей, но уже вкусил усладу хороших стихов, высокой музыкальной классики... Но опять паскудная действительность вторглась в хрупкую идиллию великого балета: вспомнился август девяносто первого и все тот же балет, в той же записи на экранах дневного телевидения. Да, напугались тогда демократы первого призыва, кое-кто в штаны наделал. А ГКЧП себе самый роскошный в мире гимн придумал. Разве что с ним сравниться может гимн республики Родезия, когда там у власти было белое меньшинство: «Ода к радости» из девятой симфонии Бетховена! Правда, гимн ГКЧП просуществовал всего три дня, а гимн Бетховена в Родезии три года; затем к власти пришло коренное большинство и гимном сделало национальную негритянскую пляску...

Просмотрев гениальное творение Петра Ильича, профессор пошел на кухню пить чай, снова вернувшись мысленно к давешнему чтению. С одной стороны, вроде как Иван Петрович прав, как был он абсолютно прав во всех своих научных упражнениях. А с другой? Не хотел Олег Васильевич соглашаться с хроническим умственным дифферентом русского человека. Хотя, например, те же Бисмарк и Ницше озвучили достаточно нелицеприятных афоризмов и высказываний о земляках-немцах. Кстати, более гадко о русском национальном характере, нежели Бисмарк («ругаться, ничего не делать, не думать»), говорят разве только что нынешние наши демократы...

Как представлялось Олегу Васильевичу, только такой оригинальный человек, внешне выраженно эксцентричный, патриот своей страны (Павлов даже в труднейшие годы и в мыслях не держал отъезда за границу на ПМЖ), великий ученый мог сказать в определенном смысле горькую правду о своем народе. Добрый ли он был самаритянин? Действительно, проводя определенную аналогию между евангельской притчей о самаритянине и утверждением Павлова, можно отметить нечто существенное. Ситуация «один человек и разбойники» — это вечно обороняющаяся от Запада-Востока Русь — Россия — СССР — ... сейчас страна не обороняется, опустив крылышки. В плане же психологического архетипа нации — это неагрессивный характер русского народа.

В притче о самаритянине мимо ограбленного и избитого проходили разные люди. Первым шел священник. Он прошел мимо; это означает, что не умозрительная религиозность составляет суть русского характера. Это самоочевидно; Олег Васильевич улыбнулся, вспомнив недавно прочитанный, в прежние времена не публиковавшийся, четвертый том книги Афанасьева о русском фольклоре, а в этом томе содержались всякие непристойности о попах и всей церкви. Другой факт — слишком легкий отказ русских от церкви в XX веке.

* * *

Обошел избитого и немощного и левит, то есть представитель одного из племен иудейских, здесь и пояснять нечего... Понятно, что не только потомки левитов (то есть тот же коллега по работе профессора Старосельцева — доцент Семен Борисович Левитович) имеются в виду в данной аналогии, но и все чужестранцы.

Но вот подошел самаритянин и сжалился, но не слезно, а *дейтельно*. Не так ли дейтельно сжалился о русском человеке и наш великий ученый? Во фразе И. П. Павлова Олег Васильевич, много и хаотично читавший, слышал отзвук намного более раньше сказанного другим русским патриотом — Иваном Аксаковым: *«Не в том ли вся сумма наших бед и зол, что так слабо во всех нас, и в аристо-*

* См. Евангелие от Луки, 10: 25—36.

кратах, и в демократах, русское историческое сказание, так мертвенно историческое чувство!»

Но вот оба они — Павлов и Аксаков — все же употребляют слова о слабости. Однако, что именно имел в виду Павлов, говоря о слабости мозговой системы, как это может показаться поначалу? Профессор Старосельцев силился разобраться, не раз возвращался к этой теме и пришел-таки к вполне определенному выводу: в пресловутой слабости русского человека и состоит его вселенская сила; он еще верит говорящему, в то время как весь остальной мир уже следует сакраментально: мысль изреченная есть ложь. Отсюда и следует, что только во всеединстве, коллективизме есть спасение и надежда русского народа; ему категорически противопоказан сугубый индивидуализм.

Придя к такому выводу, Олег Васильевич облегченно вздохнул, но тут же и помрачнел: опять вспомнилось свое, неизбывное — поиск общественного признания.

Нас всегда поражала своей нелепостью присказка: «Истина рождается в споре». С кем спорил Диоген в своей бочке? Как мог спорить глухой Циолковский? С кем дискутировали Шопенгауэр и Марсель Пруст, запиравшиеся от людей? Как нам представляется, споры возникают уже после рождения истины — в яростном отстаивании приоритетов.

Чистые и нечистые

...Заключая беседу в кабинетике профессора Старосельцева, Жора, сам давший принципиальное согласие участвовать в предприятии, с чувством выпил стопку коньяка, выставленного хозяином «для разговора», давал последние рекомендации.

— Итак, дорогой мой профессор, вы вступаете на тернистый путь. Да-да, именно ты, Олег свет Васильевич, не я, ибо сам по нему иду всю сознательную жизнь. Журналистская стезя к тому обязывает. И путь ты этот будешь творить не один; сам понимаешь, супермены — порождение западного, особенно американского индивидуализма и сверхэгоизма — только в дешевых боевиках проживают. А попутчиками твоими будут как чистые, так и нечистые — в необходимой для дела пропорции, так, чтобы плюс на минус в итоге давал арифметический нуль, то есть нуль вреда и максимум пользы. Опять же для дела. Поясню относительно терминологии.

Она в сути своей восходит к христианским догматам: чистые — это ангелы во плоти, нечистые по понятной антитезе — ангелы тьмы, дети Антихриста, а в земной интерпретации — сонмы злодеев, лиходеев, душегубов, клятвопреступников и прочая, прочая, прочая. Ну, это все прописи морали. В наше с тобой время мораль, тем более христианская, не действует, но деление на чистых и нечистых, хотя и по зыбкой границе, сохранилось. Вот, например, ты — условно чистый, а про себя нескромно умолчу. Сам все знаешь, ибо с тобой я до отворачивания откровенен всегда был.

И вся наша с тобой, извини — присоседился уже, команда, как сейчас даже на самых верхах принято говорить, будет поделена на чистых и нечистых, но поделена строго и безо всяких размытых моральных границ. Причем если чистые берутся без разумного ограничения, то число их антиподов определится только крайней нуждой, что по-латыни формулируется как *minimum minimorum*.

А из чистых брать людей стараться только самодостаточно мыслящих, не подающихся внушению, массовому психозу и так далее. К сожалению, народ наш за последние пятнадцать лет целенаправленно приучен впадать в массовый психоз. Здесь надо отдать должное даже не заказчикам-кукловодам, а исполнителям, то есть СМИ; на славу отрепетировали добрых наших людей. Чего далеко ходить? — Вспомни похолодание месяц назад? Две недели мороз за двадцать стоял — экая невидаль, забыли вроде как где живем. Это только для управлений городского транспорта — любого города от Калининграда до Петропавловска-на-Камчатке — каждый раз все в новинку неприятную: первый снег, дождь, гроза, новый градоначальник и так далее.

И за эти две морозные недели такого психу на народ напустили, что — помнишь? — улицы даже днем пустые стояли. Опять же трамвайщики воспользовались и вообще маршруты прикрыли.

Это к чему я говорю? — А к тому, дорогой мой, что люди в коллективе, с одной стороны, должны быть абсолютно дисциплинированными, с другой — не бараны, идущие то за одним, то за другим вожак.

* * *

— Короче говоря, — резюмировал Жора, выпив стопку на рósстанях, — нечистых предоставь мне, а чистые — твоя прерогатива. Самая первая пара — это юрист, он же адвокат, и руководитель службы безопасности. Первые — все продажные сволочи по самому определению их профессии, поэтому юрист за мной, а вот охранник не должен быть наемником. Это слишком важная фигура, равнозначная боцману на боевом корабле. Есть кто-либо на примете?

Профессор Старосельцев на миг задумался, но только на миг, ибо сразу вспомнил о Сашке Стехине по устоявшемуся прозвищу «милиционер».

С милиционером Сашкой тогда еще доцент пединститута Старосельцев познакомился на физфаке, где имелась хозрасчетная лаборатория геомагнетизма — от одноименного московского академического института, тяжелое наследие известной хрущевской реформы о выдворении науки из столицы и рассеянии ее по 1/6 части земной суши. Тем не менее для провинциального «педа» лаборатория являлась благом: ректорат с гордостью упоминал о своем ростке академической науки в отчетах для министерства, а молодые доценты типа Олега Старосельцева прирабатывали в лаборатории к своей зарплате от полтины до сотни полновесных советских...

В конце очередного квартала Старосельцев зашел в лабораторию передать штатному завлабу Селькину отчет по НИР и обратил внимание, что среди дымящих паяльниками лаборантов и инженеров находится новое лицо: невысокий, сухощавый, что называется жилистый парень с узким лицом с бегающими желваками; головка тыковкой и как-то стесана кверху, а короткая стрижка отдавала форменным. На внимательный взгляд Старосельцева Селькин охотно пояснил:

— Наш новый старший техник. Из бывших милиционеров, но руки и даже голова на месте.

...А тут как-то случился аврал по теме Олега Старосельцева, и тому пришлось пару недель пополудни, после чтения лекций самому сидеть с нещадно дымящимся паяльником, заняв за длинным лабораторным столом место по соседству с милиционером Сашкой.

Сашка вел себя как немец, хотя и был коренным русаком, выходцем из подгородней деревни, то есть работал толково и методично, а ровно в пять вечера — окончание трудового дня — гасил паяльник, сдвигал влево все свои цапки и из ящика стола доставал обувную коробку с чем-то металлическим и шел с ней в механический угол лаборатории, где располагались слесарный верстак, сверлильный станок и токарный маломерок, шлифовальный круг.

На вопрос доцента о предмете сверхурочного труда Сашка ответил кратко:

— Наручники собственной конструкции делаю. Не тупые ментовские, а со сдвливающим автоматическим механизмом.

— Это как так?

— А вот так. Поймал, например, я преступника, нужно его в отделение вести, а мне еще другого, напарника его ловить надо. Как быть? — А просто: я надеваю на первого наручники, объясняю где находится отделение и говорю: «Средним шагом туда добраться десять минут. Завод наручника рассчитан на пятнадцать, через каждые две минуты срабатывает храповой механизм, а внутренний диаметр наручника уменьшается на треть сантиметра. Если через четверть часа с тебя наручники не снять, то они переломят запястья рук. Па-а-шел!» Так преступник не через десять минут будет в отделении, а побьет все мировые и олимпийские стайерские рекорды.

— Сам додумался?

— Принцип такой известен; кажется, в каких-то спецподразделениях за бугром используется. Но конструкция своя, оригинальная.

* * *

Наручники Сашка сделал к концу недели, отполировал их, с помощью сдружившегося с ним доцента испытал на себе, заработав в критическом режиме синяки на запястьях, и отнес домой.

— Пригодится, — задумчиво сказал он, — постоянно пополняю свой арсенал.

После наручников Сашка принес уже из дома («Сосед с машзавода вынес», — пояснил он) полуметровый отрезок титановой трубы. Трубу он распилил на кольца, из которых в течение следующей недели искусно выпилил-выточил полный набор бое-

вого бандитского инструмента: кастет с изменяющейся конфигурацией, кольца-заточки, перстни-резаки и прочие ужасающие, но компактные орудия убийства и пытки.

На предложение заинтригованного доцента выпить по поводу уик-энда по стаканчику-другому портвешка в ближней «стекляшке» Сашка ответил, что никогда не пил, других не осуждает, но имеет свое мнение на этот счет. Однако если Олега Васильевича что-то интересует, то он и без допинга все расскажет. После чего отложил до понедельника изготовление перстня с крючком для вырывания ноздрей и мочек ушей и по-армейски кратко, без лирических отступлений доложил об основных перипетиях своей жизни.

Характер его сформировался в колонии строгого режима близ Свердловска, где он служил в охране: в военкомате и на призывном пункте не приглянулся своим неказистым видом и небольшим ростом. Именно там он проникся неистребимой ненавистью к отребью человечества, а с другой стороны четко осознал: от тюрьмы да от сумы не отказывайся, но старайся прежде разглядеть в человеке хорошее начало, а если такового отсутствует, то отринь его. То есть после армии в сержантскую школу милиции он пошел не Ваньку валять, как то делают многие дембеля, но по внутреннему убеждению. Это и было его основной жизненной ошибкой.

Советская власть со смертью Леонида Ильича начала клониться к закату, а Сашка за образец взял Глеба Жеглова. Сотрудники отделения, начальство в особенности, очень скоро стали коситься на ретивого не в меру сержанта. А после того как Стехин за одно лишь вечернее дежурство в общественных местах привел в отделение лично и посадил в ПМГ* и вытрезвительные машины около сорока задержанных, сам подполковник — начальник отделения — покрутил пальцем у виска и велел смотреть за ретивым в оба глаза.

Но не усмотрели коллеги за ретивым сержантом. Тридцатого декабря, когда советские служащие среднего и более высокого рангов коллективно разминаются перед Новым годом, Сашку с двумя другими сержантами послали на вечернее дежурство в ресторан «Южный», где гуляло медицинское начальство. Сашка слонялся по вестибюлю, а коллеги его прошмыгнули в буфет освежиться. В это время из зала вышел в туалет подгулявший медик чиновного вида. На ходу он бросил окурочку прямо под ноги Сашке, за что и был последним попридержан:

— Гражданин! Нехорошо сорить, поднимите и выбросьте в урну.

— Ты-ы! Ты это мне говоришь, легавый ушастый? Да я тебя...

Договорить он не успел, так как Сашка завернул ему руки за спину и защелкнул наручники; тогда он пользовался еще казенными. Вывел на улицу, где на его несчастье стояла машина ПМГ, помог втиснуть вопящего нечленораздельное медика в зарешеченный отсек, после чего вернулся на боевой пост.

Однако через полчаса та же ПМГ вернулась, а старший передал Сашке приказ: ехать с ним в отделение.

* * *

Полковник Хованюк орал как недорезанный бороз:

— ...Ты знаешь — кого в наручники заковал? Главного санитарного врача области и депутата облсовета, то есть нашего начальника!**

На следующий день Сашка вылетел из милицеских рядов с волчьим билетом.

* Передвижная милицеская группа на «козлике-уазике». После введения ПМГ в начале 60-х годов вместо постовых милиционероB и началось то, чем сейчас закончилось...

** В советское время милиция имела двойное подчинение: МВД и облисполкому.

В самом начале переустройки и объявления частной собственности Сашка уволился из пединститута. Поскольку жили Старосельцев и он по разные стороны города, то встретились случайно только года через три в трамвае. Сашка был одет в полный комплект входившего в моду камуфляжа. В руке он держал также камуфлированную армейскую сумку, по виду явно набитую чем-то тяжелым.

За две остановки, что они ехали вместе, Сашка вкратце поведал о текущих делах. Уже второй год трудится в частном охранном агентстве, сейчас едет на трехсуточное (со сменщиком) дежурство — охранять за городской чертой оптовый склад-холодильник с американскими морожеными куриными сосисками и «ножками Буша», принадлежащий местному авторитету Вовану Живорезу. Подмигнул, отвел полу камуфляжной куртки и показал кобуру с пистолетом.

— Небось, своей конструкции?

— Конечно, на базе «ТТ», а в сумке весь джентльменский набор, самолично изготовленный: от шумовых гранат до радиоуправляемых взрыв-пакетов; не мины, конечно, боевые, так, попугать, но можно и мины поставить. Кстати говоря, такая единичная радиоуправляемая мина израильского производства стоит четыре тонны баксов, а у меня устройство на шесть гнезд — из всякого хлама, что в кладовке дома валяется.

— И наручники, конечно, *made in pedinstitut*?

— Точно. А к ним впридачу новые, секционные, группу в пять человек можно ромашкой сковать: рожами вовнутрь или наружу, как нравится. Ну, Олег Васильевич, мне на пересадку выходить. Рад был встрече, сколько-то не виделись? Как разбога-теете, фирму свою откроете — зовите начальником охраны. С нашим удовольствием!

А вот полгода назад, летом, спустя более десяти лет с той трамвайной встречи, он снова увидел Сашку в неизменном камуфляже. Встретил в продуктовом магазине под вечер. Сашка активно закупался.

— Для дома, для семьи, — вместо приветствия сказал он.

Выйдя из магазина, они с четверть часа потолковали. Старосельцев вкратце рассказал о своем профессорстве. Сашка выглядел озабоченным.

— Понимаете, Олег Васильевич, завершается моя карьера охранника.

— А что такое? Что-то случилось?

— Да, я сейчас при одной фирме состою постовым на входе. Это здание бывшего НИИ сельхозмашиностроения. Как-то полез в проход один полудурок со справкой из дурдома, как после выяснилось. На уговоры не реагирует, пришлось руки приложить да не рассчитал и глаз ему выбил. Родственники придурка в суд подали. Вот теперь двадцать процентов от зарплаты ему выплачиваю, а лицензия только до конца года, новой не дадут. Вот так-то. Своей фирмой еще не обзавелись?

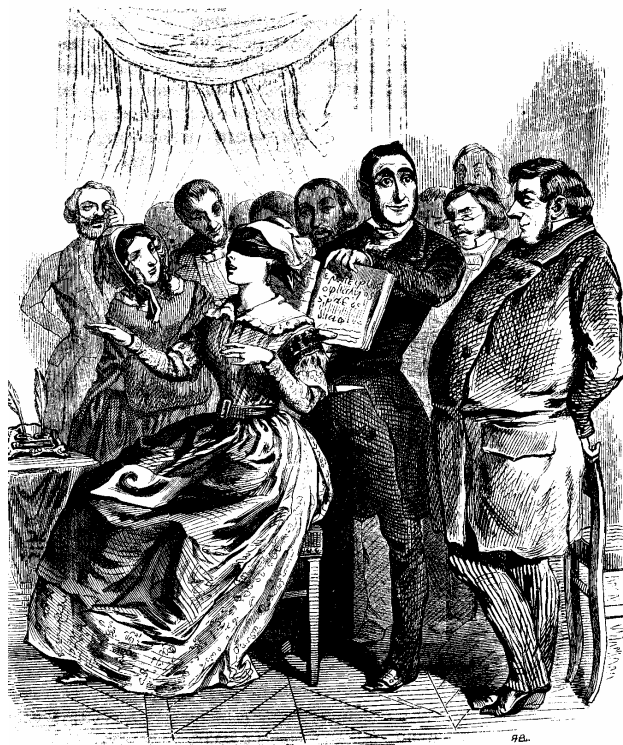
...Прокрутив в голове все эти воспоминания, Олег Васильевич отыскал в записной книжке телефон Стехина, позвонил — дело было вечером. Трубку взял Сашка, сказал, что без лицензии перебивается: с палкой палатку мелочную стережет по ночам.

— Вот что, Саш, я действительно через месяц-другой открываю свою контору. Пойдешь?

— С нашим удовольствием. А дело серьезное?

— Ну, тогда жди звонка. Дело серьезное.

...Так профессор Старосельцев набирал контингент чистых. Как вербовал нечистых Жорка Деглин? — Этим Олег Васильевич не интересовался, ибо со студенческих лет помнил главу из «Капитала» о пользе разделения труда в мануфактурном производстве.

Раньше народ увлекался спиритическими сеансами. Как это ни странно, но с развитием научного мировоззрения страсть к мистическим играм не ослабевает. Только в наше время это называется экстрасенсорикой, парапсихологией, биоэнергетикой, уфологией и пр. Человек мазохистски любит время от времени быть одураченным. Так стоит ли создавать высокоученые комитеты по борьбе с лженаукой? Зачем лишать людей удовольствия?

Страсти большого мира

Саша Ставроцкая уже четвертый год носила титул «рублевской жены» второго разряда. Впрочем, это не обидное, но очень даже уважаемое качество, означавшее всего лишь, что ее супруг Семен Ставроцкий пока еще не достиг миллиардного (в зеленых) потолка, но миллионов на восемьсот его нефтяные трубы в прибалтийском направлении, авиакомпания на Средней Волге, пяток крупных, главное — исправно работающих заводов на Урале и в Западной Сибири, два региональных банка уверенно тянули.

Жизненный путь Семена был обычным для той части новых хозяев жизни, что получили все ее удовольствия не бандитским наскоком, но изначально, понятно, по родственным связям, вписавшись в программу разгосударствления. Когда пришел час пик, Семен был якобы по конкурсу назначен директором Дома научно-технического творчества молодежи в своем волжском областном городе. Тотчас на «дом» потекли из центра огромные суммы с предписанием: кому и сколько давать.

Из этого общака Ставроцкий имел стабильный процент... И дальше все по накатанному: ваучеризация, кидки коллег по бизнесу, переезд в столицу, второй передел собственности — и нынешнее стабильное положение. От бандитов, как человек интеллигентный, Семен держался подальше. Женился уже рублевским домохозяином на дочери интендантского генерала, взяв в приданое бывший оборонный завод, который мигом перепрофилировал под производство чипсов и розлив грузинского порошкового вина.

Ну, эти творческие биографии спасителей отечества уже всем приелись, поэтому лучше вернемся к очаровательной, двадцативосьмилетней Саше, юной супруге уже заматеривающего полуолигарха.

Всем давно известно из желтой прессы и знаменитого телесериала «Рублевские жены», что живут эти супруги такими ухоженными канарейками в золотых клетках — для благоустройства домов-дворцов и представительства на банкетах-стрелках, а то и на официальных приемах.

Первые два года воспитанной в армейской семье Саше нравилась эта роль, главное, супруг оказался намного щедрее папаша, служивого из хохлов, позволял ей в меру сорить деньгами. Однако к началу третьего года с ужасом осознала: первая молодость проходит, она становится страстной женщиной, а ее Семен... словом, то ли возраст, а скорее всего нервная работа, но ласки от Семчика она получала лишь раз в неделю, да и то какие-то воробышние. Виагры супруг боялся, имея некоторые неполадки с сердцем.

Природа берет свое, птичка стала упархивать из клетки с золотыми прутьями.

* * *

Как дочь военного, да еще от скуки жизни начитавшись дамских романов, повела она себя осторожно, выбирая бой-френдов из театрально-эстрадной среды, бывших сокурсников (она окончила Гнесинку). Партнеры были знакомы еще по студенческому «перебору», что приносило механическое утоление страсти, но в душе оставляло скуку — продолжение прискучившей обыденности, хотя и в иной обстановке.

Как раз в этот момент горестных раздумий Саши о нелегкой ее судьбе на божьем горизонте столицы появился некто Валера Красеньков в возрасте Иисуса Христа, родом из Свердловска-Екатеринбурга, бывший актер тамошнего драмтеатра. В Москве он скоренько стал модным диджеем, понятно, не на дешевых сходняках подгородных тинейджеров, а выступал исключительно в элитных клубах. Кто и зачем извлек его из провинциальной глуши и ввел в бомонд? — Тайны особой-то и не было: красавца, почти двойника Тома Круза, его присмотрела стареющая жена уже настоящего олигарха во время дочернего визита в уральскую столицу.

Валера честно отработал свои мальчишники-девишники, тем более, что олигарх попал по разнарядке во враги отечества и отбыл с семейством во Флориду. А модный диджей по цепочке рекомендаций пошел гулять по альковам богатых дамочек-бальзаковок, впрочем, не пренебрегая и длинноногими красотками из своей артистической среды.

Дошла очередь и до Саши Ставроцкой, но на вершине преступной страсти Валера — с уже устоявшимся прозвищем Лерик Круз — вдруг куда-то и вообще из Москвы исчез, вызвав массу сожалений среди элитных дам, а также и некоторые нехорошие предчувствия.

Будучи, вообще говоря, себе на уме, и привыкнув, общаясь с бой-френдами из божемной среды, периодически ходить на осмотр и анализы в ангажированную для их круга лечебницу, Саша нанесла туда визит примерно через месяц после исчезновения Лерика. «Береженого бог бережет», — думала она поутру, а уже пополудни лишилась чувств в больничке, узнав о своей смертельной болезни.

Впрочем, не кисейная барышня, пришла в себя еще до того, как врач успел помочь ватку нашатырем.

— Что делать, Сергей Яковлевич? Это уже приговор?

— Да, хорошего здесь мало. Лечиться придется долго и дорого. Впрочем, последнее для вас, понятно, как раз решаемо. Есть ряд серьезных, конечно, конфиденциальных клиник в Европе, Штатах, Израиле. Болезнь эта, к сожалению, неизлечима, но противостоять ей можно достаточно долго. Главное здесь неудобство — лечиться постоянно...

— Это не жизнь, дорогой Сергей Яковлевич.

— Как сказать... Почти от всех радостей ее придется отказаться.

Саша почти полностью овладела собой, даже показалось: доверенный врач что-то не договаривает, словно решая про себя: сказать — не сказать?

* * *

— Не томите, Сергей Яковлевич, может, что еще посоветуете?

Саша вынула из сумочки пачку долларов, раз в десять превышающую обычный гонорар, и положила на край стола.

— Понимаете, Александра Степановна, я сам в некотором недоумении. Дело в том, что некоторые мои пациенты, как я узнал, каким-то чудом излечились. Информация, как вы понимаете, абсолютно конфиденциальная, не мне вам говорить... Словом, поступим как люди деловые и со взаимным доверием. Вы, извините за меркантильность, вот эту пачечку чудесным образом увеличиваете по высоте в двадцать раз, а я сообщаю телефонный номер. Как я его узнал — и под страхом смертной казни не сообщу.

Саша внимательно посмотрела на доктора, вновь открыла сумочку, вынула «золотую» карточку и протянула Сергею Яковлевичу:

— Здесь ровно пятьдесят. Вторая половина в случае успеха; гарантия — наша с вами тайна.

— Хорошо, записывайте. Номер защищен, потому и такой странный. Гарантии? — Гарантиями являются два моих клиента. Вот и все пока. А с супругом, полагаю, как женщина умная, вы сумеете разобраться.

С Семеном Ставроцким Саша разобралась по классической схеме, вспомнив читанные в юные годы романы. Читать заставляла мать, сама доцент от литературы, воспитанная на советской классике. Она и принуждала дочь из педагогических целей портить зрение над толстенными книгами самых чудных сочинителей, включая авторов из союзных республик. А как это пригодилось? Мигом она вспомнила сюжет из романа Вилиса Лациса — некогда председателя Верховного Совета Латвийской ССР, а ныне более известного по своему сыну-социологу (или как там их называют?), часто мелькающему на телеэкранах. Из этого можно заключить, что проживает он в Москве, а не в самостийной Риге.

...И Саша мастерски повторила ситуацию с заразившейся от француза-дизайнера (дело было в довоенной Риге) сифилисом полусветской дамой.

С месяц Саша отказывала супругу в интимных ласках под разными предлогами, а потом наняла под видом горничной красивую проститутку и накачала Семена Ставроцкого виагрой, не пожалев его сердца. Но зато бережно отнеслась к наемнице, посоветовав использовать импортный женский презерватив, о чем супруг не догадался.

Через три месяца Семен рыдал и каялся перед Сашей. Она же оказалась и спасительницей полуолигарха, сообщив о имеющемся у нее («За большие деньги купился, тварь ты развратная!») телефонном номере. Пришло время и им воспользоваться.

* * *

Эдик Мангашев, сын нефтяного олигарха из Тюмени, вице-президента концерна «Югра-петролеум», к удивлению домашних, даже не известив их, в неурочное время прилетел в Москву с туманного Альбиона, где учился в Оксфорде. Объяснение дал простое и ясное: надоело! А ясность внес представитель концерна в Западной Европе, как раз случившийся по делам в британской столице. В день прилета Эдика тот позвонил Мангашеву-старшему и доложил: дескать, так и так, ваше чадо переполнило чашу терпения университетского начальства своими пьянками, историями с девицами, наркотой и великотуранским шовинизмом. Именно последнее и послужило главной причиной отчисления Эдика из толерантного Оксфорда.

Папа Мангашев едва за старорежимный ремень не взялся, ибо носил подтяжки, все орал: «Тунеядец хренов! Прадед твой носильщиком на Казанском вокзале горбатился; я сам пять лет на одну стипендию в нефтегазовом институте перебивался... Уже в третьем поколении крещеные и, кроме русского, другого языка не знаем, а он — туранец! Засранец ты последний! Иди к себе в комнату и носа не кажи три дня, а я тебе нелегкую судьбу буду обдумывать.

Эдка и сам не помнил: где он наслушался бреда о Великом Туране от Стамбула до Казани и Алтая? А публично орал о нем, хватанув пару таблеток «экстази»; герыча и химию ума хватило не употреблять. Зная, что в папаше порой просыпается правоверный совок, все надежды полагал на мамочку, которую уже и вызвонил с кипрского отдыха; с некоторых пор Римма Анатольевна не переносила слякотной московской осени и ежегодного дыма от горящих шатурских торфяников.

Мать обещала быть назавтра к вечеру, а пока Эдик демонстративно, желая еще больше взбеленить папаню, взял с полки кабинетных стеллажей сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)», набил из холодильника на кухне жратвой пакет и заперся в своей спальне с отдельным санузелом. Часок подремал, посмотрел по видеку легкую порнушку, а потом от скуки открыл катехизис сталинизма. Однако увлекся, поддавись магии краткоречивой логики Вождя.

...Словом, обняв вбежавшую в квартиру-этаж, плачущую от обиды за сына Римму Анатольевну, Эдик устремил на отца горящий классовой ненавистью взгляд и по пунктам, оперируя категориями диалектики марксизма-ленинизма, начал обличать кровопийцу на народной трудовой шее, вселенского паразита, загоняющего со своими поделниками в могилу в год по миллиону «нас, русских», и предрек скорую гибель частнособственнического класса от рук восставшего пролетариата и трудового крестьянства.

На последней фразе Мангашев-старший схватился рукой за сердце и рухнул в кресло. В гостиной явственно запахло корвалолом, конечно, импортным. Даже бесконечно любящая Эдика мать с полчаса не могла прийти в себя.

* * *

Быть может, слушая гневные обличения сына, за неполных два дня перековавшегося в коммуниста-сталиниста, олигарх Мангашев снова представил себя парторгом нефтеперегонного завода в Башкирии, а еще раньше — комсоргом полка, комвзвода трубопроводных войск в Средней Азии, но уже спустя час после сердечного приступа почти зауважал сына и вынес оправдательный вердикт:

— Хватит. Оба погорячились. Хотя и с пол-литра бензи..., э-э, но татарской крови в нас течет. Не с нашими характерами в этой лощеной загранице прозябать. Значит так, пару-тройку месяцев отдохни, а со следующего семестра определю тебя в МГИМО*. Во всяком случае так он раньше именовался. Порядки там строгие, может

* Московский государственный институт международных отношений.

дурь из тебя выйдет. Глядишь — человеком станешь. А сейчас отметим, так сказать, воссоединение семьи. Борьки только нет, но я его в Сургут до Нового года откомандировал; там тендер заманчивый намечается. Впрочем, хватит о делах, пошли в столовую.

У закускогого столика отец с сыном хлопнули по рюмке «Старки» кремлевской поставки, закусили семгой царского посла, а Римма Анатольевна уже торопила прислугу подавать дымящуюся супницу. Утолив голод, уже после перемены горячего, состоявшего из люля-кебаба, «лакированной» утки по-пекински и буженины с ореховым соусом, старший Мангашев все же попытался реабилитировать современный класс-гегемон, к которому принадлежал:

— Вот ты, Эдик, давеча все тут обличал, наслушался там в лондо́нах, гайд-парках всяких нигилистских речей, а ты трезво взгляни на сегодняшнюю Россию: все кипит энергией, люди все при деле, шестипроцентный ежегодный прирост, вот-вот осилим и удвоение валового продукта. Народ доволен...

— Да, да,— по-матерински взяла сторону сына Римма Анатольевна, — где это ты с народом-то общаешься? Помолчал бы лучше. Я тут как-то на Кипре забыла с вечера заказать завтрак в номер, пришлось к общему шведскому столу спуститься, а там наши торговки разговоры разговаривают, дескать, как только по радио и телеку начинают дикторы и министры горячиться насчет успехов реформ в России и шестипроцентного прироста, так жди назавтра повышения цен и инфляции!

Остаток обеда прошел в молчании, впрочем, вполне дружелюбном.

На следующий день Эдик потерял интерес к марксистско-ленинской литературе, получил от папаши банковскую карточку с приличной суммой и пустился во все тяжкие, восстанавливая знакомства и кумовство с прежними друзьями, с которыми два года не виделся из-за оксфордского сидения.

Через неделю приятели подыскали ему герлу — подрабатывавшую фотомodelью Машу Гаркавину, одногодку, стандартно красивую. Она недавно прибыла из Харькова, но уже побывала не в одной постели, повышая класс бой-френдов, а тут и олигархов сынок подвернулся... О причинах, побудивших покинуть родной город, отвечала со смехом: «А там при оранжевой власти позировать надо только при косе а ля Леся Украинка, а поверх порнобелья надевать паневу и гарну срачицу*, ха-ха!»

Простота самостийных нравов поразила даже богемный круг Эдика, но Маша-харьковчанка крепко вцепилась в «миллиардера своей мечты», как говорят в рекламных роликах. Она же отучила Эдку от жлобской заграничной привычки пользоваться презервативами.

— Согласись, Эд,— жарко шептала она глубокой ночью,— ведь это сказка наяву, когда красивая молодая женщина, лежа на спине, медленно-медленно раздвигает колени, а ее животик покрывается блестящими капельками испарины желания... А тут всякие резиновые скафандры, бр-р-р!

Все шло прекрасно, Эдик почти одомашнился с Машей в загородной вилле (чтобы родители глаза не мозолили), но однажды подруга выслушала уже в полночь звонок по мобильнику и заплакала:

— Знаешь, Эдик, мне срочно, прямо утром надо мчаться в Харьков. У старшей тетки, что меня фактически и воспитывала, инфаркт, сегодня вечером в реанимацию отвезли. Да и безденежная она, как и мои родичи, надо похлопотать о приличной больнице и прочее.

Спозаранок Эдик довез ее до аэропорта, дав на дорогу и больницу стоимость вполне приличной иномарки. Правду сказать, в отличие от отца и матери жадностью и скопидомством он никогда не отличался.

* Женская сорочка до колен (*старорусск.*).

Он так и не дождался обещанного вечернего звонка, а на его вызов ответа не было. Выждав еще пару дней, Эдик, чертыхаясь про себя («Вот обули лоха...»), обратился в солидное частное сыскное агентство. Через неделю ему сообщили: человека с такими данными нет не только в Харькове, но и во всей независимой, исключая Одессу. Еще есть двое в Москве и четверо по России, но все они оказались непричастными. Раскрутка друзей-приятелей тоже ничего не дала.

Почуввав неладное, обливаясь липким потом, Эдик помчался к элитному доктору Сергею Яковлевичу. Анализ был отрицательным, но врач, расспросив о сроках контактов, просил прийти через месяц. На этот раз диагноз сомнений не оставлял. Глухая молва понеслась по домам столичной знати к концу года красного петуха — несчастье он приносит. А Сергей Яковлевич начал строительство собственной клиники и коттеджа на Рублевке...

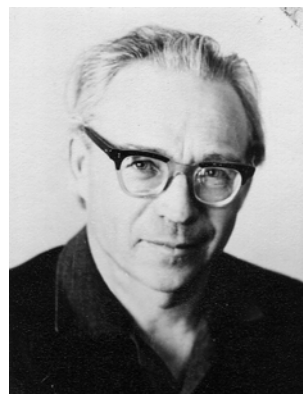

Генералов от науки украшают эполеты почетных званий, дружелюбие в избранном кругу и отменный аппетит, особенно если они едят из одной посуды. Метаболизм и другие жизненные функции здесь ни при чем, просто зевать нельзя, особенно если вдали маячат толпы полковников и майоров от той же кормилицы науки.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Борис Шепелев

«БЕЗНАДЕГА»

Стройная, невысокого роста, аккуратно одетая в скромный костюм, пассажирка села рядом со мной в вагоне электрички Тула — Москва.

— Что это у вас? — она кивнула на кипу бумаг, которую держал я на коленях.

— Спецвыпуск «Тулы трудовой» о том, как мы ковали Победу, — ответил я.

— Ковать-то ковали, да все и проковали, — несколько сердито сказала она.

— Что вы имеете в виду?

— А то, что теперь стало. Бывалыча, все копошились, трудились, одного зерна вагонами отправляли хоть, скажем, из нашего села. Колхоз был. Маленький, 20 дворов. А сколько добра государству давал! Да ведь и сами жили. Не дюже, но жили, чего там. Правда, Сталин нас не баловал, прижимал, хлеб колхозникам в магазине — ни-ни, колхозники должны сами себя обеспечивать. Трудновато нам было, но жили своим трудом. А теперь что?

— Что же именно у вас происходит?

— Да вроде о народе заботятся, а оглянись — только о себе и хлопочут. Нет, говорят, берите земли под подсобное хозяйство — хоть гектар. Ага, возьми его по-пробуй. Лопатой много не обработаешь. А трактор кусается: ни денег, ни бутылок на него не напасешься.

— Неужели и трактора запили горькую? — смеюсь.

— Трактора — нет, а вот трактористов с бригадиром хоть в ЛТП отправляй. Да и отправили бы при советской власти, а теперь кому кто нужен? Говорят и ЛТП эти все позакрывали: невыгодно содержать.

— Перевели на подножный корм?

— Да нет — кормим, а куда денешься. Только не то, что я, а и мужики покрепче взяли земли самое большее — 50 соток. А что же с остальной землей делают? Продадут новым помещикам.

— Продавать-то вроде пока нельзя? — спрашиваю.

— Лъзя-нельзя, а по указу — по приказу шуруют. Вы бы посмотрели, что на нашей кормилице-земле теперь делается: коттеджи двух-трехэтажные как грибы растут! Землицу в распыл пустили.

— Так может, они там сеют, скот разводят, разве плохо?

— Чав-о-о? Да они там и бывают только раз в неделю. На них всю батрачат наемные, хоромы возводят. А хозяева только на иномарках приезжают. Покутят и уезжают. Каково нам, простым крестьянам, на это смотреть? Мы-то пропадем, все хозяйство растаскивается, работают как попало.

— Ну, это уж от вас самих зависит: соберите сход, приструните нарушителей.

— Кого приструнить? Вы что, ан телевизор не смотрите? Там, правда, и смотреть-то, кроме голого зада, а то и переда, нечего. Но все же. Небось, слыхали про «МММ»? А про «Тибет»? А про «Светлану»? Ворюги, а хоть кого наказали? За что же наши начальники такой произвол допускают? А почему, по-вашему, такое творится? А потому, что рука руку моет. Облапошат нас, бедных, и нам же говорят: «А вы не доверяйте обманщикам». Ишь ты, обрадовали. Не доверяйте. Вот я им не доверяю. Сколько раз уж люди криком кричали: «Уходите в отставку!» А они и ухом не ведут. Им хоть наплюй в глаза, а они скажут — божья роса. Не-е-ет, так нельзя. Ведь вот хоть бы Сталина взять. Давил налогами, давил. Ну, ведь война прошла, все разорено — откуда же было что брать? Только с нас. А все-таки надежда была. На душе светлее становилось. Сейчас же, о, господи, цены как взбесились и никакого продыху. Напоказ высокие начальники в церквях со свечками стоят, бога вроде почитают. А чего ж нас-то так мытарят?.. Вот я и говорю: ковали победу, да всю проковали. Осталась одна безнадега!

— Следующая станция Ревякино! — прозвучал голос машиниста.

— Ой, да мне же на разъезде выходить. Чуть было мимо не проехала... — она подхватила свою легонькую сумочку и заторопилась к выходу.

А у меня в мозгу засело ее емкое словечко: «безнадега». Да, «грустно, а не просто скучно на этом свете, господа!» Одним словом — «безнадега...».

Виктория Ткач

МАЛЕНЬКОЕ СЧАСТЬЕ

Кажется, я опять начал хандрить.

Может быть, старею. А, может, стареет город. Осень приходит незаметно, потом долго сидит в сквере на потемневших от дождя скамейках, читает желтые письма листопадов и улыбается запоздалым прохожим.

Город и осень не уживаются никогда. Даже не стараются как-то понять друг друга, воюя у дверей магазинов за мимолетное тепло.

...На кухне горит лампа, и пахнет скукой — раздражающий привкус вечера. Леночка морщится, с отвращением разглядывая ломтик лимона.

— Может, съездим завтра на дачу?

Дача! Чудесный уголок безвременья и пряного воздуха вдали от городской суеты. Там хочется делать глупости, носиться по траве до изнеможения, ловить последних бабочек и первые падающие листья, а вечером сидеть у камина и смотреть в глаза любимой женщины. Я улыбнулся.

— Ура! — Леночка забыла про лимон и помчалась собираться.

Когда я вошел в спальню, на стуле уютно устроились джинсы и теплый свитер, а в прихожей старые кроссовки сонно косились на легкомысленно-авангардный зонтик.

...Утро пришло нехотя, стукнуло в окно первыми каплями дождя и устроилось на подоконнике — подсматривать. Нас это не смутило — через полчаса мы уже бежали к вокзалу, беспечно раздавая встречным трамваям ощущение комнатного тепла и аромат крепкого кофе.

Электричка нетерпеливо сопела, обрастая ажуром зонтов, дамских сумочек и человеческих судеб. Пассажиры всасывались темным коридором поезда, как разноцветные витамины, и решительно отбирали места у нелепой пустоты вагонов. Мы сели у окна — незаметные и мимолетные свидетели чужих разговоров. Я люблю этот шумный, многолико-непостоянный мир — пеструю мозаику жизней, легкомысленно собранную на километрах межгородского пути.

За окном мелькало размытое небо в темнеющих силуэтах озябших деревьев. Леночка поморщилась и скользнула многозначительным взглядом в сторону визгливого голоса.

— А, думаешь, зря самолеты-то сыплются?...

Вокзального вида старушка нервно трясла синеватым пальцем, придерживая стоптанными сапогами расплывшийся клеенчатый тюк и обращаясь в светлое никуда вагона.

— Апокалипсис! Апокалипси-ис!

Истеричное пророчество неприкаянно повисло в воздухе, впитывая в себя смех студентов и сигаретный дым, просочившийся из тамбура. Мужчина напротив вещуны настойчиво молчал, спрятавшись за газету. Старушка нахохлилась и, воровато оглядевшись, доверительно зашептала газетным строчкам:

— А, думаешь, террористы эти — так что ли?... И-и, милоч, это Господь испытания нам, грешным, посылает. Его любить ведь надо. Господа-то...

— ... Всю судьбу твою скажу, как есть все скажу!

— Молиться нам надо,— продолжала нашептывать старушка, яростно зыркнув вслед цыганскому платку и лихорадочно теребя концы линялого, потрепанного платка.— Господь, мож, и простит нам грехи наши. Он всем прощает... А мы грешные, ох какие грешные, прости Господи!

Рука метнулась к морщинистому лбу, творя душеспасительный крест.

— Вам котенок не нужен? — круглолицая синеглазая женщина, смущенно улыбаясь, протягивала корзину с пестрым пушистым комочком.— Всех уже раздала, один остался.

— Нечего блох плодить! — сердито отрезала старушка, придвигая ближе клеенчатую сумку.

— Я же за так отдаю, берите! Смотрите, какой хорошенький! Спокойный, умница,— продолжала улыбаясь женщина, ласково поглаживая мягкую шерстку.

— И-их, молодо-зелено...— закивала старушка, заглядывая в корзину.

— Так возьмете котеночка, бабушка? В хорошие руки попадет, сразу видно!

— А ты корзинку-то мне не тыкай! Не люблю я их! У, век бы глаза не видели! Я уж, последние были, так их в холодильнике и поморозила, чтоб не пищали. Чего грешников плодить-то?..

Неожиданная тишина навалилась, подминая под себя пунктиры мыслей и солнечных лучей за окном. Казалось, что вагон равнодушно висит над гудящими рельсами, отрекаясь от векового прошлого и минутного будущего. Прошла вечность.

Электричка дернулась и остановилась у одноэтажного деревянного здания с потемневшей от времени надписью «ОКЗАЛ». Мужчина встал и, прошуршав газетой, пересел к группе шумных, яркокурточных студентов.

— Ишь, нежный какой! — старушка воинственно передернула плечами и, подхватив сумку, поспешила к выходу, что-то нашептывая и оглядываясь.

— Кошмар! — Леночкин голос возмущенно вспорхнул в такт набирающей скорость электричке.

Я был зол и, кажется, даже не скрывал этого. Леночка смущенно повздыхала, поерзала и, потянувшись к корзине, спросила у ее синеглазой владелицы:

— А можно мы его возьмем? Ему у нас хорошо будет, правда-правда! Ты не против?

Я был не против. Очаровательно-пушистое существо открыло глаза, зевнуло и, беспомощно попытавшись встать на ослабевшие со сна лапки, опять свернулось в клубок и заснуло, уткнувшись белым носом в черный кончик хвоста. Женщина улыбнулась и решительно протянула корзину:

— На счастье!

...На дачу мы приехали втроем: Леночка, я и маленькое счастье в большой корзине. Дача встретила сентябрьским солнцем, последними бабочками и первыми падающими листьями. Соседи поздравили Леночку с прибавлением в семействе: теперь, кроме подобранного когда-то бездомного щенка, у нее появился еще и котенок.

— Не обижайся,— шептала мне Леночка, ласково тыча носом в плечо.— Ты же у меня самый лучший пес в мире!

Я не обижался. И верил ей. Так же, как когда-то она поверила мне. И было уже не важно, кто из нас стареет первым — я или город. Это не имело никакого значения, как и осень, которая опять сидела в сквере на потемневших от дождя скамейках и улыбалась запоздалым прохожим.

НОКТИЮРН

...Ночь. Одна из тех долгих, бесконечно длинных зимних ночей, когда даже день не успевает стереть с нахохленного снега косые серые тени. Молчаливое безлюдье улиц. Постаревший от ветра, смазанный свет редких фонарей.

...Она спешила домой темным одиноким съезжившимся от холода силуэтом. Сначала были звезды. Она даже постояла минуту, глядя в бездонное равнодушное небо. Но скоро и они зябко натянули на себя поношенные рваные пелерины облаков.

Она вспоминала о тепле, от которого ушла и к которому так теперь стремилась. «Надо же..., думала, настороженно вглядываясь в темноту,— выйти бы мне пораньше... А дома, наверное, уже ужинают. Так хочется прийти, устроиться в мягком плюшевом кресле у лампы, завернуться в плед, закрыть глаза и помечтать. Мерное бормотание часов. Изящный изгиб статуэтки на книжной полке. Незаконченные эскизы на столе. И никаких расспросов, почему вернулась так поздно...»

Незаметно мысли сменились воспоминаниями рассказов о непойманных маньяках, сбежавших преступниках и обрывками криминальных сводок с растущими цифрами происшествий. Едкий порыв ветра заставил задохнуться и ускорить шаг. Улица надвигалась потухшими окнами домов и безжизненно жесткими ветками сирени, которую она так любила. Чуть замешкавшись, покосилась назад и прислушалась. Двор казался вязким сгустком холода, снега и темноты.

Еще немного, и она — дома. Глубоко вздохнув, нырнула в подъезд. Чувство защищенности почему-то не приходило. Вместо него росло ощущение панического страха, заставляющего бежать, прыгая через две ступеньки. «Как на смерть...» — пронеслось в голове пророчески и обрекающе.

Когда она увидела спускающуюся на нее черную мужскую фигуру, ей показалось, что время лопнуло, как перегоревшая лампочка. Молча посторонившись, она вжалась в стену, освобождая дорогу, а потом, не выдержав, бросилась вверх по лестнице, захлебываясь от страха...

«Черт! Поразводили тут...» — ругнулся мужчина, останавливаясь и глядя вслед убегающей взъерошенной серой с подпалинами кошке... И, помолчав, стал спускаться по лестнице, проклиная хозяев, держащих в квартирах всякую нечисть, которая пугает потом по ночам нормальных людей

ЗА ГРАНЬЮ

...Она не помнила, сколько пробыла здесь. Может, всего минуту, а может, целую вечность. Мягкий свет вокруг обволакивал, сливаясь со спокойным дыханием и просачиваясь сквозь ладони, доверчиво раскрытые ему навстречу. Казалось, свет был повсюду — в беззаботном смехе и размеренных ударах сердца, наполняя теплом и мудростью древнего Таинства.

Она уже знала, что была куколкой — пока еще не родившимся, беспомощным существом, которому в положенный срок надлежит перейти за Грань Вселенского Кокон в другой — новый для нее — мир. Ей было страшно.

— А какой он, другой мир? — как-то спросила она у мелодичного голоса, напевавшего рядом.

— О, там прекрасно! — восхищенно зазвенел тот.

— Откуда вы знаете?

— Сюда все всегда возвращаются. Когда приходит время.

Голос рассыпался звонким эхом звенящих трелей, и она замолчала, прислушиваясь к другим беспечным голосам. Они вспыхивали, радостно присоединяясь к общему веселому щебетанию, внезапно налетали на нее, отдалялись и гасли, унося с собой частицу породившего их Света. Она чувствовала себя среди них неуверенно и одиноко, словно чужестранка, не понимающая, на каком языке с ней говорят.

— А кем я стану, когда выйду отсюда? — обращалась она к голосам, окружившим ее шумным хороводом.

— О, может быть, бабочкой!

— Или гусеницей!

— Или звездой!

Она недоуменно прислушивалась и спрашивала:

— Но как же так? Разве можно, побывав здесь, родиться гусеницей?

— Так ведь Свет для каждого...

— Тебе самой выбирать!

— Смотри, не ошибись!

Голоса растекались и звучали уже у самой кромки животворящего Света.

Внезапно — так явственно и ощутимо, что закололи даже кончики пальцев — она поняла, что — пора. И ей очень захотелось прийти в тот далекий, незнакомый мир утонченно-прекрасной и неуловимо-загадочной, с улыбкой, наполненной молчаливым знанием и глубоким светом.

...Она чуть улыбнулась и посмотрела на стоявшего перед ней мужчину. Он молчал, и в глазах у него были слезы.

Потом на нее смотрели многие — равнодушно или потрясенно, с недоумением или восхищением. Вот и сейчас к ней приближалась шумная, возбужденно переговаривающаяся толпа.

— Итак, дамы и господа, перед вами всемирно известная картина Леонардо да Винчи «Мона Лиза», или «Джоконда».

А она глядела на них и улыбалась своей неповторимой, притягательно-загораживающей улыбкой, дарованной ей Великой Истиной, хранящейся за Вселенской Гранью.

А ВЫ ВЕРИТЕ В СКАЗКУ?

...Она дописывала последнюю страницу романа и посматривала на часы, стараясь успеть до его прихода. Теплый летний вечер перетекал в густую июльскую ночь, и в распахнутое настежь окно доносились отголоски засыпающей улицы, смешанные с ароматом ночных фиалок. Работать с открытым окном — странная и немного чудачковатая привычка, удивлявшая ее читателей и заставлявшая иронизировать журналистов. Впрочем, она была уже не в том возрасте, чтобы менять привычки и переживать за содержание газетных статей.

Она прикрыла глаза, уставшие от долгого писания, и улыбнулась, вспомнив их первую встречу. Год назад она тоже сидела за письменным столом, прислушиваясь к размытому дождем шуму ночного города. Наверное, ей следовало удивиться, увидев на подоконнике мокрого взъерошенного мальчишку, свалившегося откуда-то сверху и сердито стряхивающего с себя дождевые капли. Было холодно, и он чихнул, оставив кружиться в воздухе облако легкой золотистой пыли.

— Тебе надо выпить горячего чая.

Он вздрогнул от неожиданности и замер, сжимая в руках курточку из зеленых листьев и прозрачной смолы. Потом поклонился, обронив по-светски нехотя и равнодушно:

— Сегодня сильный дождь, не правда ли?

О да! Десятки поколений мальчишек и девчонок во всем мире, из года в год взахлеб читающие сказку про волшебного Питера Пэна, уж конечно знали, что он иногда умел быть вежливым, научившись кое-чему на торжествах у фей!

Она улыбнулась:

— Да уж! Бедная старая Англия! В ней все меняется, кроме погоды!

Потом он часто стал прилетать, принося с собой свежесть далекого ветра и запахи незнакомых цветов. Она привыкла к нему, его беззаботному смеху, каким умеют смеяться только дети, еще не разучившиеся мечтать. Она пекла сладкий яб-

лочный пирог, и они пили чай у раскрытого окна, смотрели на звезды, разговаривая о том, что наверняка показалось бы странным кому-нибудь в далеком, забыто-реальном мире.

— А что ты пишешь?

— Книги.

— Для детей?

— Нет, для взрослых. Для тех, кто еще не забыл, что когда-то был ребенком.

— Феи правда умирают?

— Вот уж выдумки!

— Почитать бы тебе мистера Джеймса Барри!

— Можно подумать, он знал, о чем писал!

— А на твоём острове много детей?

— Ни одного.

— Не может быть! Ведь там столько всего — и русалки, и феи, и...

— Да, и пираты, и ручные волки... Только никто сейчас почему-то не верит, что есть такой остров — Нет-и-не-будет. Разучились мечтать...

...Негромко стукнуло окно. Мальчишка сидел на подоконнике и весело болтал ногами.

— Смотри, что я принес! — сказал он, высыпая на пол ворох терпко пахнущих пряных листьев.

— Пригласи меня к себе в гости!

Питер нахмурился и отвернулся, ответив резко и не по-мальчишески серьезно:

— Нельзя! Рано еще.

...Потом прошла осень, зима, и она заболела. Врачи озабоченно хмурились, а она упрямо не хотела лежать в больнице, продолжала писать, а по вечерам — пить чай с яблочным пирогом, смотреть на звезды и болтать с мальчишкой, который оставался для всех нереальным, в другом — далеком, забыто-реальном — мире.

А однажды утром ей совсем не захотелось вставать. Она с трудом поднялась, чтобы открыть окно и поняла, что сил уже совсем не осталось. Она лежала на кровати, смотрела, как вечер нехотя перетекает в ночь, и ждала, прислушиваясь к отголоскам засыпающей улицы, смешанным с ароматом ночных фиалок. Наверное, она задремала. Проснулась от тихого шороха на подоконнике и вспомнила, что в этот раз Питер останется без яблочного пирога.

Он сидел у кровати и внимательно смотрел ей в глаза. Звезды за окном взволнованно шептались, а самая маленькая звездочка крикнула тоненьким голоском:

— Питер, пора!

Он кивнул, и в нем почему-то было больше грусти, чем в обступивших ее быстротечных прозрачных воспоминаниях.

— Нам пора.

Она тихо рассмеялась:

— Второй поворот направо, а дальше прямо до самого рассвета?

Он серьезно кивнул, беря ее за руку.

— Но я не умею летать!

— Это несложно. Просто подумай о чем-нибудь хорошем. Мысли станут легкими, и ты взлетишь!

И она поверила — сразу и навсегда, шагнув в густую ночь уже чужого города. А когда ветер заглянул в лицо и легко закружил ее, унося все дальше и дальше, она поняла, что так и должно быть, и засмеялась — весело и беззаботно, как умеют смеяться только дети, еще не разучившиеся мечтать.

Тамара Дик

ЧЕРНАЯ ПАНТЕРА

Матильда расположилась в кресле и притихла. На улице шел дождь со снегом, и она вся заледенела, пока добралась до работы. Хорошо, что у нее была такая работа: смотреть на приборы да записывать показания. Еще внизу, в моторной, работал насос, он качал грунтовую воду, за ним тоже надо было смотреть. Матильда пролистала рабочий журнал. Все было в порядке, режим хороший. У Матильды на работе жили две кошки. Кот Маугли, черный, гладкий, без единого белого пятнышка, и маленькая кошечка Пятница. Пятница, наоборот была белая с черными пятнами на голове и спине. Кошек никто не обижал, все их кормили, и они жили здесь довольно-таки неплохо. Но особо их баловала Матильда, и животные были ей верны. Вот подошел Маугли и, положив лапы на колени, заглянул в глаза: «Принесла? Давай есть».

— Ну, сейчас, сейчас будем кушать. Я вот вам сегодня молока принесла.

Животные, чтобы завоевать расположение хозяйки, начали ходить туда-сюда и тереться о ноги. Желудок им, конечно, не сводило, и от голода они не пухли, но поесть ведь каждый не дурак. И животные путались под ногами, заглядывая Матильде в глаза. «Ну, что ты расселась? Принесла, давай же скорее, так ведь и умереть можно».

— Даю, даю, ну, какие вы нетерпеливые!

Матильда налила в банку молока, накрошила хлеба, и трапеза началась. Сама девушка достала себе сардельку, но животные, почуяв мясное, и эту еду выпросили. Насытившись, Пятница прыгнула в кресло за спину Матильды, а Маугли, снова положив лапы хозяйке на колени, долго облизывался, приговаривая: «Ты моя хозяйка, ты моя красавица, как люблю я молоко и сардельки, что ты приносишь». Кот мурлыкал, закрывая от удовольствия глаза, и все говорил, говорил Матильде: «Моя хорошая, моя славная, я буду тебя охранять, я буду тебя защищать». Но Матильда ничего этого не слышала и не могла услышать, ведь она не понимала кошачий язык. Она просто гладила Маугли, чесала за ухом, жалела. Так они и жили, так и работали.

На улице то падал снег, то моросил дождь. Было холодно и сыро. Записав в журнале показания приборов, Матильда решила прилечь. Кот и кошка, как всегда, спали в кресле за ее спиной. Матильда аккуратно, чтобы не потревожить кошек, перешла на лавочку. Кинув под голову тулупчик, она вспомнила, что завтра все собираются у конторы.

Объявлена забастовка. Свернувшись калачиком, Матильда начала согреваться. Она всегда мерзла в эту осеннюю пору. «Крови нет, а марганцовка не греет», — говорила она. И сейчас эта лавочка для нее казалась раем. Обогревшись, весь организм благотворно отходил ко сну. Где-то за полночь Матильде послышался шум. Она всегда чутко спала, а здесь, на работе, и вовсе то ли спала, то ли просто дремала. И вот сквозь смеженные ресницы ей показалось, что кот Маугли спрыгнул с кресла и сел перед лавочкой, на которой спала Матильда, и тщательно начал умываться, занос

лапу далеко за ухо. «Гостей намывает,— подумала Матильда и сама же себе ответила: Никто нам здесь не нужен». Обняв тулупчик, она уже в полусне прошептала: «Как хорошо на работе...» Но в ее сознание вселилась какая-то неясная мысль, что что-то не то, что будто бы кто-то чужой смотрит на нее и как бы с укором спрашивает: «Спишь, Матильда? На работе спишь...» Девушка приоткрыла ресницы и с ужасом увидела перед собой не маленького Маугли, а огромную черную пантеру. Это был матерый самец. Он смотрел в нее желтыми глазами и щурился от электрического света. Точь-точь как это делал Маугли.

— Маугли,— тихо позвала Матильда и в ответ услышала хриплый рык огромного зверя.

«Да,— сказал зверь,— это я, Маугли, я охраняю тебя. Спи, моя красавица, никто не посмеет потревожить твоего сна».

Но Матильда опять ничего не услышала, она уже спала. А утром, пробудившись и хлопоча по работе, Матильда вспомнила черную пантеру и удивилась: к чему же ей это привиделось. Кошки мирно, прижавшись друг к другу, спали в кресле. А у девушки перед глазами все сидела черная пантера и скалила зубастую пасть.

— Маугли, это ты? — и она потрепала кота по черной шерстке.— Мой маленький, а я-то думала, это ты черная пантера,— и она расхохоталась.

«Да, это был я. Это я — черная пантера. Я превратился для того, чтобы охранять тебя и беречь. Ты здесь одна, и мало ли что может случиться. А я здесь на страже, я всегда готов защитить тебя», — мурлыкал кот, глядя на Матильду желтыми глазами. Но и в этот раз Матильда ничего не услышала. Она спешила в контору.

Снег то выпадал и ложился ковром, то таял, создавая грязь и море грязных луж. У зеленого здания собрались рабочие на забастовку. Уже восемь месяцев как не дают зарплату. И как люди еще живут? Люди нервные, озлобленные, уже ни во что не верящие.

— Обещал сам Липин приехать, наш депутат.

— Да-а?

— Да. Говорят, приедет.

— Пусть приезжает, не зря ж мы за него голосовали.

— Но только, что скажет?...

— Опять что-нибудь наобещает...

— Да-а...

Приехали депутат Липин и два его человека, человек из финансового отдела товарищ Жулин, пришел начальник цеха и еще несколько уполномоченных представителей. Все уселись за длинным столом, покрытым зеленым сукном. Начал представитель финансового отдела Жулин.

— Товарищи! — он смущаясь поправился.— Господа! Наш завод сейчас находится в кризисном состоянии. Так сказать,— он подбирал слова,— завод как бы в яме, но мы будем стараться из нее выбраться. Что ж теперь делать, сейчас вся страна переживает трудности, кризис, так сказать.

— А такого, как у нас, нигде нет!

— Задолженность восемь месяцев, совсем не платят, как жить людям?!

— Безобразия!!!

— Понимаем, понимаем, но мы изо всех сил стараемся выйти из этой ямы. Но пока завод бедствует, денег на заводе нет. Потерпите еще немного. Вы ведь патриоты завода.

— В прошлый раз говорили «потерпите» и опять «потерпите»!

— А кушать каждый день хочется — сколько терпеть еще...

— А на что детей учить...

— Почему Пенсионный фонд не платится?

— Да, Пенсионный фонд не платится, — хмуро согласился депутат, вставая из-за

стола,— но мы с этим будем конкретно разбираться, и потом, это ж все не от нас зависит.

В зале опять зашумели. Матильда тоже просила слова. Ей дали сказать.

— У нас в коллекторной была вторая категория, нам ее оплачивали, а теперь все сняли, на каком основании?

— А за что была вторая категория?

— У нас в коллекторной пар и вода, и они образуют сырой воздух, а мы им дышим, вот за это-то нам и доплачивали.

— Ну что ж, мы разберем ваш вопрос,— и Липин что-то пометил у себя в блокноте.

Зал снова зашумел. Снова посыпались вопросы и снова про деньги.

— Тихо, товарищи, тихо! — снова начал депутат Липин.— Сейчас у завода нет денег, но мы будем, по мере поступления денег в бюджет, понемногу выплачивать. Таким образом, мы обещаем к Новому году дать за два месяца. Вы, патриоты химкомбината, должны понимать, какая сейчас скверная обстановка в стране.

— И главное — что и пожаловаться нам некуда.

— Сейчас никто ни за что не отвечает.

— Но если сейчас вы не поможете бедным, вы не спасете и богатых,— осмелилась перебить депутата Матильда.

— Мы будем стараться, мы напрягаем все силы,— продолжал депутат.

— Да вы уж восемь месяцев напрягаетесь и все никак не родите, — кинула реплику Матильда, глядя прямо на говорившего.

— Девушка, Вы, наверное, не слышали, завод в критическом положении... У нас нет средств так сразу подняться.

— Для завода у вас ничего нет, и для рабочих — одна задница.

— Девушка, будьте пожемливей! Уж слишком...

— Слишком будет тогда, когда мы у себя в коллекторной перекроем пар на завод. Вот перекроем, закроемся и никого не впустим. Это будет настоящая забастовка. Нам денег не даете, но и себе не возьмете, когда завод будет стоять.

— Пар?! Это подсудное дело.

— Ну и судите! В тюрьме хоть кормят, а мы это сделаем, попомните мое слово,— и Матильда выскочила на улицу.

Она больше не могла пререкаться с этим плешивым толстосумом. А «плешивый толстосум», в свою очередь, шепнул двум «шкафам», стоявшим рядом:

— Разузнайте все об этой особе. Надо сделать так, чтоб замолчала. Припугнуть девчонку стоит, чтоб держала язык за зубами.

Два человека от депутата Липина шли во втором часу ночи к коллекторной. Им нужна была Матильда. Высчитав график, они точно шли в ее ночную смену. Им выписали разовые пропуска и строго-настрого приказали для начала устроить «проминку мозгов» девчонке. Два здоровенных дяди подходили к зданию. Одни — рыжий, в черной куртке с эмблемой на спине «Adidas», другой — толстячок, тоже в темной куртке, только другого образца, с круглой большой головой на плечах. Стриженная голова то и дело вертелась по сторонам, как школьный глобус. Здание было маленькое и неприметное, из красного кирпича. Огромные окна были зашторены. Между штор пробивалась узкая полосочка света и падала в темноту. К этой полосочке и припали чужаки. Увидев девушку, они захихикали.

— Ну, попалась птичка.

— Хоть и кричать будет, никто не услышит, кругом ни души, да гудит тут все. Ну, побалуемся щас...

Они неотрывно, с похотливой улыбочкой, смотрели, как Матильда переодевается.

— Давай окно расколем, — шепнул Рыжий.

— Да там сзади уже разбито, можно пролезть,— предложил свой вариант Глобус.

— Эй, ты, слышь, я хотел бы ее поймать.

Но тут сверху на них упала огромная тень. Глобус, который все время вертел огромной головой, посмотрел вверх и онемел. У него даже перестал шевелиться язык, и, как толстый червь, торчал в открытом рту, а Рыжий еще не видел этой тени, вертелся около окна.

— Ну где ты, птичка, покажись! Ведь все равно мы тебя достанем. Вон позади все окна побиты, в любое лезь. Так что, птичка, теперь ты наша. У-уж и наиграемся... Хозяин разрешил...

И на этом слове раздался короткий хриплый рык. Рыжий насторожился. Он только сейчас ощутил, что напарника рядом нет. Рыжий медленно повернулся и увидел, что Глобус стоит, как изваяние, с открытым ртом и выпученными куда-то на крышу глазами. Рыжий медленно проследил за его глазами и заголосил диким голосом. На крыше, на фоне звездного неба, на самом краю сидела огромная черная пантера и горящими глазами смотрела на пришельцев. Зверь оскалил пасть в очередном более протяжном рыке, и чужаки увидели огромные белые клыки.

— Бежим, бежи-и-им...

А Матильда, переодевшись и ни о чем не подозревая, заполняла рабочий журнал цифрами и разговаривала с кошкой Пятницей.

— Пятница, ну, где же наш Маугли? Уже и поесть пора, а он, негодник, шляется.

Кошка потянулась к девушке и стала ластиться:

«Мр-мя, мр-мя, не скажу, не скажу, нельзя говорить».

— Что, кушать хочешь? Давай подождем. Сейчас Маугли придет. Он, наверное, тоже голодный. Только где же он шляется, бродяга?

«Мур-мур, — вертелась кошка около ног, — охраняет, охраняет, тебя сторожит, а я есть хочу. Я не могу больше ждать. Дай хоть хлебушка».

— Ну, не путайся ты под ногами, Пятница. Наступлю на хвост.

И тут Матильда услышала, будто что-то упало с крыши прямо под окно и вроде бы закричал человек. Матильда замерла и посмотрела на часы. Было два часа ночи. Девушке всегда было жутковато по ночам, ведь она во всем здании одна. Она осторожно приоткрыла занавеску, но ничего не увидела. На улице было темно, грязно и пустынно. Матильда поплотнее завесила шторы, кинула на лавочку свой тулупчик и прилегла. Пятница зевала в кресле, но не спала. Может быть, она ждала Маугли. Она, Пятница, кошачьим умом и нюхом точно знала, где Маугли, и сейчас терпеливо дожидалась его.

— Босс, у нас проблемы,— докладывали Рыжий и Глобус Льву Николаевичу Липину.

— Как???

— Да вот так, ничего не получилось...— и «шкафы» рассказали, как около колл-латорной, когда девка, считай, была в их руках, на них напал огромный зверь. Вроде бы, черная пантера.

— Вы что? Откуда? Пить меньше надо!!!

— В микрорайоне Бор «Зоопарк» остановился, может, оттуда сбежала...

Липин от злости налился кровью.

— Воо-он,— закричал он похлеще зверя.— Тунеядцы, с девчонкой побазарить не смогли! Пантера у них там бегают. Из зоопарка убежала! Никого она еще там не съела? — орал он.

— Н-н-никак, нет...

— Тогда — вперед! — и он указал на дверь.

Маугли прыгнул с улицы в открытую форточку, когда Матильда записывала показания в журнале.

«Мотечка, ты уже пришла, есть принесла, давай! — Маугли терся у ног, обговаривая с Матильдой предстоящий ужин.— Косточек принесла? А колбаски? Ну, маленькая наша,— выпрашивал Маугли.— Ну, дашь есть?»

Заюлила и Пятница, она самозабвенно подыгрывала своему другу. Все хотели только есть.

«Ну, Мотечка, ну дашь есть? — лез к ней на колени кот.— Дай хоть печенюшку понюхать!»

Матильда, конечно, ничего этого не слышала, но встала и сказала себе:

— Надо кошек накормить.

Насытившись, кошки ушли по своим делам. Когда Матильда работала в день, кошки могли уходить на целые сутки. Днем было беспокойно. Сюда заходили то слесари, то приезжали техники, чтобы посмотреть приборы. Днем охранять Матильду было ни к чему, и кошки уходили погулять и поохотиться. Иногда они приносили землероек и складывали у двери. Кошки землероек не едят. Вот и сейчас Матильда выбросила двух. Завтра ей в ночь. Надоело уже так работать. Но это была лишь мимолетная мысль. Она даже сейчас и не вспомнила, что прошлой ночью ей привиделся страшный сон. О, как она испугалась, но сейчас это казалось сущим пустяком. И завтра она так же будет спешить на работу. Ведь на работе ее ждут кошки, которые будут ластиться к ней, к Матильде, лечить ей больные места, согревая кошачьим телом, просить есть. Ну кто еще так может любить ее? Да никто!

Ночь. Звездное небо над миром светит спокойно и удивительно. Двое больших мужчин спешат к коллекторной. Это Рыжий и Глобус идут на задание, которое не выполнили в прошлый раз. Но сегодня в их головах нет больше пакостных мыслей. Им сильно досталось от босса. И больше они не желали его злить. Они просто поболтают с девчонкой, малость припугнут. Да не такая уж она и сексуальная, чтоб на нее западать. Они постучатся к ней, как будто сверить приборы, и она откроет. И мужчины спешили уверенно и самонадеянно.

Матильда лежала на своем тулупчике и смотрела в потолок. Отчего так беспокойно было на душе, она и сама не знала. Может быть, на собрании забастовщиков наговорила что-то лишнее. Не надо, наверное, было так резко. А как же надо? «Если мы не поможем бедным, мы не спасем и богатых» — слова президента Америки Кеннеди. Надо бы забыться, отойти ото всего от этого. Пятница полулежала в кресле, щурила глаза и время от времени ударяла хвостом. Она тоже не спала и чем-то была обеспокоена. Она ждала Маугли, но Маугли все не было. Ни в двенадцать ночи, ни в час он не появился. Матильда уже сменила диаграммы на приборах, посмотрела насос, как он качает воду, все было в порядке. Режим нормальный. И вдруг в этой ночной тишине кто-то завозился под окном. Было отчетливо слышно эту возню. Матильда замерла, посмотрела на часы. Было два часа ночи. Она осторожно подошла к окну, но открыть штору и посмотреть, что там на улице, не решилась. Страх превозмог, сковал движения, и девушка присела на лавочку, озираясь по сторонам. Вскоре все стихло. Постепенно Матильда начала отходить от оцепенения. Все было тихо, спокойно. В дверь постучали. Это был Маугли. Он всегда стучался, он умел это делать. Маугли стучался то ли головой, то ли лапами дергал дверь, но он стучался нетерпеливо и требовательно.

Матильда спохватилась, открыла засов.

Черный кот забежал в кабинет.

— А, разбойник, нашлался? А мы тут с Пятницей перепугались чего-то, и сами не знаем чего.

Маугли, гордый и возбужденный, ходил по комнате. Он резко ударял хвостом, шерстка на его загривке стояла дыбом.

«Не бойтесь, я с вами. Никто не посмеет больше сунуться»,— объяснял он.

— Кто тебя напугал, мой мальчик? Тебя кто обидел? Опять с котами подрался? И что ты сегодня такой злючка?

«Ух, устал я. Надоели мне эти люди! Ты одна у нас хорошая человеческая особь»,— говорил Маугли, чего, конечно, Матильда никак понять не могла.

Кот ходил взад и вперед, сверкая горящими глазами, и никак не мог успокоиться.

— Какой ты, оказывается, злючка,— и девушка улыбнулась, погладил кота.— Сейчас колбаски дам, как пострадавшему, только успокойся.

Маугли всегда охранял Матильду, а сегодня ему пришлось ее защищать. И теперь, когда все позади, ему хотелось высказаться. От колбаски он, конечно, никак не мог отказаться, за это и любил Матильду, за это и берег. И сейчас он ходил туда-сюда, терся Матильде о ноги и рассказывал, рассказывал, мурлыча на своем языке. Если бы Матильда не была такая трусиха и хоть немножечко приоткрыла занавеску, она увидела бы нечто завораживающее: огромная черная кошка, похожая на пантеру, делает стойку, готовясь к прыжку, и из клыкастой пасти ее вырывается короткий страшный рык.

Там, за окном, за шторами, маленькая и испуганная Матильда, а здесь, в темноте, два беспредельных в своих злодеяниях гангстера. Прыжок! Кошка красиво зависла в воздухе, гладкая и обтекаемая, затем, на миг сомкнув лапы, согнулась и, спружинив, снова выпрямилась на фоне звездного неба. Изловчилась и в полете нагнала убегающих мужчин. Одного, Глобуса, так как он бежал последним, она зацепила лапой и перебила позвоночник. Другого, Рыжего, который думал, что убежит, догнала в прыжке и придавила своей тушей. Оба человека не шелохнулись. То ли они были мертвы, то ли еще теплилась в них жизнь, пока еще никто не знал. А огромная кошка гордо направилась к коллекторной и исчезла в проломленном заднем окне. Но это если бы Матильда открыла штору, но она струсила и ничего не видела. И так, наверное, лучше для нее.

— Ну, Маугли, мальчик, ложись спать, хватит ходить, ночь ведь еще,— и она взяла кота на руки.

«Какая ты добрая, Мотя, я всегда тебя буду защищать, как сегодня. Ну скажи, я ведь молодец?» — мурлыкал кот.

— Что ты, обормот, никак не угомонишься? Ну, подрался с котами, пора и передышку сделать, здесь котов нет, забудь,— и девушка посадила кота в кресло.

«Какие они, все же... территориальные. Наверное, Маугли свою территорию защищал. Маленький дурачок, ведь места под солнцем всем хватит. А нет, дерутся. Лапы грязные, извозился весь...» — так рассуждала Матильда, пока не начало рассветать. А с рассветом она открыла шторы, ничего не боясь. На улице уже ходили люди: спешили, переговаривались. Начинался новый день. Раздвинув пошире шторы, Матильда удивилась тому, что увидела. Поодаль на дороге стояла «Скорая помощь», и несколько человек что-то грузили в нее.

— Господи,— проговорила девушка с сожалением,— кому-то плохо было этой ночью.— Помоги ему, Господи, выкарабкаться.

Пробудившись, Маугли запрыгнул на окошко. Он безразличными желтыми глазами смотрел на «Скорую помощь» и на людей, суевившихся около машины. Кот безмятежно зевнул и так же, без интереса, продолжал смотреть то ли на людей, то ли куда-то вдаль. А Матильда опять сказала жалостливо:

— Вот, Маугли, мы тут едим, пьем, а кому-то сегодня ночью плохо было, видишь, «Скорая» приехала.

Машина «Скорой помощи» мигнула огоньками, тронулась и скоро исчезла за поворотом. Люди еще о чем-то поспорили, повозмущались и тоже разошлись. Матильда отошла к зеркалу, чтобы причесать волосы. А Маугли еще долго смотрел туда, где за поворотом скрылась «Скорая помощь», и в желтых глазах его было спокойствие и блаженство.

КОРОЛЕВСКАЯ КОБРА

Сэм ходил, осматривал ферму и радовался тому, как удачно он приобрел это чудное место. Совсем за небольшую сумму, почти задаром. Хороший еще крепкий дом в два этажа, множество надворных построек, загон для лошадей и маленькая, но просторная конюшня. Сэм заглядывал в каждый уголок и не переставал восхищаться. Вот только немного он наведет здесь порядок и привезет жену с детьми, ей должно тоже понравиться все это. Но была маленькая загвоздка. О ферме ходила страшная легенда. Сэм был человек несуетливый и не верил в эти небылицы. А легенда гласила так: когда-то в этом уютном доме жил и процветал состоятельный фермер по имени Джон. У него была жена и трое детей: два мальчика, школьника и девочка: совсем еще крошка. Жили они дружно и счастливо, но в один из солнечных дней случилось несчастье: змея перекусила всех членов семьи. Уничтожила всех под корень. С тех пор и пустовала ферма, пока ее не купил у здешних властей Сэм Макл.

I

Королевская кобра построила свое гнездо на старой навозной куче. Здесь было тепло и сухо, и кобре нравилось это место в самом дальнем углу двора. Хозяева сюда почти не заходили, иногда только забегали дети, играя и резвясь на поляне. Но кобра детям не показывалась и не вступала с людьми в конфликт, а поэтому жила долго и дожила до старости. Эта кладка из трех яиц была последняя в ее жизни, и кобра тщательно маскировала будущее потомство, согревала его своим телом, ведь здесь, в этой кладке, была будущая продолжательница рода, маленькая королевская кобра. Солнце уже поднялось высоко и припекало землю. От навозной кучи шло тепло. Кобра, подобрав прошлогоднюю листву к своей кладке, уползла в чащу поохотиться, да и в кустах было безопаснее. Старой кобре долго ничего не попадалось, она была уже не так поворотлива и быстра, но голод давал о себе знать, и она все искала, ждала хоть какой-то добычи и все не возвращалась к гнезду. Кобра поймала несколько кузнечиков, но более крупной добычи ей сегодня не попало. Чуть утолившая голод, уставшая и озабоченная, она возвращалась к гнезду на навозную кучу. Но что это? Что? Навозной кучи нет, а ее яйца разбиты, размолоты, и маленькие уже сформировавшиеся змееныши порублены на мелкие кусочки.

— Моя маленькая королева! — зашипела змея в исступлении.

Она встала на хвост и развернула капюшон, пристально вглядываясь во двор фермы. Но людей не было видно, только два мальчика играли в песочнице, весело переговариваясь.

— Вряд ли это они убили моих детей,— прошипела кобра.— Это сделали взрослые. А если взрослые убили моих детей, то я тоже убью их детей,— и кобра решительно направилась к детям.

Мальчишки, увидев большую змею, явно ядовитую, всполошились, закричали, но кобра миг оарила каждого «поцелуем», и дети сникли, перестали копошиться. Когда на их крик прибежала мать, кобра стояла в стойке на хвосте и с раскрытым капюшоном. Она и не думала уползать, она решила мстить до конца.

— Змея! Змея! — кричала женщина.

Она бежала к своим уже мертвым детям, но змея преградила ей путь.

— Не спеши-и-и,— зашипела кобра.— Твои дети мертвы. Как, это тебе не нравится? Мне тоже было больно, когда вы убили моих детей. Я тоже мать.

Женщина наткнулась на змею, попятилась назад, но было уже поздно.

— Джон, Джон! — звала она мужа и, повалившись на землю, задержалась в конвульсиях.

Кобра не плакала. Она не умела плакать, она умела только мстить. И сейчас, пока не было хозяина, она искала третьего ребенка, крошечную девочку. Где она? Где-нибудь спит. Кобра смотрела по сторонам, искала глазами, обонянием дитя человеческое, искала, чтобы убить. И старая кобра увидела гамак, висевший на деревьях. Она медленно вползла по дереву в гамак. Девочка терла кулачками глазки и уже собиралась расплакаться, но увидев над собой голову кобры, заулыбалась и засучила ручками. Кобре стало жаль девочку, ведь детеныш человеческий не виноват, что сделали его родители, но она вспомнила свою невылупившуюся, изрубленную лопатой маленькую королеву и в ярости зашипела.

— Теперь нет моей маленькой королевы, пусть не будет и тебя, — и укусила ребенка в пухлую ручку.

II

У ворот загрохотала, заскрежетала телега, это возвращался Джон. Он отвозил навоз на поля и поэтому был уставшим и мрачным. Да еще утром, когда он загружал навоз в телегу, ему пришлось убить несколько, уже вылупляющихся змеенышей, он изрубил их на мелкие кусочки и с той минуты ему было нехорошо на душе, ну прямо-таки до тошноты. Въехав во двор, он нашел всех близких мертвыми, а на пороге в стойке с раскрытым капюшоном его ждала королевская кобра. И Джон в ужасе понял, что натворил. Нельзя было трогать змеиную кладку... Он стоял среди двора и видел своих мертвых мальчишек, лежащих друг на друге, так, как застала их смерть, чуть подальше — скорченное тело жены. Он еще надеялся, поглядывая на гамак, но гамак был недвижим, там тоже царил смерть.

— Прише-е-е-л,— зашипела кобра.— Не нравится? Ну, Джон, я же столько лет жила рядом, но тебя и твою семью не трогала. Зачем ты изрубил моих детей: это ты начал войну... А теперь я вызываю тебя на бой, на смертный бой. Бери лопату, защищайся! Я хочу, чтобы кто-то из нас погиб в честном бою, вместе нам больше не существовать! Ну, давай! Джон, не робей! Мне уже жизнь не мила, думаю, и тебе тоже после того, что ты здесь увидел. Ну же, Джон! Изруби и меня лопатой! Давай! — кобра шипела, стоя на хвосте, и раскачивалась, в любую минуту она могла броситься. Джон выхватил из телеги лопату и хотел рубануть по змее, но кобра увернулась. Джон снова и снова замахивался лопатой, но по змее не попадал. Она будто бы дразнила его, выматывая последние силы. Джон все же несколько раз попал по ней, но удары прошли вскользь, и раны были не смертельны. Кобра так же становилась на дыбы и гипнотизировала его глазами. Фермер в ярости махал лопатой, поднимая пыль и всаживая ее в землю. Потный и изможденный, он старался не смотреть кобре в глаза, но у него не получалось. Взмах лопатой, еще и еще... И как под гипнозом Джон падает на землю. Он тяжело дышит, но скоро затихает. Вот и его успокоила смерть навеки. И пусто стало на ферме, и стала зарастать она мхом и кустарником, а здешние жители обходили ее стороной.

III

Сэм Макл все не мог нарадоваться. Он в который раз обходил территорию, заглядывая в каждый сарайчик, на конюшню, под каждый кустик! По-хозяйски оценивал —

где что вырубить, где землицы раскопать, где чего убрать. Но вот в углу двора он увидел большую змею. Он оценил обстановку. По приметам, это была королевская кобра, и была она, как это ни странно, не агрессивна. Она лежала тихо, не шевелясь, наверное, грелась на солнышке или спала. Кобра выглядела старой, линиялой. По всему телу у нее бугрились шрамы. Она даже не среагировала на приближение человека.

— Уж не эта ли кобра убила всю семью, которая жила здесь? Уж не о ней ли сложили легенду? — проговорил Сэм. — Ты моя старушка! Ну, я сейчас...

Он тихо, без резких движений, повернулся и ушел в дом.

— Пошел за лопатой, — подумала старая кобра, — сейчас рубанет по хребту и — конец...

Но человек вернулся без лопаты. Он подошел как можно ближе к кобре, поскольку она ни на что не реагировала, поставил на землю блюдечко с молоком и положил два кусочка крольчатины. Глаза у кобры были открыты, и она пристально наблюдала за Сэмом. А Сэм поднялся во весь рост, сильный и могучий человек, и сказал:

— Угощайся, моя королева, ты, наверное, изголодалась тут без меня... — и тихо удалился.

ВОЛЯ, ВОЛЮШКА, ВОЛЯ

Воскресный день был жарким и солнечным. Люди тянулись в деревню Фомищево к родным, к матерям, к друзьям. Маленькая деревенька ожила. Она была от края до края наполнена людскими голосами. Где-то смеялись, где-то громко разговаривали, а где-то звали детей к обеду. Изредка лаяли собаки, пели петухи, вкочтали куры. В деревне у бабушек детям — раздолье, скотине — простор, пьяному мужику — под каждым кустом постель.

Мария Ивановна выгнала очередную партию самогона и уже к обеду угощала сыновей, пришедших к ней на выходной день из города.

Володя, старший сын, пил мало, боялся жены, да и профессия шофера не позволяла ему напиваться, он всегда думал о завтрашнем дне. Другое дело — Семен, который был помоложе, он испивал мамино варева столько, сколько хотел. Жену он не понимал, не слушал и постоянно был с ней в конфликте. Вот и сегодня с утра он был уже пьян. А мать, Мария Ивановна, боясь прогневить сыночка, все приговаривала, наливая стопку за стопкой:

— Тащи, сыночек, тащи... — это, стало быть, пей.

Был у нее и третий сын, самый младшенький, Ванечка, да замерз на берегу Оки, не дошел до деревни. Семнадцатилетний парнишка пил так, что и зрелому мужику было не под силу.

Пьяному Семке дома не сиделось. Жена уговаривала мужа остаться дома, поспать, отлежаться, но веселый Семен ее не слушал.

— Мама, ну зачем Вы ему все наливаете, он же уже пьяный?! — говорит она свекрови.

— Ко мне сын раз в неделю пришел, и что ж, ему выпить нельзя?

— Не до такой же степени!

— Да пушай, — шептала старушка, — отдохнет хоть. А ты, какая цаца, выпить мужику не даешь.

А мужик уже пошел по деревне: где к бабам с разговорами пристанет, где к детям привяжется. С ним никто не связывался, знали его, пьяного стервеца. Побрел Семен на задний двор, в сад, и его внимание привлекла своя собака, сидевшая около будки на короткой цепи.

— Корай! Золотой ты мой!

Корай завилял хвостом, натянул цепь, подавшись к хозяину.

Корай был большой, лохматый, что-то имелось у него от восточно-европейской овчарки. Он всегда хотел есть и пить, а больше всего хотел воли. Сегодня ему дали только буханку черного хлеба, а попить забыли налить. Курам и то наливали чистой, светлой водицы, а вот Кораю забывали. Когда куры подходили к своей миске и пили, вытягивая шеи, ему тоже хотелось полакать из миски, но цепь была слишком коротка, и Корай исходил слюной, глядя на кур. Если бы его хоть иногда отпускали, он бы первым делом побежал к ручью и напился.

Когда хозяин подошел, его душа ликовала, он неистово вилял хвостом, лизался и заглядывал хозяину в глаза.

— Корай, золотой ты мой,— бубнил хозяин пьяным голосом, — погулять хочешь? А ты никого не съешь? Ты же у нас вон какой большой! Корай, лапулечка, ну иди, побегай! — и Семен снял ошейник с собаки.

Корай побежал по саду, резко сворачивая на поворотах, прыгал вокруг хозяина, снова пробежался по саду и через открытую калитку махнул на деревню.

— Корай! — окликнул невнятным голосом Семка.— Корай, ко мне!

Но Корай уже не слышал его. Он несся по деревне, разминая затекшие лапы, расправив мускулистое тело. Ветер шумел в ушах, бороздил свалывшуюся шерсть, лапы едва касались дороги. Воля, волюшка, кто же тебя не любит? Корай не замечал, как люди шарахались в стороны, заведя его, как голосили дети, испугавшись большой собаки. Он никого не замечал, ему никто был не нужен. Он ни на кого не набрасывался, ни на кого не лаял, он рад был воле. Он рад был, что тяжелая цепь не тянет шею, что он может подбежать к ручью и пить воды сколько хочет. Воля, волюшка... К Марии Ивановне на крыльцо вбежала запыхавшись соседка.

— Что же ваша собака по деревне бегает, детей перепугала, а если укусит кого? Вы что, осатанели, белым днем кобеля спустили! Управы на вас нет! Внучка так испугалась, никак не успокоим, вы что, хотите мне заикой ребенка сделать? Уберите свою собаку к чертовой матери! Ироды!

— Не кричи, не кричи, сейчас сын привяжет,— и Мария Ивановна позвала Семена.

— Привяжет... — передразнила соседка.— Да он с утра уже нажрался.

Семен долго звал и ловил Кораю. Собака никак не хотела идти в руки к пьяному хозяину. Помог Володя. Он заманил Кораю и, накинув ошейник, отвел к будке, посадив на цепь.

— Не подходи к собаке! Окурок хренов! — выпалил он брату.

Обозленный Семен через задний двор прошел в сени и, украдкой сняв со стены ружье, вышел снова на задний двор. Там он зарядил ружье дробью и опять-таки, чтобы никто не видел, отправился в сад, где находилась будка Кораю.

— Ну что, сука, добегайся,— сказал он собаке и нацелил ружье. Корай завилял хвостом, заскулил, натянул цепь, думая, что хозяин опять пустит его погулять. Корай никогда не был на охоте, никогда не видел человека с ружьем, не знал, что оно стреляет, он не знал, что такое ружье, и поэтому не испугался. Корай смотрел на хозяина с любовью и лаской, со всей собачьей преданностью. Но прогремел выстрел, пес с разорванной грудью отлетел к будке и удивленно, не понимая, что эта яростная боль исходит от хозяина, посмотрел в глаза Семену. Он думал, что Семен сейчас подойдет, поможет, и боли не будет. Но сквозь непроглядную пелену глаз умирающий Корай видел, как силуэт хозяина удаляется прочь. Он взвыл от нестерпимой боли, обиды, непонимания, и собачья голова упала на землю.

— Ты в кого стрелял?! — навстречу Семену бежали мать, брат и две невестки.

Увидев окровавленного пса, лежащего на земле, Владимир налетел на брата и пару раз успел съездить Семену по морде.

— Ты что, сволочь?! Опился, что ли? — Владимир еще съездил бы по этой пьяной морде, но между братьями встала мать, и Владимиру ничего не оставалось, как уйти.

А Семен, отвязав цепь, взял мертвого Коряя за ошейник и поволок к оврагу. Там, пнув пару раз ботинком обмякшую тушу, Семен свалил кобеля на дно оврага. Морда собаки уткнулась в сырую, вязкую землю. Примятая было трава поднялась, закрывая тело от людского глаза.

ФРОСЬКИНА ИСТОРИЯ

Кошка Фроська выскочила в окно как ошпаренная. Она перебежала дорогу и нырнула в придорожные кусты. Отдышавшись в кустах, Фроська заплакала.

— Ну, что ревешь? Опять хозяйка полотенцем отстегала? Рассказывай, что натворила,— услышала кошка позади себя скрипучий Васькин голос.

Он пробирался сквозь кусты. Старый, огромный, усатый кот, он был мудрее всех на этой территории.

— Ничего я не натворила, — и она еще сильнее заплакала.

— Хозяйка побила?

— Н-нет, не успела, я убежала.

— Ну, рассказывай, что случилось?

— Я не виновата, я не знаю, куда делись лапы, я их не крала.

— Какие лапы? Рассказывай все по порядку.

Фроська, всхлипывая, начала рассказывать, как было дело.

Хозяйка утром кричит мужу: «Вань, я вчера петуха купила, у него две лапы есть, а двух нет! Куда делись? Ты не видел?» — «Не знаю,— отвечает муж,— не видел, ищи в холодильнике».

— А ты, Фроська, не брала? — усомнился Васька.

— Не брала-а.

— А куда же они делись?

— Не знаю.

— Ну-ка, ну-ка, еще раз расскажи. Что-то здесь не так.

Фроська, уже более уверенной, начала все снова:

Утром хозяйка кричит мужу: «Вань, я вчера петуха купила, две лапы есть, а двух нет...» — «Постой, постой, ты точно слышала, что петуха? Может, кролика?»

— Никакого не кролика! Я точно слышала, она кричит: «Вань, я вчера петуха купила, две лапы есть, а двух нету, ты не видел?». А он отвечает: «Не видел, ищи в холодильнике». А она опять: «Фроська, наверное, стянула, точно она...» Я и выпрыгнула в форточку, но я не брала остальные лапы, Васька, точно не брала.

— Какие остальные? — рассмеялся кот Васька.

— Ну ведь, петуха хозяйка купила — две лапы есть, а двух нету, а я не брала, не ела...

Старый кот долго смотрел на Фроську большими, умными глазами и наконец-то сказал:

— Что, твоя хозяйка белены объелась? У петуха ведь только две лапы, это тебе не кролик.

— Да? — удивилась Фроська.

А из окна на всю улицу неслось...

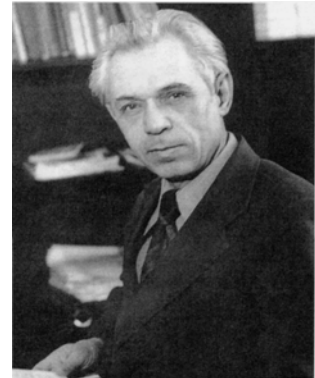
— Фроська, Фросенька, ну где же ты, моя хорошая?

— Это меня... может, бить будут...

— Теперь уже не будут, разобрались, наверное. Ну, беги, раз зовут...

ПОЭЗИЯ

Михаил Крышко

ВЕЧЕРНИЦА

Над грустным холмиком качается,
Клонясь при всплеске ветерка,
Горюет кроткая печальница,
Раскрыв четыре лепестка.

И в зыбкой тишине вечерней
Ту землю, на какой взошла,
Росинкой, как слезой дочерней,
Она омыла и прожгла.

И встал солдат с горящим взором,
Вздыхнул и подобрался весь.
До утренней зари дозором
Он обходил родную весь.

И, за живущих беспокоясь,
Радел гвардеец об одном,
Чтоб ночью не спала их совесть,
Сердца не покидала днем.

Вернулся к холмику под Тулой,
В землянку праха своего,
И нежно лепестки сомкнула
Над ним печальница его.

ЗАРНИЦЫ

То ли блещут зарницы
Там, где черная мгла,
То ли это жар-птицы
Расправляют крыла?

Ярко вспыхнув, сиянье
Потухает вдали,
За чертою слиянья
Неба с краем земли.

Так, по воле природы,
Что-то давнее, друг,
Сквозь минувшие годы
Память высветит вдруг.

ВОЙНА

Виктору Пахомову

Три «юнкерса» — три самолета,
Едва за окном рассвело,
Зашли воровски с разворота,
И вздрогнуло разом село.

Зачем они выбрали целью
Гражданское наше жилье?
Зачем они метили в церковь
И всю разбомбили ее?

В подвале, где сумрак и сырость.
Мгновенья решались судьбой.
И мама при взрывах крестилась,
Меня прикрывая собой.

Такое забудешь едва ли:
Пронизывал душу озноб,
И волосы дыбом вставали
От воя и грохота бомб.

Я помню из детства заплаты,
Толченый — крупинками — жмых...
У матери был я девятый...
Осталось нас трое в живых.

СТИХИ О КАРЬЕРЕ

Мне было восемнадцать,
Я понял в восемнадцать:
В каменном карьере
Не сделаешь карьеры.
Когда облитый потом
Карьерщик, как по нотам,
Колол кувалдой камни,
Дремавшие веками,—

Ни звуки древней музыки,
Что в камне отзывались,
Ни сила рук, ни мускулы
Не вызывали зависть.
Мы мстительно и горько
Кувалды проклинали,
Мы сталинскою стройкой
Карьер тот обзывали.
Но чем сильны мы были
В разрухе повсеместной?
Мы Родину любили
И вкалывали честно.
Неважно, что в карьере
Не сделаешь карьеры,—
Легли в фундамент камни,
Дремавшие веками.

ПЕС

Сельский двор. Копна. Ветла.
Здесь я в детстве рос...
На меня из-за угла
Мой же лает пес.

Года три тому назад
Я его рывком
Выхватил, чему был рад,
Из огня щенком.

Выходил и откормил.
Но, забыв о том,
Пес мне щедро отплатил
Бешеным прыжком.

Хорошо, что цепь крепка,
Выдержал металл,
А не то наверняка
Он меня б достал.

Что ж ты, пес, или ослеп?
В мой недобрый час
Так-то платишь мне за хлеб
И за то, что спас.

ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ

Давно ли, для уха привычно,
Деревья в нарядности крон
Шумели так разноязычно,
Как древний, должно, Вавилон.

А ныне — безгласы и голы...
По скверам и паркам пустым
Молчат золотые глаголы,
В золу превращаясь и дым.

В багряном безропотном соре,
В распаде былой красоты
Мне грезятся летние зори
И радуг цветные мосты...

Закат погасает протяжно.
И дым — в небеса от земли —
Как та Вавилонская башня,
Которую не возвели.

ДУША УДИВИЛАСЬ

Снег летит светло и беспечально,
Падает, преображая твердь.
Кажется: повисла вертикально
Между небом и землею сеть.

И в сквозной, нерукотворной, чистой,
Может, самой лучшей из сетей
Отливают рыбой серебристой
Фонари, светящиеся в ней.

Мир предстал загадочно-белесый.
И помстилось на мгновенье мне:
Даже неотвязные вопросы
Затерялись в снежной пелене.

Ничего как будто не случилось.
Просто снег. И русская зима.
Но душа невольно удивилась
Светлой тайне белого письма.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Рассыпаны блески на белый батист
Снегов, обновивших поля
И урочища;
Без русского холода не обойтись.
Как в детские годы
Без меткого прозвища.
Невольно мне вспомнилась,
Друг мой, лыжня,
Бегущая в юность,
К заснеженной роще.

Там небо над нами средь белого дня
Казалось нам краше и выше,
И проще.
Ты рядом летела по новой лыжне,
И солнце над полем
Беспечно блистало...
Когда это было?
Зачем это мне?
От сказки далекой
Осталось так мало.
И все-таки в сердце опять непокой.
К той роще на лыжах
Я мчусь без оглядки,
Где, юная, ты мне махала рукой
В мережково-красной
Душистой перчатке.

ДОВЕРИЕ ПТИЦЫ

Окно морозным схвачено узором,
На подоконник снегу намело,
Но, поклевав в кормушке пшеничных зерен,
Резвится гостя и стучит в стекло.

Должно, благодарит меня синица
И весело зовет под небосвод.
Чем вызвал я доверие у птицы
В тот первый — по зиме — ее прилет?

Живая малость — крохотная птаха,
Но кажется: добрее тишина
И в мире меньше остается страха,
Когда садится птица у окна.

ДОБРОЕ УТРО

Вся природа проснулась в восторге
Оттого, что свечение дая,
По весенней поре на востоке
Занялась, заиграла заря.

Где-то там, далеко за холмами,
За широким раздольем полей
Упираются в небо дымками
Избы старой деревни моей.

Земляки мои, доброе утро!
Добрый день по хорошей весне.
Вот подумал о вас — и как будто
Побывал на родной стороне.

И повеяло ветром знакомым,
И почудилось сердцу на миг,
Будто юношей к отчему дому
Я иду по тропе напрямик.

Вижу ваши открытые лица
И луга, и поля за рекой...
Как там щедрая наша земля
И под чьей она нынче рукой?

НАД УПОЙ

Пригорок. Рыжая тропа,
Сбегающая в луг,
Где неторопкая Упа
Шлифует солнца круг.

И он, качаясь налегке,
Серебряно блестит.
И это маленькой реке
Немного даже льстит.

С пригорка, с ниточки-тропы,
Открыт мне сельский вид,
И запах скошенной травы
Волнует и пьянит.

И я завидую тому
Над солнечным бугром,
Кто здесь прошелся поутру
Счастливым косарем.

СОЛОВЬИНЫЙ ДЕНЬ

Юрию Елисееву

Как хорошо на природе побыть одному
В зрелые годы.
Грусть и печаль, и томление души ни к чему
В храме природы.
Зеленью лес, ароматом тебя обдает,
Гомоном птичьим.
А устремляются мысли легко в небосвод
Над преходящим и личным.
Грянула музыка рядом, и где-то вдали —
Трели лавиной:
Эго пернатые моцарты — это поют соловьи
В День соловьиный.
Что же мы мечемся, что же мы ищем, снуя?

Кто мы, по сути?
Страшно попятиться, начали снова с нуля
Странные люди.
Май светозарный, по счету пятнадцатый день —
День соловьиный!
Только и счастья, что есть еще дух деревень,
Рощи и нивы...

ЗАСУХА

Облака вразброс
Налегке плывут.
Высох медонос —
Пчел не слышен гуд.

Рыж холма откос,
Тих ручья изгиб.
Слышен сосен «SOS!» —
Старый бор охрип.

Над рядниной трав
Вознеслось в зенит:
«Кто, над нами встав,
Этот суд вершит?

За грехи палим
Человек с весны.
Почему же с ним
Мучаемся мы?

За чужую ложь,
За чужое зло
И над нами дождь
Не шумит светло...»

ВЕЧЕРНИЕ СТИХИ

Я долго смотрю иногда
В померкшее чистое небо,
На то, как мерцает звезда
Далеко... дрожливо и немо

Зачем бы мне эта звезда?
Но грустно и как-то обидно,
И даже тревожно, когда
Ее в непогоду не видно.

Под нею, в погожую ночь,
Я чувствую глубже планету —
Безмерного Космоса дочь,
Летящую бабочкой к свету.

Как странно порой осознать
Разумность на малости этой,
И вечной страды благодать,
И краткий покой до рассвета.

Сияет звезда глубоко
Над сумраком крохотной тверди.
От нас она так далеко,
Как тайна любви или смерти.

В ПОДМОСКОВЬЕ

Склонюсь у обелиска — и трава
Прошепчет еле слышно и тревожно:
«Ну как Москва, за кем она, Москва?»
И я траву поглажу осторожно
Ладонью,
ощутившей пустоту,
От полынка весеннего прогорклой...
Так молча глядят в детстве сироту,
Когда комок подкатывает к горлу.

МАТЬ

Она живет надеждой, веря,
Мол, образумится... сынок...
Пусть даже человек от зверя
В нем иногда на волосок.

Накоротке ль, на расстоянье —
Все силы прилагает мать,
И всю любовь,
И все старанье,
Чтоб сына в сыне отстоять.

И что б ни случилось — так до гроба,
До дня из самых скорбных дней,
Когда сожмется до озноба
И замолчит вдруг сердце в ней.

Но вопреки земному тленью,
Не помня боли и обид,
Она к нему вернется тенью,
И сердце сына защежит.

ДОН КИХОТ ИЗ ПОЭТОВ

Ничего не желаю,
Ничего не хочу.
Друга вдаль провожаю
И бездарно молчу.

Предвечернего света
Затухает страда.
Дон Кихот из поэтов,
Ну куда он, куда?

Рюкзачок его бедный
У него на горбу;
Сам он, тощий и бледный,
Искушает судьбу...

Улыбнулся мне криво,
Руку сунул: «Пока...»
И хотелось мне крикнуть:
«Не валяй дурака!

Обещено слово,
Что им можно спасти?».
Сдвинул брови сурово
И пошел. По Руси.

ОТМЕРЦАЕТ ЗВЕЗДА

Отмерцает звезда и откружится,
И погаснет за синим окном.
И уставшему, мне занедужится,
Затоскуется в доме моем.

Выйдет ночь на безлунное поле,
Только мне не уснуть и на миг, —
Стану думать, но, нет, не о боли,
А о выросших детях своих.

И притихший, уже не упрямый,
До конца я, наверно, пойму
И твое одиночество, мама,
И недолгую старость твою.

* * *

Юдоль земная, как дела?
Тропинки выюга замела,
В глухой дали колокола
Звонят надтреснуто, уныло...
И Пушкина ты предала,
И Лермонтова не спасла...
Кольцову легкие сожгла —
Небесный дар не пощадила.

В годину горьких потрясений
Тебе был дан Сергей Есенин

Как первый соловей весенний,
Его ты в бездну загнала.
И стало пусто, безглагольно...
Скажи, любовь, тебе не больно?
В чужих мехах, самодовольной,
В чужие руки ты пошла.

Я СТОЯЛ У МОРЯ

Я стоял у моря.
Ветер своевольный
Будоражил море,
Гнал к обрыву волны.
Клокотало море,
Падало, вздымалось.
Я смотрел на море —
И в глаза бросалось:
Маленькие волны
Пенились, мелькали,
Разбивались в брызги
О большие камни.
А крутые волны
Камни накрывали
Клокотавшей грудью,
Сильными крылами.
Я стоял и думал
На вечерней суше:
Так бывает в жизни...
Маленькие души
Трудности и беды
На пути встречая,
Как о камни волны,
Бьются и мельчают.
А большие души...

Ирина Гаврилова

* * *

Горячий кадмий!
И краплак,
и стронций!
Какой могучий,
яростный закат!
А посредине
полыхает
солнце!
И брызги солнца
мир вокруг кропят.
И кажется:
над дымной пеленою,
над лентами
размеренных дорог,
над полусонной
будничной землею
еще один
художник
сердце сжег!

* * *

Елочки-школьницы
в платьицах строгих...
Вот и готовы начальные строки.
Я поведу их одну за другою
берегом низким
над Соньгой-рекою,
полем туманным,
где утром кого-то
ждут в полудреме
стога-бегемоты.
Выйдем к деревне,
большой, деревянной.
Вот и пруда непротертое блюдо.
Пусть тишина не покажется странной —
дачники долго еще не проснутся...
Тропкой пройдем

мимо новой усадьбы,
мимо болотца, полями, полями —
к Волге.
Сияет невестой на свадьбе
с берега дальнего город огнями.
Утро... А нам возвращаться обратно
к чистым листам
серебристой бумаги,
где проступают священные знаки
родины милой...
Елки-старухи
в юбках широких...
Вот и готовы прощальные строки.

* * *

И ветер, и ломкая белая стынь.
И ветер...
И вечер качает сухую полынь,
и вечер...
И дом этот странный:
есть дверь на восток —
и запад...
Эй, кто там подошвы отер о порог —
до завтра.
Сегодня одна притулюсь на печи
меж дверью и дверью.
Всему, что нашепчет мне ветер в ночи —
поверю.
Поверю — бессмертны за окнами пруд
и лунная льдышка.
И узкие листья, что тихо плывут
и дышат...
Поверю — крепки за оградой кресты,
ухожены плиты,
и все голоса над полями чисты,
и слиты...
И запад — восток —
только суток челнок,
а между — дорога.
И много — иметь этот дом и порог —
и вечность — немного...

* * *

Мерзнет луна над болотами
в сказочном этом краю.
Клюква застыла разводами.
Мхи сапоги обовьют —
долго не вынешь, не вытащишь
ногу, а лешего крик

за ночь как азбуку вызубришь.
Видно, не сладко, старик,
палкой устало постукивать,
между деревьев петлять,
некого стало запугивать,
нечем уже удивлять...
Пламя костра большегривое
мечется все веселей.
Выйди, ведь я не пугливая,
сказками душу излей.

* * *

Тише. Небо дремлет над крышей,
вышит в небе звездный узор.
Тише. Я забыла, как можно слышать,
как луна осторожно дышит
на темнеющий косогор.
Тише. Теплый ветер луну колышет,
убаюкивает и ближе
отдаленных галактик хор...
Колыбельная от вселенной
доверительна, откровенна.
Только здесь ее можно слышать,
где сторожка вросла в косогор,
где меня охраняет старый
добрый брат мой, сосновый бор.

* * *

Ночь. Сад.
В прорехи черной кроны
влетают звезды
и стучат о землю.
Я их найти пытаюсь —
под руками
то яблоко, то облетевший лист...

* * *

В деревне, на большом холме,
погаснут скоро окон искры —
и тьма пройдет по земле,
все черным молоком обрызгав,
и ляжет здесь, у бочага,
где торфяные воды глухи,
где все, от камня до малька,
ровесники земли-старухи.
Где только ветер с высоты,
как вздох меж вздохами другими,
уронит в черный ковш воды
потерянное мною имя...

РОДНОМУ КРАЮ

Благодарю
 за высокую честь
и за отвагу.
Мне, недостойной,
 доверил занести
слово твое
 на бумагу.
Слово, в котором струится берез
 голос жемчужный
и задает непонятный вопрос
месяц,
 и дружный
говор родных ручейков и лесов,
и на кладбище
брошенный храм,
 где на сто голосов
непогодь свищет.
Машешь дырявыми
 крыльями крыш
над городьбою
 лозунгов ложных
и не щадишь:
 даришь судьбою.
Благодарю.
 Не Манкуртом пустым
ползала — свечкой горелось.
Горло сожгу,
 только б дольше простым
песням твоим
 пелось!

* * *

Пока я падаю, кружа,
на замирающие травы —
смотри: мгновенье лишь — душа
с душой — и обе правы.
Пока по теплomu лучу
осеннему
 листом падучим
медлительно к тебе лечу —
нет чище нас, нет мира лучше.
Мгновенье, промельк, миг... Успел
запомнить трав сухую нежность,
паренье невесомых тел,
слов драгоценную небрежность?
Запомни, милый... И хотя
так мало значим друг для друга,
но ведь мгновение спустя
и это запорошит вьюга.

* * *

Краешком глаза смотрю на слетающий лист.
Мне даже голову лень повернуть на шорох.
Тишь... И как будто на кромочке бездны стоишь,—
вот полетишь
в ниспадающий огненный ворох.
Будешь кружиться и долго, и медленно, так,
как, раздвигая пространство, кружится планета.
Шаг... Жалко мелочь, какой-то пустяк
голоса отзвук, волос некрутой завиток,
на подоконнике старом лохматый цветок,
крапинки солнца на матовых стеклах буфета.

* * *

Тот холм, что на пути вставал
когда-то шлемом богатырским
и мне полмира закрывал,—
пологим кажется и низким.
Я опускаюсь на траву,
глазами мерю синеву
и жду, как грешница, причастья...
Но не парит душа от счастья,
не реет над холмом легко...

И только небо, только небо...
Оно, как прежде, высоко...

* * *

Смотри-ка, в серебряной лодке все ближе
та лунная сказка,
где месяц волшебные бусы нанижет
на шелкову вязку,
и царь-отец белые бусы набросит
на девичье платье,
и юный царевич в покои уносит,
и крепки объятья,
где все дорогие родимые лица
смеются беспечно.
Все здесь и пришли навсегда веселиться
на пир этот вечный.
А облик твой старый все дальше и дальше,
смешной и наивный.
Не плачь, не кричи перед снегом тишайшим,
пред музыкой дивной.
Пусть там, на земле, голоса, умирая,
от страха, наверно.
Не бойся, мы здесь, мы у самого края,
во свете безмерном.

Борис Голованов

* * *

Вот поищу я, пойду.
Побреду, пошагаю
В те места, где когда-то
Деревня была.
В ней стоял старый дом,
Притулившийся с краю,
И росла перед ним
Вековая ветла.

Помнит память моя
Птиц над серой скворечней.
Тонкий ситец небес
За оконным крестом.
Здесь жила моя мама
Вдовой безутешной.
По деревне ходила
В платочке простом.

Гнула спину в полях.
Шила, мыла стирала,
Поднимала детей.
Тихо-мирно жила
Ни в каких городах
За всю жизнь не бывала
Где родиться пришлось,
Там и в землю ушла.

Ах, таких матерей
Есть немало в России
Вот с такой неприметной
И трудной судьбой!..
Я приду на то место
Под сиротскою синью
И, как сноп, упаду
У ветлы вековой.

ТРЕТЬИ ПЕТУХИ

Я в ночной темноте.
Как в реке, угону.
Полусонный,
Ночные прослушаю вести:
Это первый петух.
Всколыхнув тишину,
О заре молодой
Прокричал на насесте.

И потянет откуда-то
Влагой сырой.
И луна заглядится
В уснувшую реку.
И тогда отзовется
В сарае второй
Звонким, древним и вечным
Родным кукареку.

Петухи боевые.
Мои петухи —
Пограничный дозор
Деревянной России!
Вот и третий поет,
И встают старики
Покурить на заре
И прохладной, и синей.

Станет радостен мне
Упоительный миг,
Посветлеет заметно
Небесное блюдце.
И пройдет маета,
И напишется стих,
Когда третьи во мне
Петухи отзовутся!..

* * *

Когда на небе синева,
Как ситец, льется надо мною.—
О чем ты думаешь, трава,
К Земле склоняясь головою?
Твоей не видя красоты,
Чьи по тебе топтались ноги?
Скажи, кто рвал твои цветы
Всего в двух метрах от дороги?
Трава, трава, ты, как народ.
Блестишь росой, как слезой.
Но каждый год, но каждой год

Встаешь под смертною косою.
Тебе нет меры и числа,
Ты ближе всех к земле родимой
И потому непобедима
Перед лицом любого зла.

* * *

Раскудахталась
Несушками заря,
Петушиным
Красноперием горя.
В теплом воздухе
Укропный льется дух.
Растопырил
Уши длинные лопух.
Солнце прыгнуло
На вымытый порог,
И начался на сече
Переполох.
Пробудился и затопал
Каждый дом.
Вышли люди.
Кто с лопатой, кто с ведром.
Не напрасно на подворьях,
Ой, не зря
Раскудахталась
Крестьянская заря.

* * *

Как пойду я из дома
Да открою калитку.
Ветер в доску знакомый
Мне прошепчет молитву.
Голубое оконце
Среди вишен потонет,
И девчонкою солнце
Мне протянет ладони.

Отдохну на покосе,
Отряхну с плеч усталость...
Боже мой, сколько весен
Пронеслось и промчалось!
Снова солнце садится
Над пшеничным покоем.
Возвращаюсь, как птица,
Я в гнездо родовое.

Мне помашут, как в детстве,
Белокрылые ставни,

И пахнет прямо в сердце.
Снова милым и давним:
Полынковым раздольем,
Целовальным крылечком,
Огурцом малосольным
И сверчковою печкой!...

ТУРГЕНЕВСКИЙ ВАЛЬС

Светлым чувством
Откроюсь России:
Где б ни странствовал.
Где бы ни был,—
Бежин луг,
Молодой и красивый,
По-тургеневски
Я полюбил.
В небе солнце
И звонкие птицы.
В сердце музыка.
Слов перестук,
От которых
Легко закружиться:
Бежин луг,
 Бежин луг,
 Бежин луг.

Я боюсь,
Что сказать не сумею,
Как привольно
И мило вокруг,
Как смотрю
И, любуясь, немею
От твоей красоты,
Бежин луг.
Окунуться
В приветливость крова
Я уставшим
Вернусь из разлук.
И во мне застучатся
Два слова:
Бежин луг,
 Бежин луг,
 Бежин луг.

Бежин луг
И родные березы
В золотые
Глядят небеса.
И такие

Счастливые слезы
На мои
Набегают глаза.
Ты давно
Стал моею судьбою,
Мой бесценный
И радостный друг.
Сердце полнится
Только тобою:
Бежин луг,
 Бежин луг,
 Бежин луг.

* * *

По земле, шагая не спеша,
Отлечу я скоро, словно птица.
Будет в небе жить моя душа
И звездою по ночам светиться.

Будет густо небосвод разлит.
Скажут люди, утверждая заново:
Вот звезда Суворова горит,
Рядом с ней — Бориса Голованова.

О большом и малом
Сердцем ведая,
Жили два поэта
Без наград.
И плывет луна
Под ними бледная,
И над ними
Звезды говорят...

* * *

Я видел, как время
Скакало по выжженным травам,
Морщило лица,
И снегом белило виски,
Как желтые листья
Роняли под ноги дубравы.
Я слышал, как ночью
Вздыхали в домах старики.
Дожди проливались,
И солнце светить уставало
Средь ясного неба
На крае уставшего дня.
Я видел, как время
Сырые могилы копало,
До срока свидетелем горестным

Выбрав меня.
Господь милосердный,
О, дай мне терпенье и силы!
Как жадно вдыхаю
Я воздух измученным ртом,
Чтоб где-нибудь встать
Посреди ненаглядной России,
Когда час настанет,
Простым православным крестом.

* * *

Можно еще мне немножко
Побыть рядом с вами?
Может быть, скоро уже
Мне не встать под снегами,
Может быть, скоро
Не слышать мне ветра и вьюги,
Рук вам не жать,
Сотоварищи, верные друзья.

Вам отставляя
Все солнечное и голубое,
Я, как солдатской шинелью,
Накроюсь судьбою.
Будут грустить
Надо мной молодые березы,
Горькие листья роняя,
Как мамины слезы.

Всем вам спасибо за то,
Что на свете вы были,
Вместе со мною грустили
И «горькую» пили,
Жаркое слово
У самого сердца носили,
Жили со мною
Во славу великой России.

Если беду мне
Накарают все же вороны,
Поторопитесь, друзья,
На мои похороны.
Не говорите пространно
И слишком красиво:
Жить, а потом умереть,
Не такое уж диво...

* * *

Передохну —
И вновь к перу.

Сажусь за стол,
Беру бумагу.
Быть может,
Скоро я умру
И безвозвратно
В землю лягу.
Я попрошу
Из той дали
Своих друзей,
Жену и внучку:
Вы вместе
С комьями земли
В могилу
Бросьте авторучку.

Всю жизнь
Рассыпал я в стихах,
Роняя их,
Как перья птица,
И может там,
На небесах,
Перо мне очень
Пригодится.

Анатолий Денисов

МОЛОДЫЕ ВЕСНЫ

Мы жили на взлете эмоций,
Пуская по ветру года.
На нас из ночного колодца
Смотрела, качаясь, звезда.
И мир окружающий тоже
Менял измерения свои.
И были намного моложе
Сады, города, соловьи.
Мы глохли от счастья и песен,
Не зная забот и преград,
Топтали застойную плесень,
Не ждали чинов и наград.
Кем были мы?
В книге столетий
Нас выделяют общей строкой:
Мы — послевоенные дети
С такою нелепой судьбой.
Мы столько «эпох» пережили
И так доверяли вранью,
Которым нам души травили,
Что горько за долю свою.
И молодость снится ночами,
Пронзая короткие сны
Безжалостным ветром печали,
Летящим из нашей весны.

* * *

Вянут травы, листья пожелтела.
Тих прохладный осенний простор...
Сожаленье — привычное дело.
Я его не люблю до сих пор.
Мне обида рассудка не застит,
И давно на судьбу не ропщу.

В полосе затяжного ненастья
Сожалений ничьих не хочу.
На рассвете, унылом и сером,
Полусонно бормочут дожди,
Осторожно проходят по нервам,
Холодком отдаваясь в груди.
И грустны мои песни, усталы,
Как шаги по раскисшей тропе...
Я увидел, что осень настала
И зазимок блестит на траве.
Осень, осень... Смирненным покоем
Ты гармонию вносишь в разлад.
Побеседуем, осень, с тобою
О наивности наших утрат.

* * *

Живу в ожиданье печали,
В раздумьях над хаосом дней.
Сегодня с утра простучали
Дожди по дороге моей.
Глубокие серые лужи,
Унылая хлябь колеи...
Привычным раздумьем нагружен,
Я слушаю мысли свои:
О лете,
О встречах неожиданных,
О тайне ночного огня...
Сегодня они спозаранок
Зачем-то настигли меня.
И холодом в самую душу
Дохнуло с недалёких полей.
Оденусь и выйду наружу
К открытой калитке своей.
Заждавшийся северный ветер
Ударит размашисто в грудь.
Неужто на всем белом свете
Остался вот этот лишь путь?
Мой путь от надежды к печали:
Развилки, мосты, колеи.
Неужто и впрямь отзвучали
Все радости жизни мои?
Неужто и я огрубею
Вдали от людей и забот?..
И чувствуешь время острее,
Когда оно еле идет.

* * *

Средь уличной разноголосицы,
Среди раздумий на бегу
Вдруг сердце жалобно запросится

В село на синем берегу.
И я сбегу навстречу памяти
В полузабытые края.
Там по весне зеленым пламенем
Объята родина моя.
Зимой метелями заснежена
И ослепительно бела,
Она всегда моей надеждою,
Моею совестью была.
...Стою, разглядываю издали,
Чему-то радуясь слегка,
Как над бревенчатыми избами
Плывут спокойно облака.
Здесь жизнь идет по вечным правилам.
И редко вспомнит про меня,
Когда съезжается по праздникам,
Большая теткина родня.
Но, что бы впредь со мною ни было,
Не раз припомню невзначай,
Что мне большое счастье выпало —
Не позабыть родимый край.

ЛЕТО ПРОШЛО

Мы устроим прощание с летом
Вдалеке от привычных дорог.
Замерцает загадочным светом
На опушке лесной костерок.
Будем слушать шаги увяданья,
Говорить и молчать невпопад,
Наблюдать, как по зябкой поляне
Стелет пестрый ковер листопад.
Прошуршали и смолкли дождевики.
На секунду затишье кругом.
А с полей, посеребривших от дымки,
Потянуло сырým сквозняком.
В сентябре, в тишине, в отдаленье
Ощутимее ход наших лет,
Свет надежд, красота обновленья.
Жизнь идет. И предела ей нет.
Жизнь идет. Чередуются даты,
Листопады, метели, дожди.
Вот и лето уходит куда-то.
Вот уже столько лет позади...
Осень пахнет земною прохладой,
Согревает последним теплом.
Хорошо, что сегодня мы рядом
Перед этим прощальным костром.

* * *

Пламенеют, как рубины,
На осеннем сквозняке
Чудо-ягоды рябины
В увядающем леске.
Тяжело свисают с веток,
Спелым соком налиты.
Далеко умчалось лето,
Лес притих, поля пусты.
Пахнет дымом горьковатым
От неяркого костра.
Облака плывут куда-то
Торопливей, чем вчера.
Зеленеет ярко озимь
Средь распахнутых равнин.
Мне на память дарит осень
Гроздья спелые рябин.

ХОЛОДА

Холодный ветер пахнет снегом,
Летящим где-то далеко,
И темнота, сливаясь с небом,
Всю ночь вздыхает глубоко.
Смотри, как медленно светает,
Как буднично, без волшебства,
Срываясь с веток, улетают
Куда-то птицы и листва.
Мне кажется, что этот хаос
В природе нынче неспроста.
Ведь осени такая малость
Осталась, скоро — холода.
Зазимок, иней... Все знакомо.
Но студит душу холодком,
Хотя тепло и тихо дома,
И прочно сделан этот дом.
Но круг друзей моих все уже,
Все реже праздники души.
И завтра первый снег закружит,
Чтоб веселей жилось в глуши.

ПРИВАЛ

Август. Ночь чернее сажу.
Ни тропинки, ни огня.
И поверить трудно даже,
Что в тайге — один лишь я.
Да медведь-хозяин строгий,

Может быть, издалека
Видит на своей дороге
Свет ночного костерка.
А чего робеть однако?
Я ж сегодня не один:
Рядом — верная собака
И надежный карабин.
Папирос и спичек вдоволь,
В рюкзаке — съестной припас.
И уюта никакого
Мне не хочется сейчас.
Принимаю, как награду,
Ночь на сопке под сосной.
Неба темная громада
Наклонилась надо мной.
Полусплю, полумечтаю
Под гипнозом тишины,
Из которой наплывают
Полуяви, полусны.
Далеко отсюда, где-то
Есть машины, города,
Рестораны, ливни света,
Газ, горячая вода.
Где-то любят, убивают,
Растаются на века...
Третий год не получаю
Ни письма издалека.
Знаю, где-то есть другая
Жизнь, другие берега.
Мне забыть их помогают
Сон, работа и тайга.
У меня свои орбиты
И судья себе — я сам,
Полузлой, полузабытый
После всех житейских драм.

* * *

Неделю я ждал вертолета
Под серою сеткой дождя.
И только сегодня погода
Вселила надежду в меня.
Струится дымок сигареты.
Зажглась над палаткой звезда.
И третье таежное лето
Уходит, не знаю куда...
В последней цепочке маршрута
Туман затянул перевал.
Я сутки делил на минуты
И солнца, как милости, ждал.
В сырой надоевшей постели,

В сыром бесноватом дыму
Я прожил такую неделю,
Что не пожелать никому.
И вот на огромном закате,
Лежащем во весь перевал,
Звезда засияла и, кстати,
Туман вслед за ветром пропал.
И я уже знаю, что завтра
Сюда прилетит МИ-восьмой,
Мой старый рюкзак и палатка
Поднимутся на борт со мной.
И я закурю сигарету,
Шепну перевалу: «Пока...»
Таежному третьему лету
Махнет на прощанье рука.

* * *

Отшумели дожди-листобои,
Помахали крылом журавли.
Под луною над вечным покоем
Стынет горестный холмик земли.

Что-то в сердце моем догорает,
Прибавляя вискам седины,
В декабре, когда вновь замедает
Чистым снегом могилу жены.

Там, где рдеет заря спозаранку,
Чуть левее молчанья берез,
Навсегда молодую славянку
Приютил деревенский погост.

До свиданья, моя дорогая!..
Вот и кончились светлые дни.
Как снежинок безмолвная стая,
Пролетают сквозь память они.

* * *

Родина. Сумерки. Осень.
Серая сырость ветров,
А за рекой — безголосье
Брошенных всеми лесов.

Холодно. Тихо. Просторно.
В поле, в морщинах борозд
Зеленью озими зерна
Свой обозначили рост.

Где-то за тучами — солнце,
Где — угадать не могу.
Но, как и прежде, пасется
Лошадь на мокром лугу.

Мокнут плетни и ворота.
Желтые окна глядят,
Как засыпает природа,
Сбросив ненужный наряд.

Тихо сгущаются тени...
Тихо ползет холодок,
Неотвратно — осенний,
Ломкий, как первый росток.

Край мой, дремотный и древний!
Замерли, сжались в тиши
Сумерки, осень, деревня —
Все позывные души.

* * *

Все пройдет.
И в осенней печали
Бесприютно раскрытых ворот
Со двора,
Как из ветреной дали,
Чей-то голос меня позовет.
Столько лет...
Боже мой!..
Неужели?..
Значит, я не забыт до сих пор.
Значит, годы и впрямь
Пролетели,
И уже ни к чему разговор.

ОКРАИНА

Дома разбросаны неправильно,
Кривые улочки в пыли...
В который раз к тебе, окраина,
Меня дороги привели!

Бреду в раздумьях неприкаянно,
Небеспричинно загрустив,—
Опять звенит, звенит отчаянно
Простой веселенький мотив.

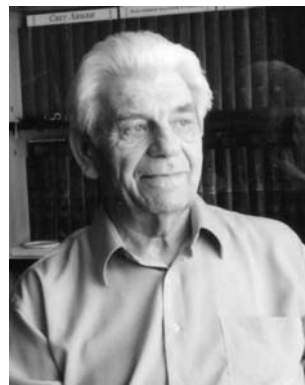
Мне б в этой грусти неразгаданной
Найти начало всех начал,

Но где-то есть другие гавани,
Другое море и причал.

И я умчусь отсюда вскорости
На неизвестный материк...
Замри, мгновенье!
В каждом шорохе
Здесь все о детстве говорит!

И под какими бы ветрами мне
Ни плыть, ни ехать, ни идти,—
От этой улочки окраинной
Берут начало все пути.

Александр Сиянов

О ПЕРЕМЕНАХ

Как и в природе перемены,
Так и в душе они моей,
То возвеличат непомерно,
То в грязь бросают силой всей.

Порой осенним ураганом
Они мне душу бережат,
Порой они весенним садом
В свои объятия манят

Иль, жизнью сложной озадачив,
Исчезнут вдруг куда-то прочь,
Иль пред грядущей неудачей
Спешат скорее мне помочь.

Ах, перемены, перемены,
Вы как июльская гроза:
То благодны, как дар бесценный,
То как пьянящая буза.

* * *

Все плохое отлетит с годами —
Зло людское, ненависть, вражда,
Боль души, омытая слезами,
Нищета, разруха и беда.

Люди сердцем отойдут немного,
К ним вернутся радость и любовь.
Ветры новые повеют у порога,
Привнося нам радужную новь.

Об одном я только сожалею,
Что до светлых дней не доживу,
Что с мечтой несбывшейся своею
В этой жизни голову сложу.

ЗАКРЫТЫЕ РАНЫ

Я знаю многих из ребят
Со шрамами войны на теле,—
Какой же, право, ты солдат,
Не окрещенный в ратном деле!

Зажили раны. Не болят.
А шрамы — вроде украшения.
На них и девушки глядят
Не без любви и восхищенья.

Но есть другие раны, брат,
Они рубцов не оставляют,
И не видны на первый взгляд,
Любимых глаз не ослепляют.

Те раны глубже ты ищи,
Не на виду они. Сокрыты
В тиши измученной души
Иль в сердце горестном зарыты.

Вот эти раны-то, как раз,
Для нас всего, всего больнее.
Они как взрывчатый фугас,
А может, и еще мощнее.

АФГАНЕЦ

Мужчина средних лет на переходе
В очках защитных, без ноги, слепой.
Он каждый день здесь при любой погоде
В бушлате, с непокрытой головой.

Играет грустные напевы на гармонии
О буднях ратных, о родном полке.
А рядом с ним на старенькой поскони
Овчарка-поводырь на поводке.

Она глядит, глядит с печальным видом
В глаза прохожих. Лишь не говорит:
«Подайте нам с несчастным господином.
Подайте нам. И пусть вас Бог хранит».

Ну как же тут остаться безучастным?
И падают со звоном медяки.
А на лице угрюмом и скуластом
Афганца нервно ходят желваки.

* * *

Тихая поляна. Запахи цветов.
Все залито теплым, мягким светом.
Зелень трав среди густых лугов,
Как бывает только зрелым летом.

Ты среди всей этой красоты
Как букетик синих незабудок.
От тебя и от небесной чистоты
Помутился у меня рассудок.

Задержись. Побудь со мной. Не уходи!
И продлись веселым, милым летом.
Грусть осенняя еще вся впереди,
Позабудь на времячко об этом.

* * *

Ветер с запада — дождливый,
День безрадостный и стылый.
Ветер с юга — суховей.
А с востока ветер милый,
Мною горячо любимый —
Он ведь с родины моей.

Надежда Литягина

* * *

А. К.

А ты приходи ко мне из памяти,
из снов, которые не сбудутся.
Но только ни о чем не спрашивай,
дотронься тихо до руки.
переверни страницу в прошлое,
где нет обманного и пошлого,
где небо синее высокое
и чище звезд глаза твои.

САШЕ

I

Это все не грустно, а смешно,
и не сто́ит даже говорить.
И тебе, наверно, все равно,
с кем июльский вечер проводить,
все равно,

кому в глаза глядеть,
у калитки поздно задержать,
с кем вдвоем остаться захотеть,
чтоб своею смелостью блистать?!

Или, может,

ты совсем другой,
с сердцем со своим живешь в ладу,
о любви не скажешь

ты любой,
и ее не бросишь на беду?..

II

Я не забыла тебя.
Юность промчалась давно;
Смотрит усталый сентябрь
вновь в голубое окно,
а занавески в окне
ярче, чем небеса,
напоминают мне
цветом

твои глаза.

III

Помню и помнить буду
Ту сирень, что дарил —
радостную, как чудо,
светлую, что было сил...
Только вот не припомню
тихих признанья слов,
в облаке чудотворных,
чистых ее цветов...

IV

Мне осталась на память —
дорога с тобой до пруда,
и как пел для двоих нас
в саду соловей,
и букетик упавших
из рук моих незабудок,
что взглянули живыми глазами
с могилы твоей.

* * *

Ты хотел меня в обыденность вернуть,
мои робкие мечты попридержать,
не пустить одну в давно желанный путь,
запретить мне ветром северным дышать.

Ты любил в мои печальные глаза,
упиваясь правотой своей, смотреть.
Уводил домой, когда была гроза,
чтобы было веселей вдвоем стареть.

Как ценить себя, меня ты поучал,
лишь души моей во мне не замечал:
посторонний звук-стук сердца моего
и слова мои не значат ничего.

Я разбила цепи серые твои,
быть с тобой не согласилась без любви.
Зря ты счастье мне земное обещал
и дразнил, и одиночеством страшал.

* * *

Но есть предел земному ожиданью,
и руки опускаются порой.
Неверие приходит вслед страданью,
и добрых чувств меняется настрой.

Усталость омрачает души тенью,
досада на медлительность свою.
Так ждут любви, дождя, выздоровленья,
у смерти и безверья на краю.

Сергей Скоробогатов

* * *

Была у мальчика мечта,
Ее он видел сквозь ресницы,
Лишь в сон клонила маета —
С багряно-красного куста
Три белые взлетали птицы.

Но нет ни красок, ни холста,
И негде грамоте учиться.
А он не уставал мечтать,
Хоть Родина позвала встать
В защиту рубежей границы.

Красив далекий перевал
И скал угрюмые глазницы,
Но и во сне он рисовал
Родимого холма овал
И белые над красным птицы.

Но прилетала пуля вместо птицы
И закрывал глаза не сон,
Вставал в атаку батальон,
Нес похоронку почтальон
На самый дальний край станицы.

Безмолвен холм и нелюдим,
Далеко грозовые искры.
Три птицы белые над ним
Кружат и пролетают низко
Над тонким шпилем обелиска.

* * *

Упала роса на траву.
Раскройте глаза — наяву
Увидите чудо земное
И вы повторите за мною —
Я верю, люблю и живу.

В морозную стынь-синеву,
Среди листопада и зноя
Кто верит — скажите со мною,
Надеюсь, люблю и живу.

Я все испытанья стерплю,
Лишь только б остались со мною
Неверное счастье земное
И верю, надеюсь, люблю!

* * *

Звезда на западе зажглась,
За день устав, земля застыла,
Взошло полночное светило,
И вышли воры, не таясь,

А люди, за день утомясь,
Надежно закрывали окна
И двери, перед сном ложась
До утренней звезды с востока.

Поэту спать мешала страсть
И, этой мукою томимый,
Он и всю ночь хотел украсть —
Не только сердце у любимой.

* * *

Пусть суденышко мое проколото —
В помощь мне два весельных ребра.
Правою рукою отгребаю солнца золе
Левой — лунного серебра.

В сумерках, не размыкая уст,
Я веду беседу с тишиной.
Звездный ковш над головою пуст,
А вода — внизу подо мной.

Вправду, не придумано числа
Водам, поглотившим времена.
Только тихий всплеск из-под весла,
Скрип уключин, ночь и тишина.

* * *

Далеко-далеко от меня
В юности, в которой бушевала
Страсть, свою свободу обменял
На кольцо из желтого металла.

Я его нечасто надевал,
Все-таки оно не отпускало.
Сколько в жизни сил моих отнял
Круг судьбы из желтого металла.

Золото потускло, побелело
В бороде моей, как дань годам.
Лето нашей жизни пролетело —
Золотое с желтым пополам.

Да не все печали в жизни той,
Уж не в радость мне судьба иная —
Девочка смеется золотая
И мужает мальчик золотой.

* * *

Облако, похожее на рыбу,
Вместо глаза сделало луну.
Я ночную водяную глыбу
Битый час уж к берегу тяну.
Два весла и весело и ходко
Вторят набегающей волне.
И моя оранжевая лодка
В унисон оранжевой луне.
Можно много говорить о рыбе,
Я скажу лишь маленькую часть —
Было б хорошо, коль иногда могли бы
Люди так же, как она, молчать.
Мы, наверно, все без исключения,
Исключение странностью сливет,
Плыть всегда желаем по течению,
А она наперекор плывет.
Сколько непонятого на свете,
Но везде связующая нить.
Люди прежде выдумали сети,
Чтобы в них потом и угодить.
Облако с луною, рыба ли
Уплыло, растаяло во мгле.
Не спеша, согнувшись в три погибели,
С лодкой я шагаю по земле.
Быстро сохнет память, точно весла,
Только я забвенью не предам
Луну-рыбу, купол этот звездный —
Чтобы возвращаться к берегам.

* * *

Теперь во сне я вижу реже
Пейзаж родимой стороны,
Где смоляная лодка режет
Дорожку розовой луны.

Где ветер из-за Волги мчится
И треплет кроны тополей.
Работает и веселится
Который век село — станица,
Деревня Горный Балыклей.

Где предоставленные зною
Арбузно-дынны поля
И серебристою волною
В степи разливы ковыля.

За солнечным лучом последним
Встает зеленая звезда.
Не уезжавший никуда,
Я там живу двадцатилетним.

* * *

Вечер. Август. Солнышка дорога
За моей спиною пролегла.
На себя надеюсь и на Бога,
Волгу преодолевая вплавь.
Через волны, словно дуги лука,
Я скольжу натянутой струной.
Не навечно с берегом разлука,
Вечно только небо надо мной.
И до середины тут доплыть непросто,
Я прилягу на спину на отдых.
Здесь когда-то был красивый остров,
Люди к нему плавали на лодках,
Из годов тридцатых дальней дали,
Совладавши с водяным простором,
Берегу родимому махали
Мои дяди — Николай с Егором.
Преодолена и мной была стихия
В бесконечном множестве потоков.
И о том свои стихи я
Написал на память для потомков.
Иногда и сам я вспоминаю
Тот далекий августовский вечер,
Где я не от солнца уплываю —
Через шар земной плыву к нему навстречу.

* * *

Как все же приятно поесть на природе,
Не то, что обратно домой по волнам.
Я к ним привыкаю, привык уже вроде.
Жаль, скоро скажу до свиданья холмам.
И снова столкнусь с перекрестьями улиц,
Где город диктует условия нам,

Опять замолчу, и согнусь, и ссутулюсь,
И вновь захочу я проплыть по волнам.

Потянется год, изнурительно долгий,
Мгновенной минутой короткого дня,
А там, у родителей, в доме на Волге,
Уже ждут краски меня.

Дела и заботы оставлю за кадром
И снова сбегу от оков и обуз —
Где плещет волна, пламенеют закаты,
И оду сложу о тебе, балыклейский арбуз.

* * *

Огромный холм дышал огнем,
И на пути к вершине
Нашел я камешек на нем,
Лежавший средь полыни.
Когда его я в руки взял,
В нем раскаленный день
Веков истомой остывал
С мечтою о воде.
И этот камешек-огонь
В тот день, что плыл над степью,
Соединил мою ладонь
С многовековой цепью.
Быть может, здесь монгольский хан
К сраженьям зрил дорогу
И русский путник отдыхал
С благодареньем Богу.
Я только лишь предполагал,
А значит, мог соврать я —
Что этот камешек мечтал
Попасть к речным собратьям.
Но, описав дугу, рука
Его метнула с кручи
Вниз, где великая река
Несла поток могучий.
И белой пеной облака
Легли по вертикали.
Земля, и воздух, и река
Ему салютовали.
Он долетел до тех камней,
И тонкой сетью линий
С небес спускался дождь ко мне,
Как ангел с тучи синей.

* * *

Не ямб, амфибрахий и дактиль,
Анапест, а также хорей —
Стихов моих главный «редактор» —
Лишь ветер горячий степей.

В них нет золоченой оправы,
И рифма проста и легка.
В них плещет волна и колышутся травы,
Плывут над холмом облака.

В них память к родимому дому
Грустит, но с надеждой живет
Мой голос, не чуждый земному,
В них тихую песню поет.

ПЕСНЯ О РОДИНЕ

Когда спросите, что за цветок
Самый лучший. Тогда без уловок,
Не совсем разумея в том толк,
Вам отвечу я: синеголовок.
Не совсем разумея в том толк,
Я отвечу вам: синеголовок.

Верно: он в окончании сник,
Но ведь так это только лишь пишется —
Так красиво и стройно его головик
Среди трав, возвышаясь, колышется.
Посмотрите, как стройно его головик
Среди трав, возвышаясь, колышется.

Так ответил, быть может, и каждый из нас,
Кто живет на земле этой древней,
Где дыханье степи и холма крутизна,
И над Волгой родная деревня.
Где дыханье степи и холма крутизна,
Там над Волгой — родная деревня.

В этом шарике маленьком цвет синевы
Как в афганском живет лазурите
Может, чудо-цветок другой любите вы,
Но о том уже вы говорите.
Если чудо-цветок другой любите вы,
То о том уже вы говорите.

Если в дальней дали снова спросите вы:
Самый лучший — он все же который?
Вспомню синий цветок и небесную высь,
Дом родной и родные просторы.
Синий вспомню цветок и небесную высь,
Дом родной и родные просторы.

БЕГИ, БЕГУН, БЕГИ

Пускай судьбы подчас
Объятия туги —
Живем лишь только раз.
Беги, бегун, беги.

От хворей и от травм
Себя убереги.
Среди цветов и трав
Беги, бегун, беги.

Средь городских дорог
Наматывай круги.
Будь весел и не строг,
Беги, бегун, беги.

И глупостью любой
Не забивай мозги.
Будь сам самым собой,
Беги, бегун, беги.

И близким и чужим
Не поминай долги.
Пусть будет лучше им,
Беги, бегун, беги.

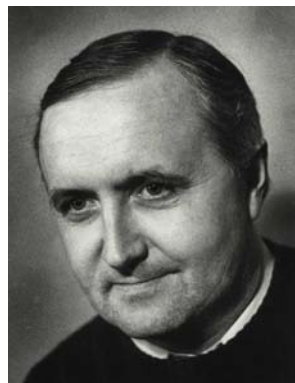
За праздничным вином
Друзья, а не враги.
Но если и потом
Беги, бегун, беги.

Ненастье за окном,
И не видать ни зги.
Не размышляй о том,
Беги, бегун, беги.

Цвет неба голубой,
Легки твои шаги.
И марафон как бой!
Беги, бегун, беги.

С утра болит спина
И встал не с той ноги.
Зовет тебя страна —
Беги, бегун, беги !
Коль нет уж сил, шепни:
«Спаси и помоги!»
Пусть на исходе дни,
Беги, бегун, беги!

Владимир Сапожников

* * *

Моя родная, милая, прости,
Что я не тот, как прежде. Стал спокойней.
И что меня труднее завести,
И возраст представляется преклонней.

Все чутче просыпается душа,
От плевок зерна чистятся все прощя...
Лишь ты одна, как прежде, хороша...
Но реже тянет заблудиться в роще...

ПЕДИАТРАМ

Души отнятых у смерти
Нас защищают в беде.
Чьи-то спасенные дети
Ходят за нами везде.

Любят, работают, спорят,
Снова рожают детей...
Всех, кто нуждается — лечим! —
В этом призванье врачей!

* * *

Не могу я измениться,
Стать бездушным и слепым.
Не удастся примириться
С миром пошлым, подлым, злым.

Не исплюю водицы мутной,
Не умру в чужой земле...
За Россию стану грудью,
Если надо, как и все!

Не могу переродиться —
Стать нерусским — не могу!

Разгуляться, вдрызг напиться,
Разодраться — я смогу!

Как могу влюбиться страшно,
Даже разум потерять,
Когда все вокруг неважно,
Только б милую обнять!

Нужно люто ненавидеть —
Подлецам спускать нельзя!
Но боюсь всегда обидеть
Тех, кто есть мои друзья!

Не могу я измениться:
Стать безмозглым, лживым псом —
Иноземцам покориться,
Позабыв про отчий дом...

* * *

Проснулись — а Союза больше нет...
Была страна — и сгинула мгновенно...
Ненужным показался партбилет,
Да и сама идея стала тленна...

Опять живем, отдавшись сатане,
И смотрит Бог на это с укоризной...
Вот только не проснуться бы в стране,
Которая вчера звалась Отчизной!

На книгу В. Ф. Пахомова «Твердь родимая»

Я плакал над его стихами...
Переставал читать... Не мог...
В них наша боль со всеми нами,
Забывтой Родины порог.
Мне строки рвали сердце, душу,
И снова проклинал себя...
Такой поэт России нужен,
Когда расплачешься, любя...

Памяти отца-фронтовика

Всю жизнь проскрипел на протезе,
Вернувшись безногим домой.
Сбивалась культа от железа
До крови, до раны порой...
Отец все терпел, зубы стиснув...
Лишь ночью от боли стонал...

Уйдя раньше срока из жизни —
В гробу без протеза лежал...
Хоть здесь полегчало немного...
Нет сил больше тяжесть таскать...
В последнюю эту дорогу
Не надо терпеть и стонать.

* * *

Я помню — мне сказал отец:
— Чего бы в жизни ни случилось —
Не изменяй стране, малец,
Мы за нее на фронте бились...

Отец теперь в сырой земле
Лежит на кладбище далеком...
А тот наказ — всегда при мне,
Без срока давности... Без срока!

* * *

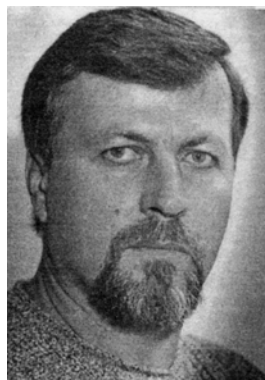
Рожают хилых деток
 курящие бабцы,
Плодят себе подобных
 испытые отцы...
И не видать просвета...
 — Русь! Катишься куда!?
И не слышать ответа...
 В том горе и беда!

* * *

За это вот не нужно волноваться,
Мы олигархам Русь не отдадим!
И будет синь в озерах кувыраться,
И в душах смрад мы тоже победим.
Родит народ того, кто все поставит
На место, разобравшись с чернотой...
Кто все вернет и все в стране поправит,
И воцарит порядок и покой...

НАШИ СОСЕДИ

Иван Тертычный
(Москва)

НОЧНОЕ ОКНО

Мне казалось: за ним обитает огромное
счастье —
Необычные люди, особенный лад...
И живущие там не пугаются смерти и
власти,
И, усевшись за стол, о любви говорят.
И одеты изысканно: в духе дворянской
культуры.
А на стенах — картины, к багету багет.
На портретах, конечно, не Марьи,
не Клавы, не Шуры:
Этот — граф, этот — князь, ну а этот —
поэт...
Как хозяйка мила! Угощает вишневым
вареньем —
[И детей, и гостей, улыбаясь «своим»].
Завершается ужин прелестнейшим
стихотвореньем
О влюбленных, уехавших в Ниццу и Рим.
А потом — разговоры: о добром, о нежном,
о милом.
И беззлобные шутки, и сдержанный смех...
Я смотрел на окно — и весь мир мне
казался постылым
Там, в окне, было счастье, а я был
несчастнее всех.
Но погасло окно — только форточка
хлопнула глухо.
Старый вяз под окном одиноко поник.

А наутро из дома вышла с палкой седая
старуха,
А за нею — угрюмый небритый старик.

ПЕЧАЛЬ ЗЕМЛЯКА

Как жаль, что Москва не столица
Народного духа! И жаль,
Что слабые стали молиться
На заокеанскую даль.

И жаль, что родимые тени
Почти позабыты. А ведь
Они-то умели в смиренье
Пред будущим днем не робеть,

И чувствовать землю ногами,
И чувствовать небо душой.
Москва задыхается в игре,
Вовсю растворяется в сраме,
И каждому каждый — чужой.

* * *

На улице май, понимаешь?
На улице светится май!
Напрасно ты копыя ломаешь.
Не надо... Себя не ломай.

Уйди под зеленую ветку,
Уйди в подзаборную глушь,
Доверься высокому ветру
И блеску невысохших луж.

И вдоволь глаза буквоеда
Простой синевой напои.
Зачем тебе в споре победа,
Когда над тобой соловьи?

* * *

И этот бор с картины Шишкина,
И этот домик голубой, —
Все это так, настолько истинно,
Что посмеешься над собой:

Над сочиненьями поспешными,
Над ленью-матушкой и над
Делами глупыми и грешными...
Так посмеешься, что не рад.

КОГДА НИБУДЬ...

То ли утром седым,
То ли вечером ясным
Стану я молодым
И надеждам подвластным.

Буду чутким, как лист
Придорожной осины.
Буду чистым, как свист,
Свист ночной, соловьиный.

Буду щедро любить.
Буду в слове светиться.
Буду думы копить
И молчанью учиться.

Буду жить, не боясь
Тьмы надмирной. И буду
Терпеливо ждать час
Приобщения к чуду.

* * *

Из Москвы уезжая в Россию
На исходе осенней поры,
Не поддался зеленому змию
И соблазну дорожной игры.

Широко у вагона окошко!
И дорога — железна, пряма!..
Только б денег побольше немножко
И немножко побольше ума,

Чтоб талант не зарыть поспешая
В чернозем лебедянский и чтоб...
А луна-то какая большая!
А какой пробирает озноб!

И шумит набегающий с Дона
Ветерок, оттененный дождем,
И мерцает старинной иконой
Уплывающий в ночь оком...

* * *

Страдал безвинно Дионисий;
И был в своем страданье смел
Наследник Сергиевых мыслей,
Наследник Сергиевых дел.

Страдал... Тянулись дни за днями.
Но наступил сороковой...
И, помолясь в московском храме,
Ушел он к братии, домой.

А то, что дымом на полатах
Душили ироды не раз,
В цепях водили — аки татя
И аки зверя — на показ...

А то, что плюнуть норовили —
Кто побойчей и половчей —
В лицо... А то, что палкой били
Свои — пожестче палачей...

Осудят их и Бог, и люди,
И тьма покроет имена...
А он смотреть с улыбкой будет
На истязателей и на

Простор родных небесных высей,
Прохладных, будто первый снег...
Эх, Дионисий, Дионисий,
Эх, русский, вечный человек!

* * *

Полнеба еще голубеет,
Полнеба погасло давно.
Тягучей прохлагою веет
В открытое настезь окно.

Вот туча сближается с тучей...
Вот яростный проблеск из тьмы!..
А вот и волною гремучей
Накрыло дома и холмы!

А вот и порывом воздушным
Взлохмачен ивняк у реки!
И этим порывам послушны
И травы, и пики куги!

...Полнеба уже голубеет,
Полнеба — мрачней и мрачней...
И ястреб растерянно реет
На грани громов и лучей.

РУССКИЙ

Три дела я сделал сегодня шутя:
Росою умыл дорогое дитя;

Приладил крылечко узорное к дому;
Дал вволю водицы дубку молодому.

Осталось мне сделать четвертое дело —
Придумать слова, чтобы песня взлетела!

* * *

Невелика, быть может, эта радость:
Нешумный дождь, на лужах пузыри...
Но видишь это — и такая сладость!
Такое солнце греет изнутри!

Хоть недолга была твоя отлучка —
Какой-то год, от силы — полтора,
Но как светла дверная эта ручка,
Как будто из литого серебра!

А этот крест простой оконной рамы
Напоминает нам о той поре,
Когда громили хамы Божьи храмы,
Навеки позабывши о добре.

А эти половицы под ногами...
От этих клавиш музыка была!
Когда плясали и когда ночами
К окну босая женщина брела.

А дождь опустошился весь, до капли,
И облегченно тучи пронеслись,
Что ж, погостил неплохо ты. Не так ли?
А музыка окончилась, как жизнь.

* * *

Черную ветку качает дождем,
Ветку качает...
Что ж, постоим, помолчим, подождем, —
Вдруг полегчает.

Холодно. Пусто. И ноет в душе
Горсточка боли.
Надо бы жить... Да неловко уже
Жить поневоле.

* * *

Геннадию Гусеву

Доплыви, человече, до берега,
До хрустящего чистого снега,
Разгребая руками шугу.

Батареи во мгле громыхают.
На мгновенье зарницы взлетают.
Погоди, не хрипи: «Не могу...»

Спотыкаясь, бегу я навстречу
И кричу: «Доплыви, человече!»
Я не дам тебе сгинуть навек.
На мгновенье зарницы взлетают.
Батареи во мгле громыхают.
Еле-еле плывет человек.

Клочковатый туман с луговины
За тобою доплыл до стремнины.
«Не сдавайся! Не смей!..» — я кричу.
Посинелые губы я вижу.
Я бегу. Я себя ненавижу,
Хоть уже не бегу, а лечу.

Посмотрите, добрался до берега!..
И рукою касается снега,
И хрустит, и ломается снег.
Обнимаю, хватаю за плечи,
Бормочу: «Отдохни, человече...»
Незнакомый родной человек.

Виктор Дронников
(г. Орел)

Дронников Виктор Петрович — член Союза писателей и член Союза журналистов. Делегат двух съездов писателей России. Лауреат литературной премии Союза писателей 1992 года, лауреат Всероссийской литературной премии имени А. А. Фета 1995 год. Поэт. Его стихи нашли большое и благодарное признание не только на Орловщине, но и в широких литературных кругах России.

* * *

Бабочка в комнату тихо впорхнула
И заметалась в окне.
Ты на плече моем чутко вздохнула,
Что-то увидев во сне.

Странною мне показалась квартира.
Кто мы, откуда, куда?
Может, и мы из какого-то мира
Вдруг залетели сюда?

Спи, моя милая, я не нарушу
Сон золотой стороны.
Разве удержат летящую душу
Эти четыре стены?

ВЕСНА

У березы оттаяло горло. Весна!
Тень от старой сосны на вершок подлиннела.
У воткнутого в землю обломка весла
За ночь лопасть позеленела.

О, Весна! Кем мгновенья твои сочтены?
День один изменяет твой отсвет:
Нынче — влажно-зеленая прицветь сосны,
Завтра — вербы горчицная отцветь.

Ночью воздух из листьев воздвигнет холмы
И пружинисто вздрогнут над берегом лозы,
Лишь останется белым, как эхо зимы,
Неоттаявший ствол у березы.

* * *

Какой-то странный звук поднял меня с постели,
Шептала ночь свои бессвязные слова.
И травы, и цветы таинственно шумели,
В раскрытое окно дышали дерева.
Я ощутил себя бесплотно-легкой тенью,
Причастной ко всему, что перешло в напев.
Казалось: я цвету за окнами сиренью,
Казалось: я шумлю листвою всех деревьев.
Казалось: что душа совсем меня забыла,
А стала только тем, чем до меня была:
Корнями, тишиной, звездами моросила,
Туманом луговым стелилась и текла.
Но смолкнул странный звук (подобие свирели),
И стала ночь как ночь, какой всегда была.
А в комнате стоял густой настой сирени,
Как запах жизни той, которая прошла.

* * *

После метелей далеко
Видится в белых полях.
Чисто, морозно, высоко
Небо стоит на холмах.
И непонятно откуда,
Словно весна впереди,
Предощущением чуда
Светлое чувство в груди.
Ловишь ликующим взглядом
Заиндевшую высь,
Там, над заснеженным садом,
Иней и небо сошлись
Радостно чувствовать, слышать,
Думать, дышать высотой.
Только бы выстоять, выжить
С этой родной красотой.

* * *

Туманный день растет из недр болотных,
Здесь ягоды на кочках горячи.
И слышно мне, как из глубин холодных
На свет стремятся чистые ключи.
На свет, на свет! И нет пути иного.
Запомню луч и ягоды в горсти,

Чтоб, уходя из времени земного,
Я, как признание, мог произнести:
Среди дождей я жил себе дождинкой,
Среди листвы и мой листок желтел.
Средь ярких трав я просто был травинкой,
Средь облаков я облачком летел.

* * *

Эта жизнь и нежна и груба,
Есть в ней счастье и дикая воля.
Рожь цветет, и кричат ястреба.
На краю потемневшего поля
Разведу одинокий костер
И почувствую вечность губами.
И откуда он, этот восторг
Светом ночи, росой, ястребами?

ГРАНИЦА

Облака плывут, как души,
Кем опустятся с небес?
Хорошо стоять и слушать
Ветер, птиц и снова лес...
Можно лечь в траву и лежать
Думать, что ты есть и кто.
Никого здесь не тревожа,
Не вонзаясь ни во что.
Кто, чего, откуда тащит,
Отрешаясь от всего...
Муравей глаза тарашит,
Ты тарачишь на него.
Божий мир еще творится...
Этот воздух голубой
Как последняя граница
Между Богом и тобой.

* * *

Мы думаем, что жизнь мудрее нас,
И так живем, как будто напоказ.
А жизнь не так мудрее нас, как проще,
Живет снегами, солнцем и дождем.
Она проста, как этот воздух в роще:
Мы дышим им, не думая о нем.

ТРАВА

Ходим и травы не замечаем,
А заметим — смотрим свысока.

Лежа в травах, звезды изучаем,
Улетаем мыслью в облака.

Как бы ни измяли — не беднеет,
Только просит: «Дождичек, пролей!»
Травушке-муравушке виднее,
Кто лежит под нею, кто на ней.

* * *

Было холодно мне от высокого шума
В том почти отчужденном от солнца лесу,
Будто чья-то глухая бессонная дума
Заставляла сверкать и цветы, и росу.
Заставляла шуметь корабельные сосны
И по мгlistому небу лететь облака.
Ворон скрипнул с вершины зловеще и грозно,
Будто что-то сказал на века.
А над всем этим миром один напряженный
Ворон с пристальным глазом, бросающим в дрожь.
Будто время замшело, как мельничный жернов,
Постоишь, и покажется — вечно живешь!
Ах, как сердце мое обо мне заболело.
А пошел я ломиться домой наугад.
Только странное чувство сознанием владело,
Почему-то тянуло вернуться назад.

ДУДОЧКА

Евг. Дербенко

Там, где полоскою алою
Жметя заря к небесам,
Вырежу дудочку талую,
Звуки придумаю сам.

Ты заиграй, безутайная,
Ты передай мой привет
Всем, чья душа не оттаяла,
Всем, кто надеждой согрет.

Ты заиграй с переливами —
Звонче капельных синиц.
Где ты, подружка счастливая
С выпушкой вербных ресниц?

Если услышишь, то выбеги —
Кто там поет — посмотреть.
Я постараюсь на выдохе
Светлую песню допеть.

Словно ничейное перышко
Ветер подхватит напев.
«Здравствуй, весеннее солнышко!» —
Я тебе песню пропел!

ЗА ТУМАНОМ — ИНЕЙ

Молодость махнула мне косынкой синей,
Пал туман на землю там, где осень шла.
За туманом — иней, за туманом — иней,
Вот уже и роща вся белым-бела.

За туманом — иней, а за рощей белой?
А за рощей белой все белым-бело.
Как же это время быстро пролетело,
Как же это рано снегу намело?

Ах ты, роща, роща — предзакатный пламень,
Пух не тополиный на твоих ветвях.
Я висков касаюсь теплыми руками,
Но не тает иней на моих висках.

Ну и пусть не тает. Прошумел мой ливень,
С белыми снегами светлый месяц слит.
Пусть допишет песню кто-нибудь счастливый,
Как над белой рощей белый свет стоит.

* * *

Вот облака летят сухой грядой.
Хочу понять я тайный знак природы,
Не в том, в чем мы различны меж собой,
А в том, какие нас питают воды.

Вот дерево зеленое стоит.
Мы тени одинаково бросаем.
И дерево шумит во мне, шумит,
И в дереве я тоже осязаем.

Хочу понять я жизни естество,
Не в том ее загадочном уходе,
А в том, какое у меня родство
Со всем, что отзывается в природе.

НА ЧЬЕМ-ТО ПОРОГЕ

Посижу на обугленном чьем-то пороге
И представлю последние дни:
Жизнь, как птица, снялась с этой темной дороги,
Улетела в большие огни.

Только старый скворец, обучая младенцев
Подражанию на все голоса,
Вдруг да выразит звуком, как жалобу сердца,
Скрип тяжелого колеса.

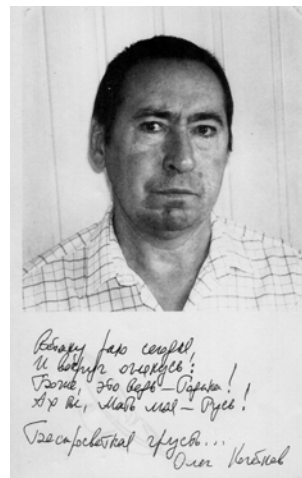
* * *

Выгорает душа без воли,
Как без света подвальный злак.
Кто там свистнул в разбойном поле?
Чей там злобно возжегся зрак?

Кто там в чашах, ночных канавах
Победитель, а кто ослаб?
Чую в пресных измятых травах
Острый запах звериных лап.

Чья здесь песня любви не спета?
Чей здесь вольный сломался бег?
Сизый мох от прямого света
Словно волчий подбрюшный мех.

Олег Кочетков
(Москва — Коломна)

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Родовые корни Кочеткова Олега Владимировича — Рязанская область, Рязжский район, деревни «Дулов луг» и «Шереметьево» (оттуда его деды и бабушки, и отец с матерью). Все летнее детство поэта прошло в тех краях. Родился 5 января 1947 г. в семье фронтовика-рабочего в г. Коломне Московской области. С 15 лет (после окончания 7 классов) пошел работать токарем, слесарем на Коломенский тепловозостроительный завод, заканчивал вечернюю школу. С 1966 по 1969 служил в армии. После армии — слесарь, бетонщик, сотрудник многотиражки на тепловозостроительном заводе, слесарь ВНИТИ (Всесоюзный научно-исследовательский тепловозный институт). Заочно закончил Литературный институт им. Горького. Участник VI Всесоюзного совещания молодых писателей 1975 г. Около 8 лет был ответственным секретарем Творческого объединения поэтов Московской городской организации Союза писателей России. Организовал и вел в Коломне литературное объединение «Зеленые цветы» в память о Николае Рубцове. Рецензировал в издательствах «Современник» и «Советская Россия», работал литконсультантом журнала «Смена». Печатался в многочисленных литературных изданиях: альманахах, толстых и тонких журналах, газетах, различных антологиях, ежегодниках «День поэзии» и т.д. Олег Кочетков — автор книг стихов: «Время настало» — 1977 г. (изд-во «Молодая гвардия»), «Травяная дорога» — 1978 г. («Современник»), «Родное лицо» — 1983 г. («Советский писатель»), «Надеждою ранят» — 1986 г. («Советский писатель»), «Ныне и присно» — 1991 г. («Столица»), «Покатилась подкова» — 1991 г. («Современник»), «Ау, Россия!» — 1991 г. («Московская городская организация СП России»). Лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция» Союза писателей России и Есенинской — Московской городской организации СП России. Член Союза писателей с 1980 г.

Публикуемая подборка стихов — из новой книги поэта: Кочетков О. В. Стихотворения. — М.: «Писатель», 2005. — 86 с.

БЕЛОГВАРДЕЦ

Подскакал на кауруй блестящей кобыле,
Благородной рукой натянул трензеля,
А вокруг уже бабы всюю голосили,
И горело село, и горела земля...
Появилась ухмылка и сразу пропала
На его губошлепых безусых губах.

«Все, отходим, по коням!» — он бросил устало,
 И перчаткой махнул, и привстал в стременах!
 Закачался простор, застучали копыта,
 Ветер сладостной воли хлестнул по щеке,
 Зашумело вослед переспевшее жито,
 И остались дымы за бугром, вдалеке.
 Он скакал, вспоминая душистые плечи,
 И кокетливый локон, и пламенный взгляд,
 Отражались в паркете колонны и свечи,
 Так хотелось ему воротить все назад!
 Он так поздно увидел — былинные шлемы
 С этой яростно-алой летящей звездой!
 От пьянящего чувства запели все вены,
 Но ударила пуля в погон золотой!
 И упал он в цветы, в полевое раздолье,
 Прошептав напоследок: «Эх, воля моя...»
 И глаза заслонила родная до боли
 И воистину кровная эта земля.
 После парень подъехал в шеломе суконном,
 Губошлепый, обветренный, хмурый на вид.
 Посмотрел и сказал: «Надо же, первым патроном...
 Ах ты, дьявол, по-русски как все же лежит!»

1985

РАССТРЕЛ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА

Нет в демократии больше секретов
 Даже для самых дубовых голов:
 Танки стреляют по Дому Советов, —
 Мне не приснится кошмарнее снов!
 Эх, кантемировцы, эх, вы — таманцы,
 Ввек теперь крови с себя вам не смыть!
 Душ возносящихся протуберанцы
 Будут всю жизнь вам глазницы слепить!
 Нет у нас армии, нашей народной,
 Есть холуи, да жующая шваль
 Сникерсо-фанто-ларечного сброда,
 Есть только Бог, да святая печаль.
 Есть только свет, над поруганным краем
 Русского неба, над волей чужой,
 Есть только боль, от которой рыдаем
 Всею бессмертной своею душой.

5 октября 1993

РОДОСЛОВНАЯ

Я ладонь положил на равнину,
 И сквозь кожу пошел смутный гул...
 Долго слушал я песню едину,
 Пока в пряной траве не заснул.
 А заснул — так приснилось такое,

Чему имени нет и конца:
 Раздвигал я пространство рукою
 До забытого ветром крыльца.
 А на нем — не князя да бароны
 И другая дворянская знать:
 Черный ворон бьет долу поклоны,
 А вокруг — никого не видеть...
 И напрасно рука раздвигала
 Пред собою пространства кольцо:
 Лишь одно, лишь одно выпадало —
 Только поле и только крыльцо!
 Хоть лица ускользающий высвет,
 Хоть бы голос неясный, глухой!
 Пусть унижит меня — не возвысит,
 Только б знать: кто, откуда, какой?
 Лишь крыльцо да широкое поле —
 Вот и все... Остальное — темно.
 Нет на свете возвышенной доли —
 Знать, что большего знать не дано!
 ...Я лежал средь притихшей полыни,
 Окуная лицо в облака.
 И лежала рука — на равнине,
 А на сердце — другая рука!

1982

ЗАБЫТЫЙ МЕЧ

Меч Куликова поля
 Вышел в грозу из земли.
 Вышел на свет из неволи,
 Чтоб мы все вспомнить смогли.
 Грянул, широкий и долгий,
 Русскому полю под стать.
 Было от Дона до Волги
 Тяжкое эхо слышать!
 Он пролежал под землею
 Столько бесчисленных лет!
 С ним подходил к аналою
 Дмитрием призванный кмет.
 Прашуру возле Непрядвы
 Выпала честь, исполать —
 Меч нашей правды в неправду
 По рукоятку вогнать!
 ...Дней тех святое понятие
 Ныне — покрылось быльем...
 Взялся за меч — не поднять мне!
 Столько забвенья на нем...
 Ну а душа уже бьется
 Над этим жестом простым:
 Немошь моя — отзовется
 Детям и внукам моим!..

1979

ТРИ БОГОМОЛКИ

Стоял этот дом чуть на взгорке,
Где миру открытая весть.
И жили в нем три богомолки:
Жалость, Совесть и Честь!
Они не молились в столице,
Хоть жили чуть выше Кремля.
Такие открытые лица
Ни разу не видывал я!
А ехали в Лавру златую,
Трясаясь в электричке чуть свет,
Неся свою думу святую.
И так — уже множество лет!
Когда где-то рядом галдели,
Мол, гласность, с каких уже пор!
Они очень грустно глядели
И прятали, молча, свой взор.
А люди в проходах стояли,
И в тамбуре ехал народ.
Заботы веза и печали,
Который, по счету, уж — год!
Стучали колеса на стыках,
Россия текла за окном,
Молчали три светлые лика,
И мы с тобой знаем — о чем!

1984

* * *

А Родина, это — дорога,
Которую грезит стопа.
И запах прогорклого стога,
И дедовская изба.
А Родина, это — причина
Скупых, набегающих слез.
Невысказанная кручина —
Смеркающихся берез.
И даль перед небом единым,
И небо над далью одной.
Весь этот простор журавлиный,
Пронзающий сердце виной!
А Родина, это — забвенье,
В крови растворенная соль.
Отчаянье и запустенье,
И безысходность, и боль.
Молчанье на самом надрыве
Сознания, как сказочно нищ!
И яма в репьях и крапиве
На месте родных пепелищ.
И этот задумчивый ветер,

Коснувшийся сумерка, лба.
И скрип усыхающих ветел.
А в общем-то, это — судьба!

1988

РУБАШКА

Почитай, что остался лоскут
От рубахи когда-то веселой...
И дожди над равниною голой
Поредевшие травы секут.
Засорило всю душу листвою.
Ты ж, склонившись над брэнною тканью,
Целиком отдаешься старанью —
Терпеливо мерца яглой.
Располынное счастье мое!
Всю-то жизнь мне рубашку латаешь,
Словно помнить и знать не желаешь,
Что родился на свет — без нее!

1999

НА ПРОГУЛКЕ

Ну что, хромоногий дружище,
Так скорбно глядишь на меня?
Осталось одно пепелище
От нашего ясного дня.
От нашего крестного хода
И стати державной, святой,
И от золотого народа —
Один только нимб золотой!
Одно только гордое имя...
Хоть к небушку руки воздешь!
Столица с огнями чужими
Да пустошь родных деревень.
Как славно, что жизнью иною,
Дружище, твоя занята.
Трусцой ковыляешь за мною
И веешь вопросом хвоста.
Вживаешься в мир этот брэнный,
Как тошно в душе и вокруг!
Мы были — надежда вселенной,
А ныне изъяли наш дух...
Куда же теперь нам, мой верный,
Последний мой преданный друг?

1997

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ТРЯПКИНА

Огнекрылый велесов певец,
От Перунова древнего древа,

Ты — последний духмяный светец
Стародедовского напева.
Ты последний, громовый раскат
От каменьев родимой державы!
Ее волглый, мучительный взгляд,
Полный чести прошедшей и славы!
Как сегодня снега высоки,
Над Россией — такие метели!
Берedit и терзает виски
Скрип далекой твоей колыбели.

18 февраля 1999

ПОДКОВА

Скачет аллюром забытым
Конь, высекая копытом
Искры на мостовую,
В горькую память живую.
Вьется безумное знамя.
Кто там бренчит стремями —
Голь-сирота иль Голицын?
Всякий для пули годится!
За пролетарскую эру?
Иль за царя и за веру?
Эх, покати́лась подкова!
Жалко того и другого...

1988

УЩЕРБНОСТЬ

Все было: и вера, и надежда,
И кожаная одежда,
Чтоб блузу не пачкать в крови.
Но не было только любви!
Был маузер возле колена,
Горячие крики: «Дашь!»
И верность была, и измена,
И чистая правда, и ложь!
И подлая трусость, и храбрость
Безумная, словно те дни.
Спокойствие было и ярость —
Все было, чего ни возьми!
Но что выделялось особо,
Что было всегда под рукой:
Безжалостность, ненависть, злоба!
И только любви — никакой!

1984

СВЯТОСЛАВ

Что же, хоробный мой княже,
Мечешь свой пасмурный взгляд?

Что же, не радует даже,
Что разгромил каганат?
Вдаль все глядишь, будто мнится:
Век обезумевший мой.
Где мне вот так же грустится.
Где каганат твой — живой!
Да, он восстанет из злата
После кончины твоей.
Ты не гляди виновато
И ни о чем не жалеи!
Сделал ты дело святое,
Бью тебе буйным челом!
Славлю как первого воя,
Будут другие потом.
Внуки Дажь-боговы живы,
Первый пример ты явил —
Против вселенской наживы
Выступил и — победил!
Вместе в дружиною дружной
Первый к победе пришел...
— Где он, твой меч харалужный?
...Как же он страшно тяжел!

1984

ЖАЛОБА

Брат ни строчки моей не читал,
И отец не прочел ни строки.
Как-то было все им не с руки...
Значит, плохо себя написал!
Значит, жизни немного легло
И судьбы на издательский лист.
Лишь один развлекательный свист,
И ни холодно, и ни тепло!
Где там души другие завлечь,
Если даже такая родня
Ни черта не читает меня!
Уж какая тут может быть речь?..
Этим вечным простором храним.
Видно, что-то я все сказал.
Торопливым пером молодым
Между правдой и кривдой застрял.
Не дошел и до близких людей,
Вот дела — как бумага бела!
Мама, что ты сидишь у стола,
Как над зыбкой, над книгой моей!

1980

ВЫПИЛ...

Выпил — и сразу к себе — отношенье!
Дали открылись, каких и не знал.
Утром же в мыслях — жестокий провал,
Сухость в гортани и на сердце жженье.
Выпил — и песню родимую вспомнил,
На всю ивановскую заголосил!
И протрезвев — все слова позабыл
И свою бедную голову обнял.
Выпил — и сразу возникла проблема, —
Как человечество в мире спасти!
Утром бы — встать только, Боже, прости! —
Неразрешимая, вечная тема.
Выпил — и вмиг докопался до бездны
Самой мучительной и непростой.
Утром же весь — равнодушный, пустой,
Воспоминания все — бесполезны.
Выпил — и слезы пролил над строкою,
Над отлетевшим кленовым листом.
Будто очнувшись, подумал о том,
Что значит — жизнь? Что же это такое?
Выпил — и ей же — в лицо рассмеялся
Дерзко, бесстрашно: мол, вот я — какой!
К полночи жуткой — прижавшись щекой,
Выпил — и сам над собой разрыдался...

1983

ПОСЕЩЕНИЕ ЭМИГРАНТОМ «ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ» РОССИИ

Топнул ногою — пушистая пыль
Шаг его обволокла...
Поле баз края, дремотный ковыль,
Над головой — облака.
Топнул сильнее — и каблуком
Вмятину сделал в земле!
Вытер вспотевшую шею платком,
Капли стряхнул на челе!
Ну а потом изо всех своих сил —
Топнул! Как будто втоптал
Эту... которую не выносил
С детства, и — ногу сломал!

1986

Вячеслав Боть

ПЕРВОЕ ЛЕТОПИСНОЕ УПОМИНАНИЕ ТУЛЫ: ВОПРОСЫ И ВЕРСИИ

Тула — один из старейших русских городов. Ее история неразрывно связана с развитием Российского государства, становлением промышленности и защитой Отечества. Тулу недаром называют арсеналом и щитом России.

Тула впервые упоминается в Никоновской летописи под 1146 годом. Однако эта дата некоторыми учеными не признается достоверной, считается, что это поздняя вставка в летописный текст.

В 1382 году Тула упоминается в документальном источнике — договорной грамоте князя Московского Дмитрия Ивановича Донского и рязанского князя Олега Ивановича. Из этого источника следует, что Тула была известна еще при золотоордынской царице Тайдуле, т. е. в середине XIV века, а также была известна баскакам. Позднее была захвачена рязанским князем и только в начале XVI века вошла в состав Московского государства. В XVI—XVII веках Тула была важным укрепленным пунктом на южной окраине Московского государства и центром Большой засечной черты.

Однако древняя история Тулы изучена очень слабо. И причина в том, что не сохранилось письменных источников того времени и не проводилось археологических раскопок на территории города и старом городище, у впадения речки Тулицы в Упу. Только в последние годы стало возможным начать археологическое исследование города в связи с созданием Тульской археологической экспедиции и отдела археологии Тульского областного краеведческого музея.

В исторической, географической, энциклопедической и краеведческой литературе, если не известна дата основания города, принято указывать первое упоминание в летописи. Однако вопрос о дате основания Тулы и даже о первом упоминании в летописном источнике весьма сложен и запутан.

Русские летописи XI—XVII веков имели большое общественное значение для своего времени и представляли значительный интерес для изучения отечественной истории. Большинство летописей сохранилось в относительно поздних списках. Известно, что жанр летописи возник в середине XI века, а в начале XII века в Киеве «была создана летопись, не знавшая себе равных в тогдашней Европе по мастерству повествования, разнообразию привлеченных источников» (Д. С. Лихачев) — «По-

весть временных лет» (1113), которая многократно переписывалась. Почти все летописи, ранние и поздние, дополнялись и переписывались. Часто использовались различные источники, возможно, даже не известные нам. Русские летописи изучали В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, А. А. Шахматов, М. Н. Тихомиров, Д. С. Лихачев, А. Н. Насонов, Б. А. Рыбаков, Б. М. Клосс и другие.

В работе А. Н. Насонова «Русская земля и образование территории древнерусского государства»¹ упоминание Тулы под 1146 годом рассматривается как позднейшая тенденциозная вставка, сделанная летописателями XVI века в текст XII века. Наиболее тщательное исследование Никоновской летописи провел Б. М. Клосс в своей работе «Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков», который отметил, что Никоновская летопись «представляет наиболее полный свод сведений по русской истории, донесшей в своем составе целый комплекс известий, неизвестных по другим источникам.» Б. А. Рыбаков в своей работе «Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи.» подчеркнул, что московским историкам XVI века были доступны разные ценные источники, впоследствии, к сожалению, исчезнувшие². В другой своей работе ««Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве»» ученый отмечает, что в Никоновской летописи на пространстве 1137—1170 годов отразилась более полная редакция южнорусского свода³, а ведь между этими годами стоит 1146.

В свое время С. М. Соловьев, изучавший историю России с древнейших времен и излагавший эту историю в своем обширном труде, сделал интересные примечания: «В Никоновском списке упоминаются еще некоторые города, существование которых в описываемое время нет основания отвергать; так, под 1146 годом упоминаются Тула, Дубок на Дону, Елец, Ростиславль⁴...»

Известно, что многие летописные своды и списки в разное время дополнялись, уточнялись, исправлялись. Никоновская летопись также дополнялась различными источниками, некоторые из которых нам неизвестны. Возникает вопрос: почему в Никоновской летописи под 1146 годом упомянуты несколько городов, а Тула берется под сомнение. Елец, например, свою дату отмечает, Мценск — тоже. Кроме того, упоминание Тулы под 1146 годом отмечают все энциклопедии: как старые, так и новые, как общие, так и частные, специальные — исторические, географические, военные. К примеру, эту дату называют «Советская Историческая Энциклопедия»⁵, а также многие энциклопедические словари и справочники. Эта же дата встречается в трудах многих историков и в краеведческих работах. Известный тульский историк-краевед И. Ф. Афремов отмечает: «По истории Тула старше Москвы, имя ее в летописях известно уже городом... Древняя зависимость ее от Рязани дает повод думать, что первое основание Туле положили рязанские удельные князья, построив в исходе XI или в начале XII века дубовый острог /городище/ при впадении речки Тулицы в реку Упу, для воинской стражи и собирания податей с окрестных лесных жителей,— предков наших вятичей»⁶. И далее: «Первоначальное место построения Тулы ныне под оружейным заводом; к имени заводской церкви — старого Воскресенского собора, в описях всегда прибавляется: «что на городище»⁷. Известный историк и краевед, доктор исторических наук, профессор В. Н. Ашурков не раз обращал внимание на возможность существования Тулы в XII веке. Он писал: «Мы, однако, не имеем дос-

¹ Насонов А. Н. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 209—210. Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 3.

² Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 186.

³ Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 272—274.

⁴ Соловьев С. М. Сочинения. Книга вторая. История России с древнейших времен. Тома 3—4. М., 1988. С. 308.

⁵ Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М., 1973. С. 478

⁶ Афремов Ив. Историческое обозрение Тульской губернии. 4.1. М., 1850. С. 122.

⁷ Там же. С. 123

товерных сведений, что Тула как город существовала уже в то время. Это не исключает, впрочем, того, что при слиянии рек Упы и Тулицы могло быть укрепленное поселение — городище, которое на случай опасности служило убежищем для окрестного населения. Над низкими топкими берегами реки возвышались земляные валы, на которых тянулся частокол из толстых бревен; глубокие рвы, проходившие почти вплотную леса обеспечивали защиту. Эта местность на правом берегу Упы надолго сохранила название «Старое городище»... Трудом самих русских людей, которые стремились обезопасить свой мирный труд, свои семьи от нападения врагов, и был создан небольшой городок Тула, затерявшийся среди лесов и болот»⁸. Позже исследователь отмечал: «За расширение своих владений, за «золотой Киевский стол» долго и жестоко боролись потомки Владимира Мономаха и черниговские князья Ольговичи. Описывая военные действия противников, Никоновская летопись под 1146 годом сообщает: «Князь же Святослав Ольгович иде в Рязань, и быв в Мценске, и в Туле, и у Дубке на Дону...». Так впервые появляется на страницах истории Тула. Правда, дата эта рядом исследователей подвергается сомнению и нуждается в дополнительном подтверждении»⁹.

И далее: «Многообразны и сложны были пути образования древних русских городов. Быть может, Тула первоначально была одним из укрепленных поселений вятичей и лишь много позднее стала городом в подлинном смысле этого слова, т.е. центром ремесла и торговли, обслуживавшим примыкавшую к нему округу. В пользу этого говорят позднейшие свидетельства. Писцовые книги по Туле XVI—XVII веков отмечают при впадении речки Тулицы в реку Упу «старое городище» — место, где некогда было укрепленное поселение»¹⁰.

Возлагая большие надежды на археологов, мы уже отмечаем первые положительные шаги по изучению древнейшей истории Тулы. Об этом свидетельствуют доклады тульских археологов на археологической секции научно-практической конференции в апреле 1996 года и опубликованные в сборнике «Тула историческая: прошлое и настоящее». — Тула. 1997:

1. В. П. Гриценко. «К вопросу о месторасположении летописной Тулы»;

2. А. Н. Наумов. «О двух подходах к вопросу месторасположения древней Тулы в тульской историографии XIX века»;

3. О. Н. Заидов. «Грунтовые могильники Старотулицкого городища».

В этом же сборнике опубликован доклад доктора исторических наук В. Л. Егорова «О времени возникновения Тулы», прочитанный на заключительном заседании конференции в сентябре 1996 года. Автор, отмечая отсутствие сведений о Туле и Ельце в «Списке русских городов дальних и ближних», составленном в конце XIV—начале XV вв., делает вывод: «Это может свидетельствовать о том, что оба города еще не существовали на момент составления «Списка» или еще не вошли в состав русских владений» (С. 31). Может, действительно, еще не вошли, но автор склоняется к тому, что еще не существовали.

И далее следует еще один вывод: «Практически 650 лет тому назад на Руси появилось первое огнестрельное оружие. И 650 лет тому назад возник город Тула, которому суждено было стать одним из главных центров создателей этого оружия» (С. 33). Все это прозвучало в докладе в 1996 году. Следовательно, в 1346 году уже было на Руси огнестрельное оружие. Возникает вопрос: почему же его не использовали русские воины в Куликовской битве 1380 года? А дело в том, что огнестрельное оружие на Руси применялось с конца XIV — начала XV вв. (пищали крепостные и ручные).

⁸ Ашурков В. Н. Город мастеров. Тула, 1958. С. 4–5.

⁹ Ашурков В. Н. Страницы Тульской старины. Очерки по истории Тулы. 1146—1917 гг. Тула, 1988. С. 4.

¹⁰ Там же. С. 5.

Наиболее раннее известное нам упоминание о применении его относится к 1382 году — при обороне Москвы от орд хана Тохтамыша». ¹¹ Тула же была известна и ранее, в середине XIV века, а тульские оружейники стали известны с конца XVI века. Следовательно, возникновение Тулы не связано с производством огнестрельного оружия. Возможно, это было укрепленное поселение для защиты от набегов кочевников, возможно, разорилось ими, может, поэтому «о ней молчат страницы летописей, она не отражена и в каких-либо археологических памятниках» (В. Н. Ашурков).

В ряде работ о древней Туле встречается логическая ошибка — подмена термина: город как центр производства оружия, ремесла и торговли или укрепленное поселение в земле вятичей, или золотоордынский административный центр. Отсюда — и разночтения и различные толкования.

В последнее время были опубликованы по истории древней Тулы и другие материалы. В «Тульском краеведческом альманахе» (Выпуск 1.— 2003) появились следующие статьи:

1. В. Гриценко и А. Наумов. «Древняя Тула. Проблемы локализации и истории»;
2. Н. Фомин. «Тула и Никоновская летопись»;
3. Г. Присенко. «Главные события истории Тульского края и города Тулы с древнейших времен до середины XIX века в фундаментальных исследованиях местных авторов».

Несомненно, эти работы представляют большой интерес.

Дальнейшие изыскания могут прояснить древнюю историю нашего города, время образования и место его расположения.

Дата первого летописного упоминания Тулы в какой-то мере условна, как и даты первого упоминания многих других городов. Однако наши исследователи, историки и краеведы должны продолжить изучение древнейшей истории Тулы, не отвергая 1146 год.

¹¹ Большая Советская Энциклопедия.— Т. 2.— М.— 1970.— Стлб. 780.

Виктор Греков

ВОСТРЕБОВАННЫЕ ВРЕМЕНЕМ, ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗ ЗАБВЕНИЯ

*И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.*

А. Пушкин.

И все же, есть,— есть же, есть! — в богохранимой судьбе Ивана Васильевича Киреевского что-то от жития святого Павла, апостола Христова. Пусть и всего лишь отблеск. Ответ! Но — есть...

Скажите, возразив: эка, хватил! Ан, нет же, нет. П о д л и н н о, Иван Киреевский, пребывая в лучах сияния духовных спасителей мира сего, светел какою-то неизбывной страстью жертвенности во имя спасения душ человеческих, во имя утверждения идеалов Отечества, вселенской незыблемости Православия.

Итак, был в миру Савл,— очень изобретательный гонитель христиан. Однако выпало ему испытать некое житийное потрясение, и... планета его мировоззрения как бы сошла с оси, и он сделался поборником идеалов Нового Завета. Более того, пострадал за веру.

И вот что любопытно. Если учение Иисуса Христа, условно говоря, это космос, то в совокупности «Послания» св. Павла — это материк, это земля обетованная христианства.

А Иван Киреевский?

Поклонник Канта. Достойный ученик немецких профессоров. Приверженец Гегеля, с которым был лично знаком. Причем, Киреевский — достойный сын своего отца — известного масона екатерининской эпохи. И в д р у г — резкий поворот к православию. Поворот к глубоко национальным, а не к неким, так называемым общечеловеческим ценностям. Будто сама мать-Россия призвала его к служению отеческому. И он счастливо услышал этот зов и откликнулся.

Долог, драматично долог был путь его от протестанского рационализма к православию.

И тернистым оказался путь Ивана Киреевского из-под пленительного влияния Европы к России. Путь, кстати заметить, поруганный просвещенными его современниками.

Село Долбино Калужской губернии — одно из старинных, известных в округе промыслами, знаменитыми ярмарками, своеобразным укладом. Сюда, на огромное торжище, съезжались крестьяне и тороватые купцы из ближних Козельска и Белева, Болхова, Орла и Лихвина, а также из многих других мест и селений. Оно стало родной и колыбелью ярких талантов братьев Киреевских, Ивана Васильевича и Петра Васильевича.

Их отец, Василий Иванович Киреевский — человек своего времени. Служил в полку, рано вышел в отставку. Будучи домоседом, собрал приличную библиотеку,

много читал, увлекался химическими опытами, и... в меру занимался обширным хозяйством, впрочем, был не строг, провинившихся крепостных наказывал справедливо и мягко — по-христиански.

Мать, Авдотья Петровна, урожденная Юшкова, доводилась Василию Андреевичу Жуковскому племянницей; пережила рано умершего своего мужа, вышла замуж, повторно, за Алексея Андреевича Елагина.

Детство братьев было счастливым. Они были окружены заботой и вниманием старших в семье. Но отчего же был долгим путь Ивана Васильевича к православию? Ужель не в благочестивой семье воспитаны были они с братом? Как происходил их духовный рост?

Какова же интрига? Где коренится главная причина драмы, постигшей Ивана? Ведь отец, Василий Иванович, слыл человеком образованным; был гуманистом по убеждениям, а медицину изучал пристрастно, — и не случайно, что стал он доктором по призванию, и, кстати отметить, таким доктором, что в 1812 году ему был доверен пост главного врача госпиталя в Орле.

В этой связи уместен и еще один, характерный для той эпохи штрих: Василий Иванович, отчаянно борясь с разразившейся эпидемией тифа, заразился все в том же грозном 1812 году и умер в Орле.

Детей Василия Ивановича и Авдотьи Петровны окружала уникальная среда. С одной стороны, ярмарочная пестрота и патриархальная самодостаточность быта села, расположенного в живописнейшем месте, на крутояре холмистого берега речки Вырки, притока Оки, однако находящегося от губернского города «за горами, за долами», посреди непроходимых лесов. Не случайно село Долбино называлось в просторечии — «Черная Пятница». С какой стати? А потому, что пятница — это торговый день. Не р а б о ч и й. Тяжелый. Ярмарочный люд на площади как клокочущее море. А неподалеку — «церковь Живоначальная Троицы да Успения Пречистыя Богородицы». Любопытно, не правда ли? — какой из двух церквей, по сути дела, ансамбля из двух, отдать предпочтение?

Легенда приписывает церкви интересные основания и причины расположения сразу двух церквей в одном ансамбле храма. Суть в том, как повествуется в своеобразной легенде о происхождении церквей, что в связи с тем, что храмовой праздник в селе — это день Св. Троицы, и так как здесь с незапамятных времен есть весьма чтимая в окрестности икона Успения Божией Матери, то строитель церкви, «видимо, не стеснявшийся в средствах, судя по сложенным одновременно приделам, пожелал выстроить две одинаковые церкви во имя св. Троицы и во имя Успения Божией Матери...».

Таким образом, даже в строительстве храма проявились в Долбино свои характерные особенности и, в свою очередь, некоторым образом, а, возможно, и существенно, повлиявшие на формирование местных нравов.

С другой стороны, — в Долбино велико было влияние домашней обстановки, семейного уклада. Киреевские жили в просторном, если не сказать, о г р о м н о м, барском доме, в котором книги составляли приоритетную и предпочтительную часть бытия, а увлечения Василия Ивановича научными опытами составляли главную часть духовного содержания.

То есть, ярмарочная стихия, многокрасочная, неистребимо шумная, не ведающая берегов, и домашняя утонченность вкусов, направленное времяпрепровождение, когда чтение заполняло досуг домочадцев — и все это посреди напевной природы с неброскими и душевно привлекательными пейзажами, с заречными далями неоглядными, когда очаровывало все: от пойменного, светло украшенного луга до темного леса над горизонтом, дубовой рощи на склоне и звонкой околицы с одинокой ветлой при дороге. А еще со снегами в зимнюю пору, когда домочадцы любили посумерничать под дремное завывание ветра в печных трубах.

Сказывают и ныне, две сотни лет спустя, что барский дом с просторными и многочисленными комнатами, в которых можно было и заблудиться невзначай, зимними долгими вечерами, засидевшись в одиночестве, можно было услышать где-то, за анфиладами комнат и тесных переходов, потаенно-легкие, почти летящие шаги фантастических привидений.

А тут еще и увлечение отца семейства книжками мистического содержания, идеями масонства, и все — на языках европейских; его же философические упражнения, его романтические раздумья и наезды гостей, чаще всего гостей того же круга и тех же интересов.

И что удивительно и любопытно в этом калейдоскопе: сказывали, что хозяин наказывал за провинность своих дворовых тем, что ставил у иконы с тем, чтобы они клали многочисленные поклоны. Но в то же время собственные дети вольно или невольно возрастали не без влияния германского протестантизма.

В эту особенную атмосферу вносил дух живых перемен Василий Андреевич Жуковский, посещавший Долбино.

Более того, в 1814 году поэт поселился в доме Киреевских и на время стал воспитателем Ивана и Петра. Будучи известным, он не порывал с кругом друзей, по сути дела, с детьми известных масонов. Много в этом кругу значило одно только имя — директора Московского университета Ивана Тургенева.

А если прибавить еще и имя известного масона Лопухина, фактически являвшегося духовным наставником Жуковского, то станет понятно, отчего, в частности, Иван Васильевич не мог длительное время выйти на тропу к православному храму. Кстати отметить, что и Василий Андреевич, спасаемый Богом, отошел-таки от влиятельных особ масонского двора, медленно, исподволь, как бы плавно растворился в лучах православия, — но это произошло в глубоком возрасте.

Однако был и еще один человек, пришедший, в частности для Ивана Киреевского, как бы из внешнего мира, но сопредельного, который силою внутренней своей логики подвинул к сакраментальному, к решающему выбору, побудил трудиться над основополагающими принципами устройства, с одной стороны — русского, православного, с другой — западноевропейского.

В сущности, это, последнее в ряду перемен, и сделало кардинальный поворот в отыскании принципов устройства души национальной в русской мысли. В равной степени, противники его теории, апологеты западничества, особенно в лице П. Чаадаева, предстали пред широкой общественностью не поборниками передовых идей, а, напротив — как бы ни парадоксально это ни звучало, — циниками от революции.

Что произошло?

И. В. Киреевский, после неудачной попытки издавать журнал «Европеец» пребывает в новых мрачных раздумьях, хотя опять подвергается искушению со всею страстью литераторскою подвизаться в каких-либо столичных журналах. Но женитьба на той, к которой были обращены в последнее время все его горячие чувства, к Наталье Петровне Арбеновой, внесла и в быт, и в суждения о подлинной, а не о призрачной, национальной культуре существенные коррективы. Он основательно пересматривает свои ранее высказанные суждения и обращается к церкви.

Накапливаются знания по истории религии, множатся собственные заметы по существу прочитанного, штрихи аналитических оценок происходящего вокруг и в философии как науки познания. Расширяется круг близких ему людей, — подлинно верующих, воцерковленных, прокладывается тропа в Оптину пустынь под Козельском.

Пытливый ум, а если точнее, прозренное сердце Ивана Киреевского ведет его через новые испытания, и он становится в этих перипетиях более чутким к пульсу отечественной мысли, — русской мысли! — приглушенной и опошленной в годы пет-

ровской эпохи, когда на потребу якобы очищения от мракобесия и во имя приобщения к западноевропейской культуре, попирается все традиционное, имеющее национальные корни в глубокой древности.

Порой у современников Ивана Васильевича складывается впечатление, что он в своих исканиях прошел за добрую часть своей жизни весь тернистый путь Святой Руси.

Были ли у него на этот момент противники? Оппоненты?..

Были! Да еще какие! Тем более, у родного очага. Отчим, А. А. Елагин, ортодоксальный нигилист, хотя и герой войны 1812 года,— бравировал тем, что напрочь отрицал божественность Иисуса Христа.

Но все одолела, превозмогла из суетного и одиозного, отринула навязанное домашним окружением, и с трудом, однако протиснувшись все же к искомому ищущая его, пытливая мысль. И в этой цели исканий находится одно звено, принадлежащее к истории Белева. В 1839 году, устремленный к цели приносить хотя бы малую пользу Отечеству, Иван Васильевич с готовностью возлагает на себя предложенную ему должность Почетного смотрителя Белевского уездного училища.

На первый взгляд непосвященного, тем более еще и скептика, этот его шаг мог бы показаться несколько странным и непоследовательным. Но есть одно «но». Белевское уездное училище было предназначено для обучения детей ремесленников и прочих людей разнообразных промыслов, вплоть до чад крестьянского сословия. Как это логично согласовывалось с тем, что в раннем детстве душа мальчиков, Ванюши и Петруши, входила в соприкосновение с бытом и укладом дворовых, крепостных крестьян, купцов и мастеровых округа, включая Белев, Болхов, Козельск, Лихвин с волостями и дворянскими усадьбами.

И как естественное продолжение порывов души, отзывчивого на людские страдания сердца, стало его обращение к попечителю учебного округа С. Г. Строганову с программной разработкой методов и принципов просвещения в Отечестве. Назывался этот документ просто: «Записка о направлении и методах первоначального образования в России».

Речь здесь главным образом опять-таки не о реформе просвещения как такового, а об воцерквлении самого образования народа. Как в этой связи не обратить взоры наши на большевистские преобразования в народном просвещении и в этой же плоскости на реплику А. И. Солженицына, что в СССР существовала «образованщина», а получившие дипломы по окончании вузов — «образованцы».

Не с этой ли точки зрения и сами труды Ивана Васильевича считались, с легкой руки комиссаров от образования, по меньшей мере нематериалистическими, оторванными от реальной жизни. А само славянофильство (как движение мысли) — заблуждением?

Что главное в выдвинутом Киреевским принципе? Это — просвещение не только ума, но — сердца.

В 1854 году Иван Васильевич обращается теперь уже к министру народного просвещения с запиской — «О нужде преподавания церковно-славянского языка в уездных училищах». Что это в чреде исканий? Не постулат ли евангельского толка о том, что в начале было Слово?

Но ограничился ли чрезвычайно деятельный теперь Иван Васильевич программно-административными «записками» в инстанции по службе? Ничуть не бывало! Он дискутирует в кругу друзей и близких по духу; он спорит с Алексеем Степановичем Хомяковым по поводу статьи последнего «О старом и новом»; и в этот водоворот ошибки мнений и позиций втягивается все большее число лиц, кому далеко не безразлично, какими путями пойдет Родина; а ведь приближалась та черта в общественном самосознании, когда империя избавится от крепостного права.

Поиск н а п р а в л е н и я в общественном обустройстве, в устроении жизненного уклада, а стало быть (и прежде всего!), устроении души человеческой, Иван Васильевич Киреевский утверждает, что только философия христианства может служить основанием народному образованию, а в конечном счете — п р е о б р а з о в а н и я м духа империи.

Наконец, он пишет фундаментальную работу — «О характере просвещения России и его отношении к просвещению Европы» (1852 г.). Иван Васильевич Киреевский полагает, что в этом аспекте Европа и Российская империя на данный момент — это два прямо противоположных полюса: в Европе (на Западе) — разделение д у х а , в России — стремление к цельности бытия внутреннего и внешнего.

Незримое на карте России Долбино... Долбино, этакое вместилище безудержного нигилизма, когда и во всей России вита дух наполеонизма, когда царила в умах просвещенного общества идея братства избранных, то есть, — элиты масонских лож, — становится постепенно, под воздействием умоперемены самого ее молодого хозяина, Ивана Киреевского, подлинно маяком на путях р у с с к о й мысли. Сюда летят письма из столиц государства и из-за рубежа; сюда приезжают из Оптинской Введенской пустыни, и прежде всего старец Макарий; сюда стремится Николай Васильевич Гоголь.

Не случайно, мыслящие люди ближайшего окружения Киреевских, в том числе поэты Жуковский и Языков, старец Макарий и старец-иеромонах Амвросий, подводят общественное мнение к мысли о том, что именно здесь, в Д о л б и н о , говоря образно, бьется теперь сердце России.

А как иначе, если сам хозяин сельца, Иван Васильевич, которому досталось оно после раздела имений Киреевских, запишет в дневник: «Господи! Дай мне силы и постоянное желание быть истинным во всех изгибах моего ума и сердца!»

Не о здравии он просит Всевышнего, хотя оно пошатнулось у него, не о счастье бытия (что, собственно говоря, естественно для смертного), не о спасении, а — сил и еще раз сил и постоянного желания «быть истинным во всех изгибах моего ума и сердца».

Вот из какого источника черпается энергия созидания отечественного духа, ибо без силы духа ничего не делается во всем белом свете, и без присутствия духа любое деяние, даже самое дерзновенное обречено на провал, а борьба — на поражение.

На чем, собственно, построен фундамент славянолюбия как направления русской мысли? На споре двух его столпов, Ивана Киреевского и Алексея Хомякова. Сперва Хомяков публикует заметы под заголовком «О старом и новом», на что Иван Киреевский откликается статьей «В ответ Хомякову, затем, спустя около 13 лет, Киреевский выдвигает фундаментальную программу «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России», а Алексей Хомяков раздражается не менее устойчивыми тезисами «По поводу статьи И. В. Киреевского».

И воспылало пламя противостояния западников и славянофилов, воспылало так, что искры его долетели до сознания людей XXI века. В столкновении двух великих высекается искра для эпохального зарева над Отечеством. В столкновении двух прямопротивоположных суждений о путях развития национального родилась четко очерченная, какая-то обоюдоострая, беспредельно полемическая, феноменально отточенная фраза: «История других народов — повесть их освобождения. Русская история — развитие крепостного состояния и самодержавия».

Вот уж воистину, прочтешь этакое, и не знаешь, куда глаза свои отвести: все п р а в д а ! А вот кинешь взгляд на изречение А. С. Хомякова, и засомневаешься вновь, кто же более прав, идеологи славянофильства или западничества? «Размножение новых сект, разложение древних исповеданий, отсутствие всякого установившегося верования ... таков в религиозном отношении протестантский мир. Вместо жизни мы находим ничтожество или смерть». О, как беспощаден Хомяков; и, как явству-

ет, эта пронзительность не от полемической запальчивости: сам рок говорит его устами.

Что же, в конце-то концов, это, последнее у Хомякова, п р и г о в о р ? Наверное. Рационализм западного образца вытесняет, выдавливает природное естество из древа истинной веры. Однако, обескуражен и другой апологет западничества, Герцен, бросивший следующее: «Переворот Петра сделал из нас худшее, что можно сделать из людей — просвещенных рабов».

И все же (не в порядке примирения двух противоположностей, а во имя логики русской мысли, аккредитованной в двух противоположных лагерях) — ведь А. И. Герцен, сам ударивший в Колокол вечевой Руси, с тем, чтобы воззвать живых, увидел в славянофилах не недругов своих, а в некоторой степени прорицателей, провидцев и, в противовес П. Я. Чаадаеву, оптимистически настроенных предсказателей. «Они поняли,— опять-таки вопреки всяческой хуле Чаадаева на современную ему, Николаевскую, Россию,— что современное состояние России, как бы тягостно не было,— не смертельная болезнь».

Западники ищут идеалы России за ее пределами, в просвещенной Европе, единятся в масонских ложах, идут на баррикады, зовут в революцию за собой, пытаются устроить республику, свергая монархии, а славяне на крутом изломе эпохи делают поворот в сторону народа. «Выход за нами,— говорили славяне,— выход в отречении от петербургского периода, в возвращении к народу, с которым нас разобщило иностранное образование, иностранное правительство, в о р о т и м с я к прежним нравам».

Но — увы! — еще ни одна река в мире не обратилась вспять. Но — увы! — ни один переворот, в конечном счете, не обернулся народу в целом благоденствием. Где же он, где тот самый «Город Солнца»?

Видимо, прав Александр Иванович Герцен, сказавший относительно славянофилов, что «возвращение к народу они тоже поняли грубо...»

Издатель коллективного автора

Киреевский Петр Васильевич.

Родился 11 января 1808 года в с. Долбино;

умер 25 октября 1856 года в д. Киреевская Слобода Орловской губернии. Создатель первого национального фольклорного свода.

«Авторство почитаю службою Отечеству...» так запишет юный Жуковский, готовясь стать гражданином Российской империи. Его воспитанник по Долбино, Петр Киреевский, подхватил державную мысль об авторстве и стал собирателем устного народного творчества,— творчества к о л л е к т и в н о г о автора, как принято называть фольклорное сокровище любого из народов земного шара. Личностная установка Жуковского преобразовалась у Петра Киреевского в конкретное дело, и он наполнил его реальным содержанием. Ведь Жуковский сказал далее и следующее: «Авторство мне надобно почитать и должностью гражданского, которую совесть велит исполнять со всевозможным совершенством».

Ангельски чистая, подвижнически трудоемкая «должность» выпала на долю Петра Васильевича Киреевского. Она вывела его на глубины народной жизни и, наделив особенным слухом к мелодике песни, вложила в руку вещее перо собирателя фольклора. А еще судьба одарила его талантом организатора кропотливейшей работы фольклориста с большой буквы, талантом Пионера этого дела. А если точнее, то по Воле Божией он стал организатором подвижничества; вдохновителем и ч е р н о р а б о ч и м собирательства.

И знаменательно, что он родился в Долбино, в своеобразном центре языческих

празднеств. Народные гуляния и вечерние посиделки запали во впечатлительную душу мальчика Петруши, и уже во взрослые годы, как бы настоянные на стихийном таланте центральной России, чувства вылились в служение фольклору, а тем самым — родине.

Песни и пляски, энергия поэтического слова, рожденного в недрах славянской души, и каскад шутейных куплетов-прибауток из уст скоморохов, словно из рога поэтического изобилия, ритмичный шут и перестук самодельных трещеток, голос пастушеской свирели — все это манило, притягивало, очаровывало таинственным волшебством дворянских отпрысков, нерасторжимо связывая в цельное — культуру домашнюю, непременно западноевропейского толка, и изначально национальную, от вятическо-сарматских истоков.

Связь культур. Родство культур. Полифония культур. Все эти послы легко и как бы исподволь зримо оживали и преображались в достойное, в цельное под влиянием Петра Киреевского.

Полиглот, Петр Васильевич говорил на семи иностранных языках; учился за границей, где слушал лекции известных немецких философов, переплавляя в сознании полученные знания в конкретное на национальной почве.

В 1832 году он возвращается из-за границы. Дворянин обязан был поступить на службу, но уже гуляло по свету метко-ядовитое выражение, оброненное литературным героем Грибоедова: «Служить бы рад — прислуживаться тошно». Наконец, при содействии В. А. Жуковского, он был принят в Московский архив Министерства иностранных дел актуариусом при комиссии по изучению грамот. Познания его были обширны, занятия переводами Шекспира, Кальдерона позволили отточить литературный вкус, а знакомство с Пушкиным и участие в его судьбе Жуковского подвигнули к фольклору. Языков, как говорили раньше, «надоумил» друга заняться собирательством.

Долбино для Петра Киреевского — начало начал; Долбино — превечный свет в окошке, звонница в заветном восхождении к горнему свету православия. Долбино — удивительная пора поэтического взлета Жуковского, его печаль и святость. Жуковский поселяется здесь после череды неудач, после ударов судьбы, когда он просит руки Маши, но ему вновь и вновь отказывают в этом.

Здесь, в Долбино, Жуковский находит приют, и здесь, в борении двух культур, западноевропейской и сугубо национальной, его поэтический корабль меняет оснастку, и он выходит на простор отечественного Слова. Это была его прекрасная Долбинская пора. Именно отсюда Жуковский напишет другу Тургеневу подчеркнуто краткое, емкое: «Еще жить можно!» (О, сколько раз будет повторено это, ставшее крылатым выражение).

Вот у Пушкина была счастливая Болдинская осень, у Жуковского после стольких житейских несчастий — Д о л б и н с к а я (нет, это не каламбур, так распорядились обстоятельства). Впрочем, и сам он, одолеваемый какими-то, едва ли не суеверными, мистическими какими-то, предчувствиями, напишет о своем душевном состоянии: «Я точно спешил писать, как будто бы кто-нибудь говорил мне, что это последний срок, что в будущем все пойдет хуже и хуже, и что мой стихотворный гений накануне паралича. Дай Бог, чтобы предчувствие обмануло!»

Здесь из-под его пера вышли такие искрометные стихотворения, которые окрасили его творчество в свежие тона, абсолютно исключив мотивы подражания, словно на палитру его словоживописи положила небесная десница все лучшее из народного Храма искусств. Многого стоят его долбинские стихи, рожденные здесь в духе обновленной поэтики, и прежде всего: «Максим», «Ответы на вопросы в игру, называемую секретарь», «Мотивная карусель» (Тульская баллада).

По мере продвижения русской мысли вперед, в какую бы из ниш революционного подъема ни вкладывали декабризм, последующая за разгромом декабристов эпоха останется в умах человечества как логическая реакция государственников с целью

упреждения разгула центробежных сил империи. Другое дело, хорошо ли это или плохо для личности, тем более творческой, вольнолюбивой. Но последовательность, во всяком случае, и с т о р и ч н а : от эпохи Николая I с ее имперским патриотизмом к временам, не менее трагическим, — Александра II.

*Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы дети страшных лет России —
Забывать не в силах ничего.*

Так все это отобразилось в мировоззрении Александра Блока. И это естественно в высшей степени: в годы глухой реакции, в дни духовного кризиса, в часы смятения и растерянности общественность вновь и вновь обращает свой взор на сущность народа, в поиске истины находит истоки его выживаемости. Подвиг Петра Киреевского — характерный тому пример.

Словотворчество тысяч безымянных и одаренных — это Земля обетованная Литературы. Это материк культуры. Отечественные писатели всегда исходили как творцы культуры из генератора устного народного творчества. Если автор талантлив, если его работа со словом от корней отечества, то он непременно испытывает магическую силу в своем творчестве и притяжение фольклора.

В этом контексте следует упомянуть прежде всего Алексея Кольцова, хотя, впрочем. Он сам был гравитационным полем русскости, былинности в своих уникальных песнях. Его песенная поэзия — это естественное, полнокровное, исполненное могучей силы притяжения «мать-сырой земли», продолжение традиции, ее непрерывности во времени самого Отечества и в литературе. Его творчество не просто от корня национальной литературы; оно — альфа и омега ее, причина и следствие подлинно народной глубинности.

*Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!*

Это не клочок земли крепостного и, следственно, закабаленного, замордованного крестьянина, на котором он, клочке этом, от сезона к сезону, пашет, боронит, сеет и жнет. Нет! — это масштабы Руси. И сама степь — это символ шестой части суши с «названием кратким — Русь!» (С. Есенин).

Косарь Кольцова — это вольный человек. Вспомним в этой связи изречение А. С. Пушкина, которое проясняет смысл и глобальность идеи, заложенных в словах «воля».

*На свете счастья нет,
Но есть покой и воля...*

У Кольцова — это прежде всего воля духа. Торжество духа. Косарь Кольцова — это как бы человек Вселенной, исполин т р у д а , а вот по своему образу жизни, по укладу — земледелец, строящий свое бытие сообразно чередованию сезонных и элементарно полевых работ. Только вольный духом живет заботами о земле, которую надо обрабатывать, надо засеивать не как поденщику, а — как пестователю. Ведь ему же, именно ему в посезонности и холить посевы, пестовать ниву, и день и ночь стоять у колыбели Зерна, народившегося в колосе. Все ему и только ему. Но ему же эту самую ниву и оборонять от недругов, от неприятеля, от врага лютого...

Как же созвучны эти два слова: *боронить* и *оборонять*. Словно однокоренные. *Оборонить* — в смысле постоять за нее во брани смертной, и *б о р о н и т ь* — в значении взрыхлить, дать почве воздуха до первого грузового дождя. Не из этих ли истоков и — «Люблю грозу в начале мая...»?

Коса, степь, косарь, да и, впрочем, сам «п л е ч о» его, которое шире дедова, и «ветер с полудня» — это как библейские символы, вошедшие в кровь и сознание Человека Разумного.

Когда Кольцов дает картины вольного труда, есть ли в строках ощущение некра-совской муки-мученской? Подневольности? Нет и нет! Словно исполин знает наперед: все это, из атрибутов крепостничества — тлен, все это преходяще, и лишь в о-ля — превечна.

Создается впечатление, что Петр Киреевский, пустившийся по Руси за песнями, предугадал всем своим трудом во имя Руси такое явление в отечественной литературе, как Кольцов. Кольцов эпический; Кольцов — личность с проникновенной лиричностью, у которого «соловьем залетным юность пролетела», Кольцов — вечный путник на дорогах святой Руси, молитвенник на расстанях вселенского торжества и все-ленского неутешного горя. Горя-злосчастья! И в то же время заслуживает особого разговора драматургическая канва поэзии Кольцова.

Немало сломано копий по существу «свободы» и «воли». Полемика продолжается. Иные, бросив на плаху истории глубоко национальное, распинают саму сущность народной воли и даже изощренно изгаляются над национальными ценностями апологеты безудержной демократизации на западный манер. Причем, волю толкуют как элемент или даже условие безудержного беспредела.

Но совсем не то имели в виду и Пушкин, и Петр Киреевский. Наверное, и на самом деле, лишь человека нравственных укрепов, каковыми превечно являются православная Вера, Нагорная проповедь — и все обратится во прах. Но об этом, о вере православного человека не говорят известные хулители воспетой Кольцовым Воли.

Петр Киреевский бережно собирал народное творчество, ставя в отведенный логикой ряд песни былинного строя. В частности, представленные поэтом Языковым имеют несколько вариантов песни «Не шути, мати зеленая дубравушка!» Они своеобразны, да и сама песня включена А. С. Пушкиным в повесть «Дубровский» и в повесть «Капитанская дочка».

Что в ней примечательного есть? — есть драма! Драма души вольного человека. Однако, этот лирический герой песни, исповедующий в о л ю, а не беспредел, умел грешить, но и умел ответ держать за грехи свои тяжкие. Вот его покаяние и пред лицом земли, и пред народом, и пред царем-батюшкой, пред государем:

*Исполать тебе, детинушка, крестьянский сын!
Умел ты воровать и умел ответ держать.
Я пожалую тебя хоромцами,
Хоромцами некрытыми,
Об двух столбах с перекладиной.*

Такова она, воля государя, царя-батюшки.

Итак, «в о л я» в устном народном творчестве — это двуединое понятие, как обоюдоострый меч. Уместно напомнить изречение из Нового Завета: «Не мир я пришел принести, но меч!» А вот сам же Петр Киреевский запишет следующее: «Сила воли — есть сила жизни; самобытная сила — судьба».

Петр Киреевский никак и нигде не декларировал, что он и есть патриот, не выделял из контекста, не выпячивал наружу сокрытое глубоко в сокровенном. Однако его современник, автор «Толкового словаря живого великого русского языка» оставил на этот счет любопытные заметки. Несколько слов из его воспоминаний о поезд-

ке в Копенгаген: «Когда я плыл к берегам Дании, меня сильно занимало то, что увижу и отечество моих предков, мое отечество. Ступив на берег Дании, я на первых порах окончательно убедился, что Отечество мое Россия, что нет у меня ничего общего с отечеством моих предков...»

Стало быть, Отечество, родину, не выбирают, как товар на рынке, как предмет быта, элементарного домашнего обихода. Чувство родины входит в твое сердце как несущая жизнь кровь, токи которого не ощущаешь физически, телесно, как вещь, но чувства полнят твою душу с биением сердца от соприкосновения с родным, отеческим, особенно после тягостной разлуки, когда даже «дым отечества так сладок и приятен».

Надо ли перечислять, какое влияние и на каких художников слова оказало влияние Собрание песен Петра Киреевского? Ведь это и Лермонтов, и Гоголь, и Некрасов, и Успенский, и Толстой, и Шолохов, и Твардовский в особенности, и Николай Рубцов. Необходимо лишь подчеркнуть одну деталь в «Записках охотника» И. С. Тургенева. Иронично-комический рассказ Тургенева «Льгов» заканчивается на редкость краткой и в то же время энергичной фразой: «...На селе раздавались песни».

И это все о том, что русский человек, которому, по сути дела, посвящена литература великого народа, не может без песни, и это всем своим существом ощутил и осознал Петр Киреевский. Потому что, если исходить из его концепции собрания песен, — песня — это состояние души русского человека.

«Он постоянно поет,— записал А. И. Герцен однажды,— и когда работает, и когда правит лошадей, и когда отдыхает на пороге избы».

Заступник «мужицкого царства»

Не божьей ли милостью и сами обитатели этих селений были умельцами и своего дела и своих занятий,; были на редкость талантливы; наделены умом пытливым, а сердцем взыскательным и чутким; наконец, были любимы в родном очаге и почитаемы, как бойцы, в своем стане. И много привнесли, к тому же, в сокровищницу Отечественной культуры. Ныне мы все то, что оставили они после себя на земле благодаря неустанным трудам своим, называем н а р о д н ы м достоянием.

И вот что примечательно в этой связи: дано им было божьим промыслом обитать в одном и том же краю, и, будучи в столице, соединить свои стези на одном и том же поприще.

Константин Кавелин младше своих земляков-друзей, Ивана и Петра Киреевских, соответственно, на 12 и 10 годков. Вроде бы, дистанция в возрасте для той эпохи существенная, чтобы в стремительно сменяющихся веках и пристрастиях, в том числе политических, оказаться, так сказать, по разные стороны принципиальных « баррикад». Однако же, случилось иначе.

Как писал их современник, в Москве «...из товарищей Кавелин ближе сошелся с братьями Елагиными, Валугевым и П. В. Киреевским и получил благодаря им доступ в Елагинский литературный салон. Если Кавелин и не сделался славянофилом, а примкнул позднее к западникам, то все же в его воззрениях навсегда остались некоторые славянофильские тенденции, усвоенные им в молодости.

В Белевском уезде (сельцо Иваново, д. Зеново). И что удивительно, он ведь едва ли не с одинаковым пристрастием посещал и другие кружки, иные салоны Свербеевых, Павловых, Хомякова, Чаадаева, но остался под впечатлением елагинского салона — «...у Красных Ворот».

Так, что же за явление такое был этот самый е л а г и н с к и й салон «У красных ворот», если знавшие это и еще одно чудо света торопились всенепременно оставить запечатленными на бумаге свои краткие замечания о нем?

Чем притягивал он, подобно небесному светилу, такую великолепную плеяду

звезд отечественной культуры, если среди избранных здесь бывали Пушкин, Гоголь, Баратынский, Языков, Хомяков, Самарин, Грановский, Герцен, Огарев, Чаадаев, Даль,— конечно же Кавелин К. Д. и Мицкевич?

Сам Константин Дмитриевич рассказывал в своих воспоминаниях не без душевного трепета: «Авдотья Петровна не была писательницей, но участвовала в движении и развитии русской литературы и русской мысли более, многие писатели и ученые... Не было собеседницы более интересной, остроумной и приятной. В разговоре с Авдотьей Петровной можно было проводить часы, не замечая, как идет время. Живость, веселость, добродушие, при огромной начитанности, тонкой наблюдательности, при ее личном знакомстве с массой интереснейших личностей и событий... и ко всему этому удивительная память — все это придавало ее беседе невыразимую прелесть».

А еще Кавелин восторгался тем, что «...приезжавшие в Москву знаменитости, русские и иностранцы, являлись в салон Елагиных».

Что это было?— у Красных ворот столицы? Как и каким образом выстраивались здесь взаимоотношения между завсегдатаями Елагинского салона? В нашем контексте следует, пожалуй, выделить один примечательный факт, именно ко времени окончательного утверждения в мысли о необходимости отмены крепостного права в России, в московском Елагинском салоне многое переменится. Иван Киреевский, идейный вдохновитель салона, не будет более внушать мысль, что все стоящее следует «брать на западе». Более того, войдет в русло плодотворного постоянства устраивание так называемых п и с ь м е н н ы х диспутов. То есть Иван Васильевич станет подбивать Хомякова А. С. написать статью по проблемным вопросам, с тем чтобы кто-то полемизировал в ответ и т. д.

Подобное погружение в святая святых исповедальных представлений якобы об особом пути развития России испытает и Кавелин, что не замедлит отразиться в его работах на этот счет. Предметно ознакомившись с трудами столпов философской мысли Европы, породив в края ему близких и родных, между Окой и Волгой, он представит мировоззренческое пространство в ином свете. Подметит коренное различие между Россией и Западной Европой, «между общественностью и культурой нашей и романо-германской. Он увидел тщету и вред легкомысленных заимствований,— заметят о нем позднее,— для нас с запада политических форм и увлечений «последними словами» европейской науки и изложил свои воззрения в двух монографиях: «Дворянство и освобождение крестьян», «Мысли и заметы по русской истории». Как все это перекликается с переменной основной мысли в воззрении Ивана Киреевского.

Так что же подвигнуло его к самому решительному, к бескомпромиссному в разрешении крестьянского и других насущных вопросов, если не первоначальное, «на заре туманной юности», соприкосновение с судьбами крестьянства, которому монархическая держава обязана изобилием хлеба, если не первые впечатления от пребывания в отцовском сельце Иваново Белевского уезда, если не знакомство, переросшее в дружбу, с Петром Киреевским, собравшим воедино сокровищницу устного народного творчества, в коем «Плач» и как жанр фольклора, и как состояние души человека из народа занял центральное место.

Иваново... Этот уголок Приокского края, этот кусочек земли, не всегда отзывчивый на хлопоты об урожае, благодатно влиял на развитие в Кавелине здоровых начал по отношению ко всему отеческому, к русскому человеку вообще и хлеборобу в частности. Именно сюда, к этому родовому поместью, обратит он взор свой, когда крестьянская реформа (1861 год. Отмена крепостного права.) начнет давать сбои, и надо будет все самому проверить на практике. В деревне Иваново, памятуя об опыте своего предшественника по Белевскому краю в энциклопедическом устройении села Василия Алексеевича Левшина, ученого-энциклопедиста, основателя экономической

школы в Отечестве, Кавелин станет настойчиво, с похвальной рачительностью, вводить многопольную систему севооборота.

Здесь, в сельце Иваново, он обустроит барский дом согласно со временем, возведет новые хозяйские постройки, и — впервые в этом поокском краю! — заведет сыроварню, а также учредит Сельский банк и откроет две школы для детей крестьян.

К. Д. Кавелин по заслугам причислен в деле собрания песен родного края Петра Киреевского к не столь обширному числу, образно говоря, «вкладчиков». Он занял достойное место посреди широко известных в то время людей: таковыми «вкладчиками» стали братья Языковы, Н. В. Гоголь, А. Н. Кольцов, М. Г. Погодин, П. И. Якушкин, А. Х. Востоков, С. П. Шевырев.

К сожалению, не всякий знает, что в ряде песен, собранных Кавелиным в Белевском крае, его имя, — как говорили в старину! — «величается» с особенным каким-то тактом и признанием. Причем при публикации составители отнесли в разряд пояснений любопытные комментарии: «В этой песне других (264—266) величают самого собирателя — Константина Дмитриевича Кавелина».

*Константин Дмитриевич,
Не ходи по бережку,
Не ступай по камешкам,
Не проломи сафьян сапог,
Не намочи шелков чулок,
Не срони своей шапочки
Семьсот золотничков.
Константин Дмитриевич,
Кто вас шапкою дарил?*

.....

*Воробушек-воробей,
Сколь далеко отлетал?
— Я от сада до сада
До красного вишеня,
До черной смородины.—
Ай, молодец-то молодец,
Константин Дмитриевич,
Сколь далече отъезжал?*

.....

Разумеется, об этой сфере деятельности Константина Дмитриевича разговор особого свойства, но однако в том, что представил он из Белевского края другу Петруше Киреевскому — заслуживает пространного обозрения. Собранное им выгодно отличается цельностью и непосредственностью восприятия, красочностью языкового материала, характерной стилистикой, узнаваемостью, ярчайшей отличительной чертой. Что важно выделить? Песни края объединяет в гармонично-синхронное многоголосие, присущее окскому побережью, образ, как бы кочующий из одной припевки в другую, девицы Настасьи.

*Зимой — летом сосенушка зелена,
В пятницу Настасьишка весела.*

Нет сомнения, что во всем здесь чувствуется литературный вкус самого собирателя фольклора — литератора талантливой, знающего толк в национальном наследии, исповедующего православие.

Вот как в этом ключе подан сельскими творцами песен и сам образ Кавелина:

*А кто у нас не женат?
А кто ж у нас холостой?
Константин — свет не женат,
Дмитриевич холостой.*

.....
*Константин Дмитриевич,
На что ж тебе любовь цвет?
— Что бы девушки любили,
Молодушки хвалили.—
Константин Дмитриевич,
На что тебе, молодец. Маков цвет?
— Чтоб я, молодец, цветен был.*

Его деянья, его устремленья в обустройстве села во всей России, его настойчивость, неуклонная последовательность в реформировании всего крестьянского уклада подпитывались белевской действительностью, горьким житьем-бытьем крестьян Поволжья, Самарской губернии, где также были родовые поместья большой семьи Кавелиных. Тем самым его статьи по поводу освобождения крестьян от крепостной зависимости, его речи в кругу и единомышленников, и в стане идейных противников вызывали уважение. Ведь это были плоды работы ума практического.

Кавелин, в сущности, и саму Россию в этом аспекте называл не иначе как только «мужицким царством».

Будучи человеком широко образованным, привлекательным по причине исключительной честности своей натуры, необычайно сердечным, Кавелин заражал окружающих его людей душевной страстью переустройства крестьянской России. Этой его страсти, личному влиянию, его обаянию, как мыслителя с горячим сердцем и трезвым умом обязано русское общество той эпохи благодатным переменам.

В контексте юбилейных характеристик Василия Андреевича Жуковского, современники ныне стали все чаще упоминать имя царя Александра II, которого громче и громче называют не иначе, как царем-освободителем, даровавшим на самом деле свободу крестьянам. Немудрено, что имя Кавелина, старательно замалчиваемое на протяжении последних 85—90 лет, было заслонено тенью царя, воспитанного гением нашим, Жуковским.

Справедливо ли? Нет, не справедливо. Имя Кавелина, даруй ему Господь лет двадцать, стал бы вровень с колоссальной фигурой П. А. Столыпина в его исторических реформах. Это соразмерные исторические величины. Это две ярчайшие личности, ратовавшие за коренное, последовательное, исторически обоснованное развитие Отечества путем научно обоснованных реформ в их логической связи. Причем, согласно природе русского характера, русских особенностей, но не в о п р е к и им, как водится.

«Синтетический ум Кавелина,— говорится о нем в энциклопедическом обзоре,— чуждый крайних воззрений, но всегда самостоятельный и упорный в выводах и суждениях, отличался живостью и разносторонностью, а изящная и содержательная его речь, убедительная и в большинстве случаев страстная, производила сильное впечатление и возбуждала работу мысли» (Анонимный автор).

Не случайно, когда все общество воочию почувствовало, что реформа явно «забуксовала» и у нее обнаружились могильщики, готовые похоронить вместе с нею и самих поборников русской прогрессивной мысли, Кавелин отозвался страстно, публицистически остро, свежо, ярко.

«Крестьяне не освобождены — заявил он всеуслышание.— Положение 19-го февраля 1861 года дало только программу их освобождения, которая не только не

исполнена, но изломана вконец. Дальнейшее улучшение экономического, нравственного и умственного положения крестьян еще впереди и много, много придется над ним работать!»

На что он уповал теперь? Как выходец (условно говоря) из провинциального помещичьего сословия, он уповал сейчас, и прежде всего! — на русское дворянство. Потомственное дворянство. Да, именно за ним он признавал право исторического преобразования, а также волю монарха, что, в частности, не нравилось в его мировоззрении идейным вождям революционного преобразования страны.

Он призывал дворянское сословие перевести стрелки политической жизни того времени на магистраль повседневного практического обустройства жизни, причем. В совокупной связи города и села, правительства и земства. Местная, по сути дела, именно земская, хозяйственно-экономическая деятельность должна стать гдавенствующей в поместьях, уездах, в губерниях.

Он видел залог политической и общественной силы, создаваемой энергии России в крестьянской привязанности (юридической и нравственно-этической, духовной и моральной) к земле-кормилице. Эту связь он считал нерасторжимой. Причем как нигде в мире преобладающей именно у нас.

Естественно, отправной точкой в его чаяниях и устремлениях в этом направлении стала программная, знаковая «Записка об освобождении крестьян», написанная в 1855 году и напечатанная впоследствии в «Русской старине» в 1886 году.

Характерно, что пытливість ума позволила в этой публикации выйти из плоскости сугубо крестьянского вопроса, однако осветив его в границах именно внутреннего положения России в целом. Эта работа вывела и самого К. Д. Кавелина за горизонты всероссийского масштаба, поставила в один ряд с выдающимися людьми XIX века.

Спектр вопросов, которые глубоко и всесторонне осветил Кавелин, достаточно широк. Однако выведенный в плоскость перспективно-масштабного, неотложного, с политической заостренностью — крестьянский вопрос стал на редкость фундаментальным.

Попытки предать забвению и его труды и само его высокое имя оказались безуспешными, ибо все созданное им положено в основу дальнейшего развития русской мысли. Кроме того, его личные добродетели, его благочестие, его прозрачная духовная жизнь как бы исподволь, словно неиссякаемый родник добра и света, обращают на себя внимание новых и новых поколений.

«Это был редко гуманный человек, в котором находили сочувственный отклик каждое истинное горе, каждая личная скорбь. Какое редкое счастье, заслужить такой отклик у поздних потомков».

* * *

Кавелин Константин Дмитриевич родился 4 ноября 1818 года в Санкт-Петербурге, умер 3 мая 1885 года там же. Владел имением.

КЛАССИКИ О СЕГОДНЯШНЕМ

Владимир Маяковский

ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ (Христофор Колумб)

1

Вижу, как сейчас,
объедки да бутылки...
В портишке,
известном
лишь кабачком,
Колумб Христофор
и другие забулдыги
сидят,
нахлобучив
шляпы бочком.
Христофора злят,
пристают к Христофору:
«Что вы за нация?
Один Сион!
Любой португалишка
даст тебе фору!»
Вконец извели Христофора —
и он
покрыл
дисканточком
щелканье пробок
(задели
в еврее
больную струну):
«Что вы лезете:
Европа да Европа!

Возьму
и открою другую
страну».
Дивятся приятели:
«Что с Колумбом?
Вина не пьет,
не ходит гулять.
Надо смотреть —
не вывихнул ум бы.
Сидит всю ночь,
раздвигает циркуля».

2

Мертвая хватка в молодом еврее;
думает,
не ест,
недосыпает ночей.
Лакеев
оттягивает
за фалды ливреи,
лезет
аж в спальни
королей и богачей.
«Кораллами торгуете?!
Дешевле редиски.
Сам
наловит
каждый мальчуган.
То ли дело
материк индийский:
не барахло, —
бриллиант,
жемчуга.
Дело простое:
вот вам карта.
Это океан,
а это —
мы.
Путь пунктиром —
и бриллиантов караты
на каждый полтинник,
данный взаймы».
Тесно торгашам.
Томятся непоседы.
По суху
и в год
не обернется караван.
И закапали
флорины и пезеты

Христофору
в продырявленный карман.

3

Идут,
 посвистывая,
 отчаянные их отчаянных.
Сзади — тюрьма.
 Впереди —
 ни рубля.
Арабы,
 французы,
 испанцы,
 датчане.
Лезли
 по трапам
 Колумбова корабля.
«Кто здесь Колумб?
 До Индии?
 В ночку!
(Чего не откроешь,
 если в пузе оргán!)
Выкатывай на палубу
 белого бочку,
а там
 вези
 хоть к черту на рога!»
Прощанье — что надо.
 Не отъезд — а помпа:
день
 не просыхали
 капли на усах.
Время
 меряли,
 вперяясь в компас.
Спьяна
 путали штаны и паруса.
Чуть не сшибли
 маяк зажженный.
Палубные
 не держатся на полу,
и вот,
 быть может, отсюда,
 с Жижона,
на всех парусах
 рванулся Колумб.

4

Единая мысль мне сегодня любя,
что эти вот волны
Колумба лапили,
что в эту вот воду
с Колумбова лба
стекали
пота
усталые капли,
что это небо,
землей обмеля,
на это вот облако,
вставшее с юга,
— «На мачты, братва!
Глядите —
земля!» —
орал
рассудок теряющий юнга.
И вновь
океан
с простора раскосого
вбивал
в небеса
громыхающий клин,
а после
бросался
с волной сарагоссовой,
и вместе
пучки травы волокли.
Он
этой же бури слушал лады.
Когда ж
затихает бури задор,
мерещатся
в водах
Колумба следы,
ведущие
на Сан-Сальвадор.

5

Вырастают дни
в бородатые месяцы.
Луны
мрут
у мачты на колу.
Надоело океану,
Атлантический бесится.

Взбешен Христофор,
извелся Колумб.
С тысячной волны трехпарусник
съехал.
На тысячу первую взбираться
надо.
Видели Атлантический?
Тут не до смеха!
Команда ярится —
устала команда.
Шепчутся:
«Черту ввязались в попутчики.
Дома плохо?»
Стол и кровать.
Знаем мы
эти
жидовские штучки —
разные
Америки
закрывать и открывать!»
За капитаном ходят по пятам.
«Вернись! — говорят,
играют мушкой. —
какой ты ни есть
капитан-раскапитан,
а мы тебе тоже
не фунт с осьмушкой».

Лазит Колумб
на бра́мсель с фо́ка,
глаза аж навыкате,
исхудал лицом;
пустился во-всю:
придумал фокус
со знаменитым
Колумбовым яйцом.
Что яйцо —
игрушка на́ день.
И день
не оттянешь
у жизни-воровки.
Ходит команда
на Колумба глядя:
«Крепка
петля
из гемуэзской веревки.
Кончай,
Христофор,
собачий век!..»

И кортики
 воздух
 во тьме секут.
 — «Земля» —
 Горизонт в туманной
 кайме.
 Как я вот
 в растущую Мексику

 и в розовый
 этот
 песок на заре,
 вглазелись.
 Не смеют надеяться:
 с кольцом экватора
 в медной ноздре
 вставал
 материк индейцев.

6

Года прошли.
 В старика
 шипуну
 смельчал Атлантический,
 гордый смолоду.
 С бортов «Мажестиков»
 любая шпана
 плюет
 в твою
 седоусую морду.
 Колумб!
 Пропало твоё наследство!
 В вонючих трюмах
 твои потомки
 с машинным адом
 в горящем соседстве
 лежат,
 под щеку
 подложивши котомки.
 А сверху,
 в цветах первоклассных розеток,
 катаясь пузом
 от танцев
 до пьянки,
 в уюте читален,
 кино
 и клозетов
 плывут синьоры,
 донны
 и янки.

Ты балда, Колумб, —
 скажу по чести.
Что касается меня,
 то я бы
 лично —
я б Америку закрыл,
 слегка почистил,
а потом
 опять открыл —
 вторично.

Атлантический океан 7.VII

(В. В. Маяковский. Собр. соч. в 12 томах. — М.: Изд-во «Правда», 1978. — Т. 3. — С. 192—199).

От редакции: Стихотворение написано на борту парохода «Эспань», на котором Маяковский отправился 21 июня 1925 года в Мексику. Весь цикл стихов об Америке создан В. В. Маяковским в 1925—1926 гг. в связи с его шестой по счету и самой длительной (25 мая — 22 ноября 1925 года) поездкой за границу: Германия — Франция — Куба — Мексика — США — Франция — Германия — Латвия.

ПУБЛИЦИСТИКА

Николай Дронов

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ВОЙНА

В прошлый раз я обещал читателям рассказать еще «кое-что» дополнительно к своей публикации «Секреты пакта о ненападении». Уж больно распалились шустрые «герои» от пера, эфира и кадра в критике бывшего руководства СССР, якобы не сумевшего тогда разобраться в очевидной внешнеполитической обстановке, из-за чего страна встретила нападение Германии не лучшим образом...

Вот уже более 60 лет везде только и разговору, что о внезапном нападении Гитлера на СССР, о «неумелом» командовании Красной Армией, о многократно больших жертвах Советского Союза, о спасительной помощи Ленд-лиза, решающей роли 2-го фронта в Победе над Гитлером и т.д. и т.п.

В этом свете немало вполне обоснованных упреков и в адрес советских дипломатов и спецслужб, не сумевших во время выявить истинные планы Гитлера и не поставивших наше руководство перед однозначно трактуемым выводом о неминуемой войне, с конкретным указанием даты, сил и направлений главных ударов противника.

Но и наших дипломатов разведчиков можно понять. Ведь против них работали многократно большие силы «коллег» всего капиталистического мира, веками державшие Россию в «узде» и давно «набившие себе руку» в подлом ремесле коварства и вредительства.

Интересный момент. Давая критическую оценку такому же (не лучшему) своему мнению о действиях руководства СССР того времени маршал, Г. К. Жуков приходит к следующему выводу:

«В последние годы принято обвинять И. В. Сталина в том, что он не дал указаний о подтягивании основных наших сил из глубины страны для встречи и отражения удара врага. Не берусь утверждать, что могло бы получиться в таком случае — хуже или лучше. Вполне возможно, что наши войска, будучи недостаточно обеспеченными противотанковыми и противовоздушными средствами обороны, обладая меньшей подвижностью, чем войска противника, не выдержали бы рассекающих мощных ударов бронетанковых сил врага и могли оказаться в таком же тяжелом положении, в каком оказались некоторые армии приграничных округов. И еще неизвестно, как тогда в последующем сложилась бы обстановка под Москвой, Ленинградом и на юге страны.

К этому следует добавить, что гитлеровское командование серьезно рассчитывало на то, что мы подтянем ближе к государственной границе главные силы фронтов, где противник предполагал их окружить и уничтожить. Это была главная цель плана «Барбаросса» в начале войны» (Г. К. Жуков. «Воспоминания и размышления, М., АПН, 1990, т. 2, стр. 2). Как видим, военная оценка тем событиям и действиям в стране не в пользу «обличителей» и злопыхателей.

А вот военно-политический взгляд по теме маршала К. А. Мерецкова в его воспоминаниях («На службе народу», М., полит., 1988, стр. 199–200): «...Поскольку в самом начале войны Англия и США стали нашими союзниками по антигитлеровской коалиции, большинство лиц, критически рассуждающих ныне о тогдашних решениях нашего руководства, машинально оценивают их лишь в плане советско-германской войны и тем самым допускают ошибку. Ситуация же весной 1941 года была чрезвычайно сложной. В то время не существовало уверенности, что не возникнет антисоветской коалиции капиталистических держав в составе, скажем, Германии, Японии, Англии и США. Гитлер отказался в 1940 году от высадки армии в Англии. Почему? Сил не хватило? Решило разделаться с ней попозже? Или, может быть, велись тайные переговоры о едином антисоветском фронте? Было бы преступным легкомыслием не взвешивать всех возможных вариантов. Ведь от правильного выбора политики зависело благополучие СССР. Где возникнут фронты? Где сосредоточивать силы? Только у западной границы? Или возможна война и на южной границе? А каково будет положение на Дальнем Востоке? Это многообразие путей возможных действий при отсутствии твердой гарантии, что в данном случае удастся сразу нащупать самый правильный путь, дополнительно осложняло обстановку».

Еще больше неясности в оценке реалий тех дней вносили непрекращающиеся конфликтные ситуации, а то и вооруженные провокации на Дальнем Востоке, Севере, Закавказье, Юге, Западных границах СССР. Потому мало кому известно, а массы вообще в полном неведении, что точно такая же страшная война могла начаться ровно на год раньше! Причем нашим Вооруженным Силам пришлось бы сражаться во все не с вермахтом.

«Виною» тому охаянная Западом «незнаменитая» война с Финляндией. Не успели части Красной Армии сделать ответные выстрелы по финским батареям, как Англия и Франция объявили Советский Союз «агрессором». Сперва Лондон, потом Париж срочно отозвали своих послов из Москвы «для консультаций». Их правительствам было тогда главным — не упустить момент, чтобы попытаться взять под контроль Кольский полуостров, так богатый важнейшими природными ископаемыми! А зимняя война как раз и оказалась подходящим поводом: и по времени, и по месту, и по растиражированной ими позиции «друзей Финляндии». Потому ненасытный евротандем срочно стал готовить экспедиционный корпус якобы для помощи «жертве агрессии», хотя цель была совсем другая — захват вожде ленных территорий и в их числе Мурманск, Архангельск, Петсамо, включая и задачу — перерезать железную дорогу на Мурманск...

Одновременно союзники решили нанести удар по СССР на юге. Планировалось разбомбить наши нефтепромыслы в Баку, Грозном и Майкопе. После расправы над нефтяными центрами СССР, что, по мнению начальника генерального штаба Англии генерала Айронсайда должно было «вызвать серьезный государственный кризис в России», в дело вступил англо-французский военно-морской флот. Союзники также собирались взять под контроль черноморские проливы и румынские нефтепромыслы.

31 декабря 1939 года в Анкару прибыл британский генерал Батлер для обсуждения проблем военного сотрудничества с турками, прежде всего против СССР, в частности — вопросов об использовании англичанами аэродромов и портов в Восточной Турции.

15 января 1940 года генеральный секретарь французского МИДа Леже сообщил американскому послу в Париже Буллиту, что премьер-министр Даладье предложил направить в Черное море эскадру для блокады советских коммуникаций и бомбардировки Батуми, а также для атак с воздуха Бакинских нефтяных скважин.

Тогда же Леже заявил: «Франция не станет разрывать дипломатических отношений с Советским Союзом или объявлять ему войну, но она уничтожит Советский Союз при необходимости — с помощью пушек!»

5 февраля французский генштаб дал командующему ВВС Франции в Сирии генералу Жюно, кстати, полагавшему, что «исход войны решится на Кавказе, а не на Западном фронте», готовиться к воздушному нападению на Баку.

7 февраля бомбардировка советских нефтепромыслов обсуждалась на заседании английского военного кабинета, который пришел к выводу, что успешное осуществление этих акций «может основательно парализовать советскую экономику, включая сельское хозяйство». Комитету начальников штабов было дано указание подготовить соответствующий документ.

8 марта 1940 года английский комитет начальников штабов представил правительству доклад под названием «Последствия военных действий против России в 1940 году». В этом документе предусматривались три основных направления операции против СССР: уже известное — северное, дальневосточное и южное. Там же наиболее важным и «перспективным» считалось последнее. В докладе подчеркивалось, что «наиболее уязвимыми целями на Кавказе являются нефтепромышленные районы в Баку, Грозном и Батуми», и отмечалось, что к нанесению воздушных ударов полезно также привлечь военно-морские силы: «Рейды авианосцев в Черном море с целью бомбардировок нефтеперегонных предприятий, нефтехранилищ или портовых сооружений в Батуми и Туапсе будут полезным дополнением к основным воздушным налетам на кавказский регион и могут привести к временному разрушению русской обороны».

Для налетов на Баку англичане перебросили на Ближний Восток несколько эскадрилий новейших бомбардировщиков «Блейнхем» МК. IV.

Всего «евроварвары» собирались послать на первую бомбардировку (15 мая 1940 года) Батуми, Потти, Грозный, Баку до 100 тяжелых бомбардировщиков, чтобы только в течение первых шести дней уничтожить на 35 % наши центры добычи, хранения, переработки и вывоза нефти. На полное уничтожение Баку отводилось 15 дней, Грозного — 12, Батуми — 4 дня...

Главнокомандующий союзными войсками Франции и Англии в Европе французский генерал Гамелен — автор (этой самой) антисоветской «акции» в обоснование своего замысла писал, что «в связи с нехваткой у нас в настоящее время самолетов такого типа (дальних бомбардировщиков.— *Н. Д.*), основную их часть должны поставить англичане...». Поразительно, что «некто», читавший «меморандум Гамелена», оставил на полях ремарку, поправляя Главкома: «Это не точно, в настоящее время мы можем поставить самолетов больше, чем Англия»!

Наземное наступление на юге союзники предполагали вести с территорий Турции, Ирана и Афганистана.

Готовясь к удару, британские ВВС совершили серию разведывательных полетов над нашей территорией. Для этого использовали новейший скоростной американский самолет «Локхид-12А», базировавшийся на аэродроме Хаббания, недалеко от Багдада. Машина была оснащена тремя мощными фотоаппаратами, способными с высоты 6 км четко снимать полосу шириной 18, 5 км.

30 марта 1940 г. «американец» сделал несколько «пробных» кругов над Баку на высоте 7 км. Сразу заметим, «проба» была осуществлена через 2 недели после подписания советско-финского мирного договора! 4 апреля «Локхид» произвел «зачет-

ный» полет над Батуми и Потти. Зенитчики вовремя обнаружили врага, выпустив по нему тридцать четыре 76-мм снаряда. К сожалению, попаданий не наблюдалось. Погранохрана СССР немедленно заявила протест турецкому пограничному комиссару.

Как видим, советско-финская война оказалась всего лишь предлогом для реализации «ярыми друзьями» России своих давних захватнических планов.

Тем не менее, наша внешняя разведка вовремя проинформировала Москву о планах Англии и Франции и контрмеры были приняты немедленные и должные! В тот период в СССР имелось 3 корпуса ПВО: первый защищал Москву, второй — Ленинград, а третий — Баку. В состав последнего входило девять зенитных артиллерийских полков, в каждом из которых было по 100 орудий калибра 85 и 76-мм, 12—37-мм зенитных автоматов, 25 зенитных пулеметов и 30 прожекторных станций — сопровождение. К этому следует добавить несколько сот истребителей, базирующихся в том же районе.

Мало этого, в начале февраля 1940 года наше руководство приступило к подготовке ответного удара. Его должны были нанести шесть дальнебомбардировочных авиаполков — свыше 350 бомбардировщиков ДБ-3. Тех самых двухмоторных ИЛ-4, которые имели дальность полета до 2000 км, а грузоподъемность — до 1,5 тонн которые вместе с ДБ7 (четыrehмоторный ПЕ-8) уже в августе 1941-го бомбили Берлин! 6-й, 42-й и 83-й авиаполки начали сосредотачиваться на аэродромах Крыма, а еще три — на аэродромах у озера Севан в Армении.

Личный состав частей был хорошо подготовлен к выполнению боевых задач. Все полки, кроме 83-го, имели опыт войны в Финляндии. В апреле 1940-го командиры дбап получили полетные задания и штурманы приступили к прокладке маршрутов...

Бомбардировщики первой группы начали выполнять пробные полеты. С аэродрома под Евпаторией (н.п. Саки) они летали на Запад до берегов Болгарии, затем круговым путем вдоль берегов Турции выходили на условную цель на побережье Абхазии и потом (тем же путем) возвращались в Евпаторию.

Эскадрильи первой группы, пролетев над Турцией, должны были атаковать британские базы в Ларнаке, Никозии Фамагусте на Кипре, базу в Хайфе в Палестине и французские военные объекты в Сирии.

Самолетам второй группы, базировавшимся в Армении, предписывалось лететь через Иран на Ирак. В районе Багдада полки расходились в разные стороны на турецкие объекты и на британские базы в Ираке и в Египте.

Самая ответственная задача возлагалась на 21-й авиаполк. Две его эскадрильи должны были атаковать британскую эскадру в Александрии (Египет), еще две — сбросить бомбы под Порт-Саидом (у входа в Суэцкий канал), а одна эскадрилья получила задание разрушить шлюзы Суэцкого канала и парализовать британское судоходство.

Утверждения в воспоминаниях отдельных участников этой тайно готовящейся масштабной воздушной операции о том, что среди «целей» была и Эфиопия (Абиссиния), на мой взгляд, совершенно беспочвенны. Дело в том, что Эфиопия к этому времени (с мая 1936 г.) была уже присоединена к Италии, а с Италией у нас был заключен договор о мире, дружбе и сотрудничестве! Тем более, Италия была главной союзницей Германии в развернувшемся в Европе противостоянии с Англией и Францией. Видимо, наши спецслужбы, чтобы не допустить утечки информации, сознательно дезинформировали рядовой и сержантский состав задействованных воинских частей и подразделений...

О возможной эффективности атаки наших бомбардировщиков можно судить по тому факту, что все английские французские базы в первые 5 месяцев 1940 года жили в режиме мирного времени и в голове не держали мысли об авианалетах самолетов «Совдепии».

Назначенная союзным командованием на 15 мая 1940 года первая бомбардировка Баку была главным сигналом и для наших летчиков. Сразу после обнаружения самолетов противника в воздухе немедленно должны были подняться в небо сталинские соколы!..

Но планы агрессорам спутал... Гитлер, начав 10 мая 1940 года наступление по всему западному фронту, что уже через месяц закончилось полным разгромом англо-франко-бельгийских и голландских войск!

Поразительно, что даже в таких условиях Англия не отказалась от задуманного ее «кровопускания» Советскому Союзу. 23 июня 1941 года, т.е. на второй день Великой Отечественной войны, в Лондоне состоялось заседание начальников штабов всех родов английских войск. «Начальник штаба ВВС Британии Чарльз Портал в связи с нападением Германии на Россию предложил послать телеграмму командующим войсками в Индии и на Ближнем Востоке с запросом, когда будет закончена подготовка к бомбардировке нефтяных промыслов в Баку.

Комитет постановил: предложение утвердить и просить военное министерство послать такую телеграмму» (см. «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне», М., 2000, т. 2, кн. 1, стр. 61).

Вот почему Советский Союз не мог 22 июня 1941 года противопоставить Гитлеру всю мощь РККА. Ведь миллионная группировка наших войск находилась в полной боевой готовности на Дальнем Востоке, 23 «красных дивизии» развернулись на Кавказском направлении, 10 дивизий в таком же положении находились на южных границах Средней Азии, одна усиленная дивизия прикрывала побережье Белого моря «Архангельский путь» и целый Карельский фронт защищал от «варягов» Кольский полуостров...

Надо ли спрашивать, кому была особо невыгодна наша быстрая победа над фашистской Германией, вполне возможная уже в декабре 1941 года?!

Надо ли удивляться непроходящей горечи и печали Англии, если она в результате посеянного ею «ветра» по раздуванию пожара 2-й Мировой войны «пожала бурю» — потеряла все свои колонии, коих было в 200 раз больше ее территории и которых она безбожно грабила (не переставая молиться) в течение нескольких веков!

P.S. Сомневающимся в технических возможностях ДБ-3 (ИЛ-4) сообщу, что его предшественник — ЦКБ-26 осенью 1936 года под пилотированием летчика-испытателя В. Коккинаки установил три мировых рекорда — грузы в 500, 1000 и 2000 кг были подняты соответственно, на 12816, 12102 и 11005 метров! Самолет целиком строился из металла — гладкой дюралевой обшивки! Запас топлива достигал 27 % полетного веса! (см. «Военно-Воздушные Силы, М, «Голос-пресс», 2001, стр. 156).

Валерий Маслов

ХРОНИКА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Отче! Избавь меня от часа сего!

Иоанна 12.27.

Китайские мудрецы говорили: «Боже, избавь меня от того, чтобы жить в эпоху перемен». Эта житейская мудрость верна и для России: каждый из ныне живущих убедился, сколько бед и потрясений несет смутное время. Мне же пришлось не только пережить его вместе с остальными, но и увидеть изнанку переворота и его авторов — новых демократов и реформаторов.

В Тульском Белом доме, где в это время я работал помощником главы администрации области, было беспокойно. Многие просто не понимали, что происходит. Привычное рушилось на глазах, новое было неизвестным и пугающим. Хотя, конечно, были и такие, которые вовсю радовались переменам: они открывали им дорогу к власти.

Помню, как весь в белом, в приемную к Севрюгину влетел новый председатель Тульского горсовета демократ Тютюнов. Его хотели остановить, сказать, что глава администрации занят, но тот и слушать никого не хотел:

— Вы что, не знаете, кто я?

Видимо, элементарные порядочность и знание правил посещения кабинетов вышестоящих начальников для него были неведомы.

Одного из других новоявленных владельцев кабинета в Белом доме В. Костикова не раз задерживала милиция, в том числе на Красной площади в Москве, в ресторане и других общественных местах, но каждый раз обладатель депутатского мандата отделывался лишь увещаниями не шуметь. Он оказался допущен к святой святых здания власти: шифровальной и компьютерной комнатам, Севрюгину доложили, что может случиться непоправимое. Он поручил разобраться мне. Но, когда я пришел в эти кабинеты, Костиков, заранее предупрежденный кем-то, радушно показал мне пустые компьютеры за обитой железом дверью: вся информация была в них стерта.

Самым курьезным в этой когорте демократов был один из бывших сантехников Н. Матвеев. Он развил бурную деятельность, стал помощником представителя Президента в Тульской области В. Кузнецова. Оба раньше работали на Тульском оружейном заводе, видимо, это их и объединило.

Он создал движение, состоящее из него одного, зато позволяющее делать громкие заявления. От имени этого движения он призвал Михаила Горбачева возглавить Тульскую область и так далее. Предложения сыпались как из рога изобилия, причем одно чуднее другого.

Его начальника — Представителя Президента — во многом волновало его положение и впечатление, которое он производит. Севрюгин хотел его перевести подальше от своего кабинета, в другое помещение, а тот не хотел. Еще бы: он занимал апартаменты бывшего первого секретаря Тульского обкома КПСС И. Х. Юнака с огром-

ным кабинетом с системой кондиционирования, своим санузлом и бытовой комнатой, с отдельным лифтом, который позволял покидать кабинет, минуя приемную и общий выход из здания. Тот, кто усиленно боролся с привилегиями бывшей партийной власти, совершенно не хотел отказываться от них же, как только сам стал у власти.

Вспоминается курьезный случай. В Тулу приехал с визитом глава правительства Е. Гайдар. Я до последней минуты был занят с гостем, мы вместе вышли из здания Белого дома, я хотел сесть с Севрюгиным в машину председателя правительства, но переднее место занял охранник, и я оказался без машины. Медлить было нельзя: кортеж с Гайдаром готовился вырывать с площади. Рядом стояла чья-то «Волга». Я вскочил в нее и приказал: «Гони вслед». — «Да это машина Кузнецова, он сейчас выйдет...» — «Это мои проблемы. Езжай!»

И мы поехали. Естественно, что выпешедший позже чиновник оказался без своей машины. Что потом было! Он буквально достал губернатора! Тот не выдержал и просит меня: «Валер, сходи к нему, извинись, а то он от меня не отстанет...»

Я пришел. Чиновник, как английская королева, гордо восседал в кресле в бывшем огромном юнаковском кабинете и вешал:

— Ты забрал мою машину! Мог сорваться визит главы правительства! Я вынужден писать докладную Президенту!

Мне стало смешно: Гайдар о каком-то чиновнике даже не вспомнил, а уж Ельцину в ту пору точно было не до мелких склок какого-то представителя в какой-то области. Я сухо извинился, встал и вышел из кабинета. Инцидент на этом был исчерпан.

А предыстория захвата власти в России такова. Я хочу рассказать об этом, потому что до сих пор многие не представляют, как это делалось. Причем, мой взгляд — изнутри, из-за кулис, благо возможностей изучить все это у меня было предостаточно.

Итак, первое. В Советском Союзе, как известно, существовала правящая партия — КПСС, формально не имеющая никакой легитимной власти. Не случайно, и Ленин — Председатель Совета Народных Комиссаров, и Сталин — Председатель Совета Министров, и Брежнев — Председатель Верховного Совета СССР, были просто вынуждены «брать» себе в нагрузку к званию руководителя КПСС еще и должность государственную. Иначе они не имели в глазах мировой общественности никакой власти и не могли подписать ни один международный договор. Так вот, фактическая власть — контроль и кадры — была в руках компартии, а номинальная — в руках Советов. Именно номинальная, потому что даже у областных Советов не было ни аппарата, ни штатов, ни даже помещений. Зато был исполнительный комитет, который и обладал реальной, но только хозяйственной властью. Хотя и хозяйственную власть у Советов постоянно пыталась отобрать партия. Вспоминаю случай, как я присутствовал у секретаря по сельскому хозяйству обкома КПСС Есакова. Этот самонадеянный, напыщенный вельможа сидел за столом в огромном кабинете и распределял... трактора и косилки, которые поступили в область.

Второе. Когда бывший первый секретарь Московского горкома КПСС Ельцин решил взять всю власть в стране в свои руки, то сделал он это довольно просто. Ельцин, поделив СССР в Беловежской Пуще, грубо выгнал безвольного болтуна Горбачева из Кремлевского кабинета. Правда, тот все же выторговал себе великолепный комплекс зданий только что построенной Академии партийной школы на Юго-Западе Москвы под свой фонд.

Но дальше у «царя всея Руси» дело застопорилось. Оказалось, что власть появилась и у так долго — с Февральской революции 1917 года — находившихся в загоне Советов. Руководители Верховного Совета Российской Федерации: Хасбулатов, Руцкой и другие — вдруг стали проявлять непокорность и ужас! — называть себя главной, верховной властью в стране, что, кстати, полностью соответствовало природе

этих Советов, законам страны и Конституции. Такую же непокорность стали проявлять и Советы в регионах.

Ельцина стали теснить депутаты, отбирать власть, не выполнять его решения и указы. В стране, как и накануне Февральской революции 1917 года, наступило двоевластие.

И тогда Ельцин, при молчаливой поддержке Запада, которому нужно было только одно — добить и полностью развалить сильного соперника — Россию, пошел ва-банк: он решил взять здание Правительства на Краснопресненской набережной, где постоянно заседал мятежный Совет, военной силой, вплоть до расстрела здания из танков.

21 октября 1993 года Ельцин обратился к народу по телевидению с заявлением о неконституционности Верховного Совета России. Это стало началом государственного переворота. В тот же день выходит Указ об изменении Конституции и упразднении Верховного Совета, что явилось серьезным толчком к яростному сопротивлению депутатов.

Дело в том, что Конституция страны — это своего рода «священная корова», которую нельзя трогать. Это — основа стабильности и законности в любом государстве. В случае крайней необходимости изменения в нее можно вносить только всенародным референдумом. Ельцин же нарушил все мыслимые и немыслимые законы страны.

Тотчас упраздненный Верховный Совет охарактеризовал заявление Ельцина как государственный переворот и обратился в Конституционный суд с требованием рассмотреть противоправные действия Президента страны.

12 часов. Идет закрытое заседание Конституционного суда.

13 часов. Председатель Хасбулатов направил во все местные Советы телеграмму: «Устанавливать на своих территориях власть закона, военнослужащим — не выполнять преступные приказы, профсоюзам — организовать стачки и забастовки».

В 20 часов 45 минут глава Веневского района В. Ротин сообщил в администрацию Тульской области: «На шахте Бельковская забастовала смена шахтеров в количестве 80 человек. Выдвигают следующие требования:

1. Выполнение правительственного соглашения. 2. Отставка руководства шахты. Возглавляет забастовку независимый профсоюз горняков».

21 час. Москва, Краснопресненская набережная, здание Правительства. Здесь, на шестом этаже правого крыла здания, находятся аппарат Президиума Верховного Совета Российской Федерации и кабинет его председателя — Руслана Имрановича Хасбулатова. На коротком заседании Президиума решено созвать чрезвычайную сессию. Аппарат за работой: рассылаются приглашения и телеграммы, работают телетайпы, звонят телефоны.

5 минут первого ночи. Спешно съехавшиеся члены Президиума начинают заседание сессии. Место Президента страны в зале демонстративно занимает Руцкой.

15 минут первого. В зале появляется председатель Конституционного суда Зорькин. Он обнародовал решение суда, согласно которому указ Ельцина и его телеобращение сочтены несоответствующими Конституции и признаны основанием для отстранения Президента от должности. Принимается Постановление о прекращении полномочий Президента РФ Ельцина и возбуждении против него уголовного дела. Еще несколько минут спустя Руцкой произносит слова президентской присяги, а Хасбулатов заявляет о необходимости срочного созыва съезда Советов.

22 октября, 9 часов утра. В Кремль начинают поступать телеграммы от глав администраций областей о поддержке Ельцина. Об этом докладывают Хасбулатову. Тот немедленно отдает распоряжение Центробанку России о прекращении финансирования таких органов исполнительной власти. Противостояние нарастает.

11 часов. Руцкой объявил о смене (из-за неподчинения) министров обороны и

безопасности. Главой Министерства обороны он назначает В. Ачалова, министром безопасности — В. Баранникова, министром внутренних дел А. Дунаева. Парламент тут же утверждает эти Указы новоявленного президента страны.

Началось брожение и в самом правительстве. Приступил к обязанностям новый вице-премьер Шумейко, а министр внешнеэкономических связей С. Глазьев, наоборот, подал в отставку. Министры заметались, не зная, чью сторону принять.

12 часов. Генеральный прокурор России В. Степанков делает заявление, что в действиях Ельцина нет состава преступления и потому нет основания возбуждать против него, как этого требует Верховный Совет, уголовное дело. Тотчас поддержал Ельцина и глава Центробанка В. Геращенко, заявив, что будет исполнять указания нынешнего Российского Правительства.

Москва напряженно ждала реакции провинции. Практически все регионы негативно восприняли действия Верховного Совета. Лишь три главы администрации области поддержали Рущкого. Однако Советы отреагировали иначе — они с радостью поддержали свой Верховный Совет. В Тульской области особенно активно откликнулась на эти действия заместитель председателя областного Совета депутатов Н. Скачкова. Женщина с неумной энергией буквально рвалась к власти. Она собрала преданных депутатов и обсуждала план, как взять власть у губернатора Севрюгина, за что впоследствии и поплатилась: была уволена с должности.

А столица тем временем внешне жила обычной жизнью. Работали предприятия и транспорт, люди пока не испытывали неудобств от возни власти. Но напряжение нарастало. У стен Белого дома собралась группа лиц с оружием.

13 часов. Верховный Совет принимает дополнение в Уголовный кодекс: за действия, направленные на насильственное изменение Конституционного строя, должностное лицо получает десять-пятнадцать лет тюрьмы или смертную казнь, за воспрепятствование деятельности законных органов власти — до десяти лет. Представляя законопроект, депутат С. Бабурин заявил, что документ отвечает потребностям сегодняшнего дня. Камень брошен, естественно, в сторону Ельцина. Но оказалось, что довести это судьбоносное решение до Генеральной прокуратуры и Верховного суда непросто: Верховному Совету отключили спецсвязь. Яростный сторонник новой власти генерал Макашов попытался захватить Государственный комитет по чрезвычайным ситуациям, чтобы получить к ней доступ, но неудачно. Другая группа во главе с офицером Тереховым расстреляла наряд милиции и пошла на штурм штаба Объединенных Вооруженных Сил. Запахло кровью. Появились первые жертвы — капитан милиции В. Середенко и пенсионерка В. Малышева.

23 сентября. В Кремле начинают срочно предпринимать контрмеры, искать союзников. Срочно приглашается руководитель Межведомственной комиссии по борьбе с преступностью Андрей Макаров. Ему передается компромат против назначенных Верховным Советом новых министров безопасности Баранникова и внутренних дел Дунаева. Компромат явно не ахти, но выбирать не приходится — время идет на часы и минуты. 16 часов. Комиссия передает компромат в Прокуратуру Москвы и делает его достоянием прессы. Самих Баранникова и Дунаева обвинить не в чем, зато достается их женам, которые, якобы, накопили большое количество предметов роскоши. Всплывает и фантастическая по тем временам сумма в 500 тысяч долларов, и фирма «Дистал», принадлежащая брату впоследствии осужденного Д. Якубовского, которая оплачивала счета.

Дальше — больше. Неутомимые сыщики разыскали причастность к коррупции новых силовых министров и самого Рущкого. Какой-то заштатный канадский нотариус Джеффри Чапник подтвердил, что имел дело с подлинником трастового договора, подписанного Рущким, когда заверял его копию и что готов, при соблюдении необходимых процедур, дать показания прокуратуре Москвы. Понятное дело, что впослед-

ствии никто и никогда не увидел этого злосчастного трастового договора, как, впрочем, и одиннадцать пресловутых чемоданов самого Руцкого с фактами коррупции Ельцина и его окружения, но слух о коррумпированности Баранникова, Дунаева и Руцкого пошел.

24 сентября. Ельцин издает Указ об отмене выборов народных депутатов РФ, назначенных на 26 сентября, в связи с прекращением их полномочий.

14 часов. Администрация Президента Ельцина распространяет заявление о незаконности Советов народных депутатов. Оказывается, Советы были установлены большевиками в результате государственного переворота 25 октября 1917 года, а потому они незаконны вообще. Спрашивается, что же тогда администрация Президента спала столько времени и не считала незаконными Советы аж с момента своего прихода к власти 12 июля 1991 года? И почему тогда Ельцин воспользовался Первым съездом «незаконных» Советов, чтобы прийти к власти?

Но умники из администрации особыми доказательствами своей легитимности себя не утруждали. Оказывается, за депутатов нынешнего созыва в 1990 году проголосовал всего тридцать один процент от списка избирателей, а за Президента Ельцина — сорок три. И совсем уж страшную тайну о нынешних народных депутатах они поведали народу: оказывается, восемьдесят процентов из них являются советско-коммунистической номенклатурой. Правда, при этом горе-аналитики администрации Президента забыли напомнить, что и сам Борис Николаевич Ельцин — бывший Первый секретарь Свердловского обкома партии, Первый секретарь Московского горкома КПСС, член ЦК КПСС, кандидат в члены Политбюро и так далее.

16 часов. В Кремле подсчитали неутешительные результаты противостояния: по состоянию на четыре часа дня органы представительной власти пятидесяти трех субъектов России отвергли Указ Ельцина № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», объявляющий Советы распущенными. И самое тревожное, что против Ельцина выступил его оплот и надежда — родная Свердловская область. Выступил против Ельцина и Тульский областной Совет народных депутатов.

19 часов. Аналитический центр Администрации Президента распространил заявление, в котором звучали такие слова: «Рассуждая о «неконституционности» Указа Президента и отвергнув его, члены местных советов проигнорировали таким образом основной конституционный принцип — принцип народовластия, заключающийся в том, что воля народа должна неукоснительно претворяться в жизнь представительной ветвью власти». Вот уж, действительно, чья бы корова мычала: абсолютно незаконно растоптав избранные народом местные и Верховный Советы, как только они возразили против абсолютной власти Президента, он еще, устами своей администрации, заявляет, что только он и никто более — законен!

25 сентября. Кремль, наконец, созрел, чтобы дать отпор Конституционному суду, который принял решение не в его пользу. Все тот же Аналитический центр Администрации Президента выдал прессе пространное заявление. Оно довольно наглядно показывает, какие методы и аргументы использовались в закулисной борьбе, поэтому привожу его полностью.

О ЗАКЛЮЧЕНИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ от 21 сентября 1993 г.

Аналитическим центром Администрации Президента Российской Федерации по общей политике была проведена комплексная оценка Заключения Конституционного Суда от 21 сентября 1993 г. В этой работе также участвовали независимые эксперты из Российской академии наук и Российской академии управления.

Ученые и эксперты пришли к следующим выводам. Оценку заключения Консти-

туционного Суда от 21 сентября 1993 г. «О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, связанных с его Указом «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 г. № 1400 и Обращения к гражданам России 21 сентября 1993 г.» следует давать с учетом общего контекста политико-правовой ситуации в стране.

На протяжении последнего года политическому конфликту пытаются придать вид юридической проблемы — ход беспроигрышный для тех, кто стремится законсервировать существующую Конституцию и действующее законодательство. Но все юридические противоречия отражают борьбу за власть между различными политическими силами и направлениями, а сама возможность этой борьбы в данных юридических формах обусловлена фундаментальным противоречием, заложенным в Конституции, — противоречием между зафиксированными в ней принципами всевластия Советов и разделения властей.

Система органов государственной власти, предусмотренная действующей Конституцией РФ, с самого начала была весьма несовершенна, противоречива, не соответствовала принципам демократической государственности. Конституция не предполагает механизмов разрешения конфликтов между различными ветвями власти, государственными органами, субъектами Федерации, что особенно нетерпимо в условиях динамичного политического развития, формирования и защиты новых социально-политических интересов. Закрепив монополию Съезда народных депутатов на власть, Конституция не оставила и законных путей для ее пересмотра: изменить Конституцию может только Съезд, кровно заинтересованный в консервации своего положения в системе власти.

Осуществлять конституционное правосудие при крайне противоречивой Конституции и нестабильной политической ситуации весьма сложно, если вообще возможно. Поэтому многие решения Конституционного Суда, в конечном счете, носят не столько юридический, сколько политический характер. Политическая целесообразность стала для него вполне определенной доминантой и возобладала над требованиями законности. Более того, достаточно четко просматривается вполне определенная тенденция: Суд с чрезвычайной оперативностью, не дожидаясь ходатайств уполномоченных на то органов, реагировал на действия Президента, но оставлял без внимания многочисленные нарушения законодательства со стороны Съезда и Верховного Совета. Это было обусловлено объективным совпадением интересов Конституционного Суда и органов представительной власти. Поэтому с содержательной стороны Заключение Конституционного Суда от 21 сентября 1993 года нельзя признать неожиданным. Важнее его правовая оценка.

Рассматриваемое Заключение было вынесено с грубейшим нарушением ряда норм действующего законодательства:

— ст. 121-10 Конституции РФ, предусматривающей порядок отрешения Президента от должности;

— ч. 3 ст. 74 Закона о Конституционном Суде, запрещающей Конституционному Суду давать по собственной инициативе заключение по вопросам, которые могут быть предметом рассмотрения в его заседании по делу о конституционности нормативного акта;

— ст. 29, 34, 36, 41—44, 46, 58—65 Закона о Конституционном Суде, определяющих порядок подготовки и проведения совещания Суда и вынесения судебного решения. Но в ситуации, сложившейся после Указа Президента от 21 сентября 1993 г., упреки в нарушении буквы закона во многом утратили смысл. Указ Президента «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» обнажил процесс, который в менее явном виде наблюдался и ранее: реформирование российского

общества идет вне рамок действующего законодательства. Президент вывел всех участников политического процесса за пределы «законодательного поля». Теперь никто из них просто не может действовать в рамках прежней Конституции и многих других законодательных актов. В таких условиях остается только один критерий для правовой оценки действий участников политического процесса — соблюдение общепризнанных норм и принципов права и демократии. Однако нарушение Конституционным Судом процедурных норм, предусмотренных Законом о Конституционном Суде, есть одновременно нарушение основополагающих принципов правосудия. Таким образом, решение Конституционного Суда было принято вне надлежащей правовой процедуры и, следовательно, юридически ничтожно. По сути дела, это не судебное решение, а мнение (заключение) группы юристов.

Собственно, все действия Конституционного Суда и его председателя после издания Указа Президента от 21 сентября — это действия не судебного органа, а активного участника политического процесса.

Формально-юридических последствий данное заключение практически не имеет.

Серьезнее могут оказаться политические последствия Заключения Конституционного Суда, хотя его непосредственное воздействие на массовое сознание в то же время не следует переоценивать. Размежевание в нашем обществе началось не сегодня, оно носит сравнительно устойчивый характер, и такого рода заявления не могут серьезно поколебать сложившуюся расстановку политических сил и симпатий. Не случайно по индексу влияния на ситуацию в стране, определяемому весьма авторитетной социологической службой УР, летом этого года председатель Конституционного Суда занимал лишь одиннадцатое место. Вместе с тем, позиция Конституционного Суда может укрепить в сознании оппозиционно настроенной части общества ощущение легитимности противостояния Президенту, в том числе и противоправного, привести к обострению криминогенной ситуации в обществе.

Аналитический центр Администрации Президента РФ по общей политике».

Согласитесь — забавный документ. Впрочем, оставим его на совести сочинителей. Тем более что в России давно известна аксиома — правят здесь не законы, а люди.

Однако данный документ имел-таки последствия, особенно в стане колеблющихся. Тотчас председатель Центризбиркома Н. Рябов созвал пресс-конференцию, на которой поддержал действия Ельцина. Думаю, что и его аргументация имеет определенный интерес, поэтому привожу текст заявления Рябова по ленте агентства ИТАР-ТАСС:

ИТАР-ТАСС 25 сентября 1993

Дополнение 4 к сводке оперативной информации «Россия»

МНЕНИЕ Н. РЯБОВА

«Президент сделал единственно правильный шаг, показав максимум требований», — заявил сегодня на пресс-конференции председатель центризбиркома Н. Рябов. При этом он допускает, что если эти требования окажутся непосильными для общества, они могут быть изменены, что будет свидетельствовать о мудрости президента. Это касается сроков выборов, названных председателем центризбиркома «сверхжесткими». Ориентируясь на них, Н. Рябов считает, тем не менее, что они могут быть отодвинуты. Он также допускает возможность проведения одновременных выборов. Это будет зависеть «от развития политической ситуации и расстановки политических сил в стране в ближайшие дни, от того, на-

сколько мощными и обоснованными будут требования совместных выборов», — сказал Н. Рябов. Инаугурация президента может быть проведена через три месяца после начала работы Государственной Думы. Он подчеркнул, что независимо от оценки указа президента большинство советов на местах сходятся в необходимости проведения выборов.

Причиной разрыва с Р. Хасбулатовым Н. Рябов назвал различные подходы к оценкам политической ситуации, несогласие с идеей бывшего спикера законодательно реализовать всевластие советов и тем самым совершить «ползучий переворот». Заявив, что с той частью бывшего парламента, которая решилась стоять до победного конца, компромисса быть не может, он сказал, что сегодня позиция верховного совета чревата тем, что парализует работу местных советов. — Если сейчас не предпринять активных действий в отношении съезда и верховного совета, то баццлла неопределенности и зараза гражданской войны может вспыхнуть в других регионах, — отметил он. Бывший парламент предпринимает сейчас все меры, чтобы продлить свое существование.

Высказывая прогноз о том, кто победит на выборах, Н. Рябов предположил, что это будут представители либерально-демократических сил, лидеры крупных политических партий и блоков».

После такой артиллерийской подготовки Кремль решил перейти в наступление. Ельцин выступил с грозным предупреждением всем непослушным. Вот как проинформировали страну и мир средства массовой информации о выступлении Бориса Ельцина по телевидению:

«ИТАР-ТАСС 25 сентября 1993

Дополнение 1 к сводке оперативной информации «Россия»

Предупреждение президента России. Москва.

Борис Ельцин предупредил сегодня представительную власть в регионах, «что все главы администраций — под защитой президента» и он не даст в обиду никого из руководителей, «кто четко выполняет указ президента». В интервью телевидению «Останкино» он заявил также, что «советы за невыполнение указов, если они не одумаются, будут нести ответственность». Отметив, что исполнительная власть отреагировала на меры президента положительно практически во всех регионах, Борис Ельцин сказал, что «два-три региона отреагировали плохо и эти главы администраций будут с работы сняты». Сегодня уже снят «за неподчинение указу президента» глава администрации Брянской области. Что касается Советов, то там ситуация несколько иная: «примерно расклад пятьдесят на пятьдесят процентов, и то это касается малых Советов», которые далеко не отражают настроение не только всего населения региона, но даже большого Совета. Нынешнюю работу бывших депутатов в «белом доме» президент назвал «последней стометровкой», проходящей «на последнем дыхании». «У них уже ничего не остается, и фарс должен быть прекращен», — заявил Борис Ельцин, напомнив о широкой международной поддержке его мер: около семидесяти стран мира выразили поддержку действий президента России. — После указов президента по социальной защите бывших депутатов и аппарата ВС, — отметил Борис Ельцин, — люди постепенно уходят из «белого дома». «И, мне кажется, там останутся два человека — Хасбулатов и Руцкой», — считает президент. Борис Ельцин отметил, что по ежедневной информации, получаемой им из регионов России и из министерства внутренних дел, ситуация в стране спокойная. Даже, как ни странно, стало меньше преступности, меньше забастовок, митинговая активность — минимальная за все последние дни. Он объ-

яснил это тем, что «народ успокоился», четко видя, что «есть власть, эта власть действует и действует решительно».

Власть, в лице Кремля, вела наступление на мятежный Верховный Совет и депутатский корпус по всем направлениям. И, в первую очередь, на радио и телевидении. Вот как, например, промывали мозги народу на главном канале телевидения — «Останкино»:

25 сентября. 12—30. В студии народные депутаты Николай Воронцов и Борис Золотухин, которых диктор называет «бывшие», хотя срок их полномочий не закончен.

Ведущий. И все-таки силовые действия, когда в России становится законом не Конституция, а силовые меры — нормально ли это?

Золотухин. Сегодня Президент сказал: я иду на досрочные выборы 12 июня 1994 года. Нравственная позиция. Нарушены права избирателей? Соблюдены эти права. Что этим президентским указом введено ограничение свободы печати? Выведены на улицы танки? Что происходит осада Белого дома? Чьи права нарушены? Может быть, нарушены права генерала Ачалова, гекачеписта, которого назначили министром обороны? Или права генерала Баранникова, или права генерала Дунаева? Парламент распущен, но он распущен на полтора-два месяца...

От себя замечу, что депутат, сам не ведая того, оказался прав — впоследствии танки Ельцин на улицы Москвы вывел и осаду Белого дома предпринял. И не только осаду, а расстрел законно избранного парламента прямой танковой наводкой. Но это будет потом. А пока объявившие себя «бывшими» народные депутаты продолжали разглагольствовать в студии телевидения о том, что наш Президент — самый гуманный президент в мире.

Ведущий. Сейчас очень многие пугают жупелом гражданской войны. Не кажется ли вам, что это вещь, которая невозможна в нашей стране?

Золотухин. А кто начнет гражданскую войну? Те силы, которые хотят защитить членов Верховного Совета и депутатский корпус? Я сегодня был у Белого дома — ну, тысяча, ну полторы, может быть, и три. Вспомните август 1993 года. Море людей пришли тогда защищать демократию. А то, что сегодня никто не пришел к Белому дому, говорит о том, что демократия не в нынешнем Белом доме.

И опять не могу удержаться от комментария: те же три тысячи членов партии большевиков в октябре 1917 года в несколько часов свергли царский режим и Временное правительство. Правда, ситуация тогда была кардинально иной: в Петербург вовремя не подошли обозы с хлебом и город сидел на голодном пайке. Сытые и накормленные москвичи в сентябре 1993 года, конечно, не собирались ни с кем воевать.

26 сентября. Кремль начал активно «трудоустраивать» народных депутатов Верховного Совета, переманивая их на свою сторону. Один из них — Н. Медведев — получил высокое назначение начальником Управления по работе с территориями администрации президента. Бывший народный избранник тут же начал отрабатывать свой хлеб с маслом — выступил с заявлением, в котором назвал «затухающими» отдельные всплески антипрезидентских выступлений в регионах.

А ситуация в стране, между тем, продолжала накаляться.

27 сентября. Рязань. На главной площади города состоялся полторатысячный митинг в поддержку Советов.

Тревожные сообщения поступали в Москву из Брянска, Новосибирска, Читы, Нижнего Новгорода, Вологды, Оренбурга и других городов, где местные Советы не подчинились Указам Президента.

Например, глава администрации Челябинской области так и не смог прийти к консенсусу со своим областным Советом и направил в Кремль письмо с предложением приостановить деятельность челябинского облсовета, который принял ряд реше-

ний, противодействующих указу президента о конституционной реформе. Сессия этого Совета подтвердила полномочия своих депутатов и признала указ президента неконституционным и не действующим на территории области.

А в адрес Тулы поступила тревожная телеграмма с мольбой о помощи и поддержке из Брянска следующего содержания:

БРЯНСК 10801 133 26/9 2040=

г. Тула Областная администрация

Брянский областной и городской советы народных депутатов сообщают что после обнародования указа Б. Н. Ельцина об отстранении избранного на альтернативных выборах населением области главы администрации Брянской области народного депутата РФ Лодкина Юрия Евгеньевича в ночь на 26 сентября было проведено вооруженное нападение и захват здания Брянского областного совета и областной администрации. Нападающие были в масках и вооружены автоматами. По заявлению назначенного И О главы администрации Карпова В. А. захват осуществляла служба охраны Б. Н. Ельцин: «никакой необходимости в применении насилия не было».

Брянский областной и городской советы расценивают данный факт, как акт грубого произвола, проявление подлинной вооруженной диктатуры и обращаются к субъектам федерации с предупреждением о возможности повторения подобных акций в других регионах России и просьбой о моральной и правовой поддержке Брянщины.

Зампредоблсовета Лавренов

Предгорсовета Ширинов.

Чтобы хоть как-то успокоить Советы на местах и сбить волну протеста и возмущений, Ельцин поручает своему пресс-секретарю выступить с Заявлением. Оно тут же появляется на телетайпной ленте информационного агентства ИТАР-ТАСС:

ИТАР-ТАСС 27 сентября 1993

3 СВОДКА ОПЕРАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕСС-СЕКРЕТАРЯ ПРЕЗИДЕНТА РФ

Из кругов коммунистических группировок и бывшего верховного совета распространяется информация о якобы готовящихся мерах по роспуску советов всех уровней.— Эта информация не соответствует действительности,— заявил пресс-секретарь президента РФ. Она является очередной из серии фальшивок, распространяемых экстремистскими кругами коммунистов и верховного совета с целью преднамеренной дестабилизации обстановки на местах.

В этой связи уполномочен заявить, что все органы власти на местах должны продолжать исполнять свои функции, руководствуясь указом президента российской федерации «о поэтапной конституционной реформе», где ясно подчеркнуто, что «полномочия представительных органов власти в субъектах российской федерации сохраняются», никаких иных распоряжений в отношении советов не предусматривается. Местные органы как исполнительной, так и представительной власти должны обеспечивать спокойствие на местах и разворачивать подготовку к досрочным выборам. Все предположения и слухи о некоем «нулевом варианте», о возвращении к ситуации «до указа» не имеют под собой никаких оснований.

Но успокоить и остановить народных депутатов на местах и руководителей местных Советов, вдруг потерявших всю свою власть, было уже нелегко. В Санкт-Петербурге созывается Всероссийское собрание народных депутатов, на которое съезжаются представители почти половины субъектов Российской Федерации. Более того, сюда приезжают не только депутаты, но и главы исполнительной власти ряда регионов, присутствует мэр города Анатолий Собчак. Собрание депутатов принимает Заявление, в котором называет антиконституционным указ Ельцина об изменении Конституции и роспуске Верховного Совета. Заявление среди прочих подписал президент Калмыкии Кирсан Илюмжинов. Это пахнет уже открытым восстанием против Президента Ельцина с центром власти в Кремле. Другой, более легитимный центр законодательной власти продолжает действовать в Белом доме, принимать решения, увольнять и назначать членов правительства и всячески поносить «узурпатора» Ельцина.

Ельцин созывает ближайших сподвижников и решает, что же делать дальше: больше терпеть двоевластие он не намерен. Но его уговаривают подождать. Надо лишь переманить из Белого дома депутатов, убеждают они, дать им хорошие должности и обещать все блага, которых захотят.

— Сколько депутатов уже «наши»? — нетерпеливо спрашивает Президент.

— Бывший Верховный Совет однозначно разрушен, — говорит заместитель руководителя администрации В. Волков. — Из 384 бывших депутатов, работающих на постоянной основе, 76 уже дали твердое согласие перейти на работу в исполнительные органы власти и администрацию президента. Борис Николаевич от возмущения скривил тонкие губы:

— Мало!

— Еще 114 готовы к переговорам, — поспешно добавил Волков. — В Белом доме осталось лишь 170—180 бывших депутатов, чувствуется отток людей и заинтересованность в решении ими своих вопросов. Комиссия по трудоустройству бывших народных депутатов работает круглосуточно.

— Мне доложили, что сегодня ночью там было роздано еще шестьсот единиц оружия, а в окнах Белого дома выставлены пулеметы.

— Да это вызывает тревогу, — подтвердил подчиненный. — Кроме того, в здании царит антисанитария. Поэтому мы приняли решение выпускать из здания людей, не допуская туда новых. Кроме того, в Белом доме находится достаточно много денежной наличности. Всем работникам аппарата и бывшим депутатам было выдано по 150 тысяч рублей, а 15 тысяч ежедневно получают те, кто приходит на работу.

— Поэтому надо также заменить Верховный Совет в законодательном плане, — заметил Президент. — Чтобы у них работы не было.

— Мы уже делаем это: привлекли бывших депутатов в Комиссию законодательных предложений и готовим в ней ваши указы об иностранных инвестициях, о главах администраций, чтобы вывести их из-под удара Советов.

В тот же день Волков дает пресс-конференцию. На ней журналисты задают вопрос — чем занят сейчас президент? «Борис Ельцин вместе с комиссией по законодательным предложениям заполняет вакуум, создавшийся после 25 апреля в законодательной деятельности из-за того, что бывшие народные депутаты с головой окунулись в стихию политической конфронтации и перестали заниматься своими прямыми обязанностями». Формулировки «президент работает с документами» тогда еще не придумали.

Впрочем, в том, что многие народные депутаты, предвидя скорую развязку противостояния, замесались в поисках надежного прибежища, представитель Кремля был прав. Не только депутаты Верховного Совета, но и новые назначенцы Хасбулатова и Руцкого тоже заколебались. Вечером 28 сентября Кремль через агентство ИТАР-ТАСС распространил такую информацию.

«ОБЪЯСНЕНИЕ В. БАРАННИКОВА

Как стало известно корр. ИТАР-ТАСС из достоверных источников, вчера председатель совета министров В. Черномырдин принял для беседы В. Баранникова по его просьбе. На встрече присутствовал первый заместитель министра безопасности РФ С. Степашин. Баранников объяснил премьер-министру, что он пошел в «белый дом» с единственной целью: помочь наведению порядка среди так называемых добровольцев и осуществить контроль за сдачей оружия. В ходе разговора он пояснил премьер-министру: «я понимаю, что с этой компанией мне не по пути», имея в виду руководство верховного совета. Он заявил также, что «осуществлять функции псевдоминистра не намерен» и просил передать президенту России, что «был и остается верен ему», высказав твердое намерение в ближайшее время покинуть «белый дом». В. Баранников сообщил также, что подобное намерение есть и у А. Дунаева. Никакой политической деятельностью бывший министр безопасности, по его заявлению, заниматься не собирается».

Что было дальше — всем хорошо известно. Ельцин все же решился на беспрецедентный шаг — расстрел засевшего в здании правительства на Краснопресненской набережной Верховного Совета прямой наводкой из танков. Захватывающее зрелище расстрела и штурма наблюдал в прямом эфире телевидения весь мир. Западное агентство «СІ-N-N» установило телевизионные камеры в непосредственной близости от танков, поливающих высотное здание из бронебойных снарядов. И, что интересно, Запад, всегда так пекущийся о защите прав всех законно избранных, даже не вспомнил при этом о нарушении демократии при расстреле избранного народом России парламента. И это полностью снимает фальшивое одеяло справедливости и демократии с западных миротворцев: когда им выгодно разрушить Россию, они не замечают никаких нарушений прав и свобод.

Красивое здание первого российского парламента сильно закоптилось и кое-где разрушилось, сопротивление малочисленных защитников Белого дома было подавлено, Кремль торжествовал полную и окончательную победу. Полгода после этого штурма вся законодательная и исполнительная власть в стране была сосредоточена в руках Ельцина. Никто не мешал ему принять и выполнить любое обещанное ранее решение. Но, как показало время, практически не одно из них не было выполнено, хотя были новые обещания «лечь на рельсы» и так далее.

Зато все, что было необходимо сделать для укрепления и восхваления нового режима, было сделано немедленно. В заключение приведу только два подобных документа.

«О ПОРЯДКЕ НАЗНАЧЕНИЯ ГЛАВ АДМИНИСТРАЦИИ

Президент России Б. Н. Ельцин подписал указ «о порядке назначения и освобождения от должности глав администраций краев, областей, автономной области, автономных округов, городов федерального значения». В нем, в частности, указывается: «в целях обеспечения стабильного функционирования органов исполнительной власти в период поэтапной конституционной реформы в Российской Федерации постановляю:

- 1. Установить, что глава администрации края, области, автономной области, автономного округа, города федерального значения назначается и освобождается от должности президентом Российской Федерации по представлению председателя совета министров — правительства Российской Федерации.*
- 2. Настоящий указ вступает в силу с момента его подписания».*

07224 5 ОКТ 93»

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ

Президент России Б. Н. Ельцин подписал указ «О присвоении звания Героя РФ военнослужащим Вооруженных Сил РФ». В нем говорится: «за мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, присвоить звание «Героя Российской Федерации»:

<i>Беляеву Николаю Александровичу</i>	— подполковнику
<i>Евневичу Валерию Геннадьевичу</i>	— генерал-майору
<i>Игнатову Николаю Ивановичу</i>	— подполковнику
<i>Коровушкину Роману Сергеевичу</i>	— рядовому (посмертно)
<i>Красникову Константину Кирилловичу</i>	— старшему лейтенанту (посмертно)
<i>Куроедову Алексею Юрьевичу</i>	— старшему сержанту
<i>Панову Владиславу Викторовичу</i>	— рядовому (посмертно)
<i>Смирнову Сергею Олеговичу</i>	— капитану (посмертно).

* * *

Президент России подписал указ о присвоении звания Героя Российской Федерации министру внутренних дел РФ В.Ерину «за мужество и героизм, проявленные при пресечении вооруженной попытки государственного переворота 3—4 октября в Москве».

07234 8 окт. 93

*Посвящается моей матери —
Разгуловой Дарье Ивановне*

ПРИШЛА ПОРА ПИСАТЬ МЕМУАРЫ

Пожалуй, каждый человек, дожив до определенного возраста, начинает подводить итоги. Только обычный человек это делает мысленно, а писатель — на бумаге. Жизнь — это то, что случается с нами, пока мы строим планы на будущее. Глядишь, а уже большая часть ее прошла. И все больше того, что остается в прошлом. Но ведь есть у каждого человека в этом прожитом много интересного, поучительного. Того, что важно другим, что поможет не повторить твоих ошибок, что должно остаться после тебя. И самое главное в этом — встречи с людьми, беседы, интересные случаи, ведь, по большому счету, жизнь — это не то, что прожито, а то, что запомнилось.

Жизнь — это заглядывание в зеркала в поисках собственного лица. А лица в каждой жизни, особенно писательской, бывают не только разные, но и очень колоритные, важные, запоминающиеся. Вот об этом и пойдет речь дальше.

О ВЕЛИКИХ МИРА СЕГО

Жизнь — как спичка: вспыхнет и погаснет. После остается свет либо копоть. Об этом не задумываешься, когда тебе двадцать. Так и я учился в техникуме в Мичуринске, служил на Северном Кавказе в армии в ракетных войсках, работал на селе... А если говорить коротко, то моя служебная карьера сложилась в три этапа. После

службы в армии мне пришлось работать в дальнем медвежьем углу области — самом глухом отделении совхоза «Красный богатырь», на границе с Рязанской областью. Туда в то время не было даже нормальной дороги. Там, в деревенской глуши, я строил свои первые произведения в «Новомосковскую правду».

Меня заметили. И вдруг приходит приглашение работать в Туле, в областной газете «Коммунар». Для меня это было неожиданностью. Но молодость — время дерзких решений, когда ничто не страшит. И я, не раздумывая, согласился.

Это было в марте. А зимы тогда были снежными: даже трассу Рязань — Новомосковск в районе краснобогатырских полей замело на метр с лишним. Пришлось вывозить на гусеничном тракторе.

Так я и заявился в Тулу, в редакцию газеты «Коммунар»: в валенках и тулупе. Очень запомнилось, с каким интересом меня рассматривали журналисты Л. Носкова и С. Щеглов.

А потом понеслась бешеная жизнь с постоянными разъездами и командировками, но я не забывал и культурное времяпровождение. Первым моим спектаклем в Тульском драмтеатре стал «Пока арба не перевернулась». Я сидел на первом ряду и с большим интересом смотрел этот спектакль. И с тех пор не пропускаю практически ни одной премьеры. Был одним из тех, кто предложил театру выдвигаться на звание «академический».

Помню, как директор театра С. Борисов на одной из вечеринок представил меня кому-то: это наш попечитель, Маслов. Слово тогда для меня было новым, в самом деле, для Тульского театра драмы я делал очень многое, благо, что уже работал в облисполкоме и мог кое-что пробить.

Работа во власти была тоже интересной и непростой. Приходилось писать для очередного шефа и доклады, и выступления, и тосты. Особенно запомнились визиты в Тулу таких деятелей, как французского президента Валери Жискар д'Эстен, послов двадцати стран мира, генсека Л. Брежнева.

Вопреки распространенному мнению, Леонид Ильич, в пору моей встречи с ним, совсем не пил. Он приехал тогда в Тулу по случаю награждения города Золотой Звездой и званием «Город-герой». На банкете в Доме офицеров он сидел во главе стола и поднимал хрустальный бокал за все тосты. Но наливали ему белую жидкость, которая была водой, а не водкой, хотя и красовалась в водочной бутылке.

Впрочем, по части обмана с алкогольными напитками партийно-советские деятели всегда были на высоте. Рассказывают, как в бытность председателем тульского облисполкома Г. Камаев каждый день в обед выпивал стакан чая. Официантка из буфета открыто несла ему по коридорам старинного здания, ныне снесенного, в кабинет стакан с чайной ложкой, доверху наполненный коричневой жидкостью. Только был это не чай, а самый обычный коньяк.

Продолжая алкогольную тему, забегу далеко вперед, в наши дни. Когда писательская организация переехала в Дом творчества на улицу Каминского, я решил устроить за счет Фонда чаепитие для творческих личностей. С этим и пришел к ответственному секретарю. Многоопытный Пахомов с любопытством посмотрел на меня, такого наивного:

- Валерий Яковлевич! Писатели не пьют чай.
- А что же они пьют, Виктор Федорович?
- Писатели пьют водку!

КАК Я ГАЙДАРА В ТУАЛЕТ ВОДИЛ

Во времена губернаторства Николая Севрюгина очень модно было организовывать в область визиты высокопоставленных деятелей. Кorteжи с чиновниками из Москвы

всех рангов подлетали к местному Белому дому чуть ли не каждую неделю. И не все из них были абсолютно бескорыстны. Например, очень любил ездить в гости бывший начальник контрольного управления Президента страны Георгий Махарадзе.

В начале карьеры Ельцина он был одним из самых могущественных людей страны. Именно от него зависели кадровые назначения, особенно губернаторов и мэров городов.

К нему я возил в абсолютной тайне письмо губернатора области с просьбой назначить на пост главы администрации Тулы Николая Тягливого, хотя официально в Кремль и правительство были направлены совсем другие кандидатуры. И мэром стал именно Тягливый. Хотя первоначально все складывалось далеко не в пользу этого, достаточно подкованного в хозяйственных вопросах чиновника. Кадровая вакханалия в тот переходный период была жуткая: во власть лезли все «дерьмократы», которые хоть раз прокричали слово «Долой!» с парашута на митинге возле тульского Белого дома. Помню, как один из таких говорунов в благодарность за его отказ от критики губернатора Севрюгина просил меня, чтобы его назначили на свободную должность зама по строительству. Когда я спросил его: работал ли он когда в этой непростой отрасли, тот самонадеянно ответил: «А это неважно. Я руководить умею». Кстати, все его навыки в строительстве и руководстве ограничивались несколькими годами преподавания в институте.

Так вот, тульские демократы предложили в мэры города-героя Воеводина. Севрюгин тут же загорелся этой кандидатурой: «Юрий — прекрасный оратор, он готовый рыночник!» Я возразил: «Ошибетесь». Он: «Да я уже дал согласие». Но на следующий день вызвал меня и говорит: «Ты прав. Давай сделаем так: официально в Москву пойдет кандидатура Воеводина, а ты поедешь с моим письмом по Тягливому». Надо сказать, что потом Севрюгин, как его ни натравливали на Тягливого, ни разу не пожалел, что остановил выбор на нем.

А к Махарадзе я с тех пор ездил часто. Он уже переехал из Дома правительства в новый кабинет на Старую площадь, где прежде размещался ЦК КПСС. Мне нравился этот довольно простой, взнесенный вихрем ельцинской революции из заштатного Волгограда человек. Правда, власть, особенно большая, может довольно быстро испортить человека. Так и он, вкусив почти неограниченной власти, стал хотеть еще большего.

В одну из наших встреч в Москве, в его кабинете на Старой площади, он, показав внушительных размеров комнату, сказал:

— Скоро будет еще больше: меня назначают заместителем председателя Правительства.

— Зачем вам это? — невольно спросил я.

— Ничего ты не понимаешь, — ответил Махарадзе. — Если уж попал в обойму, нужно двигаться только вверх, иначе сомнут.

Он стал вице-председателем Правительства. Но ненадолго. Вскоре его сослали на вполне почетную должность торгового представителя посольства в Канаде.

Так вот этот влиятельный, вполне обеспеченный чиновник во время одного из своих визитов в Тулу, получив определенные подарки, на мой вопрос: «Не тяжело ли так много работать?» сказал: «Да, времени совсем нет. Вот сейчас приеду домой, а там даже хлеба нет».

Пришлось покупать хлеб.

В этой связи помнится, как к нам в Тулу также частил наш куратор из Президиума Верховного Совета РСФСР Ткаченко. Так вот, этот чиновник не ленился везти с собой из Москвы даже мешок с рваной обувью, чтобы бесплатно отремонтировать ее в Туле.

И вот в один прекрасный день в Тулу приезжает с официальным визитом предсе-

датель Правительства Егор Гайдар. Даже на скоростных правительственных машинах от Москвы до Белого дома в Туле нужен час с лишним. Да пока официальные китайские церемонии встреч-проводов. В общем, человек несколько часов провел в пути. А тут его губернатор встречает, долго жмет руки, сажает за стол и начинает «грузить» проблемами области.

Вижу Егор Тимурович как-то странно мнетя, косится на дверь кабинета, но молчит. Как потом я выяснил, был он человеком довольно стеснительным, интеллигентным.

Ну, думаю, ему сейчас не до государственных дел. И решаюсь на подвиг: прервать официальные переговоры. Подхожу к Гайдару, наклоняюсь и тихо интересуюсь: не нужно ли ему пройти в туалет?

Признаюсь, такого благодарного взгляда я потом ни разу не получал ни от одного из высоких политических деятелей.

Разговор за длинным столом на несколько минут перешел в неофициальное русло, а я с председателем Правительства без всякой охраны важно прошептал в то место, куда царь пешком ходит.

Я СЛИШКОМ МНОГО ЗНАЮ

Раньше я недоумевал, почему проштрафившихся чиновников все время провожают на разные почетные должности, например, послами в африканские страны? А потом понял: с ними опасно связываться. Пусть простит меня бывший председатель облисполкома Н. Т. Синегубов, которого я глубоко уважаю и которому очень многим обязан, но один эпизод из его жизни я все же приведу.

Во время его работы на высоких должностях, тогда в нашей области первым секретарем обкома партии был И. Х. Юнак. Властью он обладал практически безграничной. С неугодными людьми расправлялся круто, выдающихся деятелей, видимо, вокруг себя иметь не хотел. С этим столкнулся и председатель колхоза-племзавода В. А. Стародубцев, и председатель облисполкома Н. Т. Синегубов. Дошло до того, что Юнак стал устраивать за ним слежку, придираться по пустякам, делал нормальную жизнь невозможной. Как-то захожу в кабинет к Синегубову, а он сидит за столом и смеется: «Из-за этого хохла поэтом сделался!» И стал читать мне стихи, как «чертов гетман с Украины» его достал. Да я и сам неоднократно бывал свидетелем такой травли талантливого руководителя. Как-то я подготовил доклад председателя облисполкома на Пленуме обкома КПСС. Естественно, что его надо было предварительно согласовать с Юнаком. Тот, не читая, звонит Синегубову и прямо говорит: «Твой доклад — говно». Но, видно, и до него дошло, что нельзя так унижать человека, и через полчаса он снова звонит по прямому проводу в кабинет главы исполнительной власти области: «Чем занимаешься?» На что Синегубов, не растерявшись, тут же отвечает «Из говна варенье делаю». А боялись Юнака в это время не только в нашей области.

По делам службы я как-то был в ЦК КПСС у инструктора по Тульской области. Сидим в кабинете, обсуждаем дела. Звонит телефон внутренней связи. Инструктор ЦК поднимает трубку, слушает и вдруг меняется в лице. Быстро говорит мне:

— Все, все, мне некогда, Иван Харитонович приехал!

Я тогда удивился: подумаешь, приехал первый секретарь одной из восьмидесяти областей России, а уж страны в целом — и вовсе никто.

А оказалось, он с Брежневым хорошо знаком, вхож к нему. Вот тебе и Юнак!

Так вот, в один из дней первый секретарь обкома партии, будучи в плохом настроении, звонит председателю облисполкома по прямой линии и начинает крыть его на чем свет стоит. Синегубов терпел, терпел, а потом спокойно отвечает:

— Иван Харитонович! Я прошу меня больше так не трогать, я слишком много знаю!

Это была поистине волшебная фраза, с тех пор Юнак побаивался обижать своего подчиненного без основательных причин.

КАК Я УШЕЛ ИЗ ВЛАСТИ

Признаться, работа в органах власти меня по-настоящему никогда не привлекала. И попал я в Тульский облисполком совершенно случайно. Это был второй этап моей жизни и карьеры. Как-то вызывает меня к себе, в кабинет редактора газеты «Коммунар», Туманов. Надо сказать, он был прекрасным образчиком партийно-советского работника, за что и удержался на своей должности двадцать пять лет, несмотря на опечатки в газете типа «Валентина Терешкова сделала 18 оборотов вокруг Земли». Выпала одна буква «о» из слова, а человек мог оказаться за решеткой.

Посмотрел он на меня мудрым взглядом редактора, которого смог провести какой-то мальчишка, и говорит:

— Ну ты даешь, я и не знал, что у тебя в облисполкоме «мохнатая» рука.

Я смотрю на него и ничего не понимаю. Он по достоинству оценил мое молчание и продолжил:— Тебя приглашают туда работать помощником председателя.

А я в то время и про сам облисполком смутно знал, не то, чтобы о каком-то протеже из этого органа власти. Так и попал я туда работать. И написал для разных деятелей кучу разных бумаг, засушивая свои мозги. Когда же губернатором стал Н. Севрюгин, дел у меня резко прибавилось. Я и помощником его был, и близким поверенным, и пресс-секретарем, руководителем пресс-службы и так далее. Выматывался страшно, тем более что время было смутное, переходное и непонятное.

Однако и там я старался не поступаться принципами, оставаться прежде всего человеком. Запомнился такой случай. Идут очередные выборы и в область приезжает комиссия наблюдателей из Совета Европы и ОБСЕ. Севрюгин поручил мне как его пресс-секретарю встретить высоких зарубежных гостей на уровне. В зале на пятом этаже тульского Белого дома накрыли шикарный стол, который ломился от еды и напитков, пригласили туда тульскую прессу. Появляются гости. Выпили, закусили, произнесли тосты. И тут советчиков из Европы понесло: упреки в отсутствии свободы слова и демократии, высокопарные поучения. И все это направляется в мой адрес, как представителя администрации области. Я слушал-слушал, потом встаю, поднимаю рюмку с водкой и говорю: «Дорогие гости, спасибо за урок. Но я бы, прежде чем начать учить хозяев, не стал бы садиться к ним за стол и пить-есть задаром. Так что гуляйте без меня». После этого я выпил, поставил рюмку на стол и покинул это благородное собрание.

Утром прихожу в кабинет к Севрюгину. Естественно, ему уже доложили. Причем так, будто я послал зарубежную делегацию матом. Но, когда я рассказал, как было, губернатор согласился: «Правильно сделал».

Если меня спросить, что я больше всего ценю в жизни, то отвечу просто: стабильность и предсказуемость, верность традициям. За что ценю англичан: там законы по триста лет действуют и никто их не меняет. Это я к тому, что и у меня были свои традиции. Например, каждый год я ездил летом в Сочи, к морю. Очень мне нравился Международный молодежный центр «Спутник», с которым связано много добрых воспоминаний. Как мне это удавалось? Трудно, но скажу одно: платил за путевки всегда полностью и из своего кармана, в отличие от других партийно-советских работников.

Так вот, достал я очередную путевку в Сочи, подходит время мне уезжать, а шеф не отпускает. Всех своих заместителей в отпуск отправил, а меня нет.

— Ты мне здесь нужен.

— Зачем,— говорю,— мне такая жизнь?

Он смотрит на меня и искренне не понимает; для него постоянная работа, поездки, власть и есть настоящая жизнь.

Тогда я пошел на хитрость: подписываю у первого заместителя распоряжение о своем отпуске. И вдруг накануне отъезда, вечером, мне звонит Севрюгин:

— Валер, нужно срочно решить один вопрос,— и дает поручение.

Я всю ночь не сплю, выполняю задание, а утром улетаю в Сочи. Возвращаясь, захожу к шефу в кабинет, а он на меня не смотрит:

— Ты меня предал.

Так и расстались. Но нет худа без добра. Как только я ушел из Белого дома, так сразу стал писать для себя. И у меня пошли книги. По шесть романов выпускали в год разные издательства, появилась слава известного писателя, редакторы крупнейших издательств из Москвы, Украины, Питера сами приезжали ко мне в Тулу. Роман «Мафия бессмертна» был переиздан десять раз, после чего мое имя занесли в Международный рейтинг писателей, а по тиражам и количеству выходящих книг я занял третье место в стране. Да и сейчас мои писательские дела идут в гору. Теперь я покоряю читателей в новом формате — мои романы выходят на лазерных дисках-сидиромах в формате MP-3. В Интернете я занял по этой позиции наивысший читательский рейтинг — пять звезд, а на книжном рынке Москвы по уровню продаж занял второе место после раскрученного писателя Пелевина. Только что мне позвонил из Москвы директор издательства «Говорящая книга» и сообщил, что высылает мне в Тулу новый договор на выпуск на лазерном диске второго моего романа — «Москва времен Чикаго».

Так вот, возвращаясь к Сочи, хочу сказать, что оно всегда дарило мне подарки. Там в свое время я «проплавал» в море известные события, связанные с ГКЧП. Там встретил «дефолт». Надеюсь, что и будущие неприятности минуют меня стороной, когда я буду находиться в этом благословенном уголке нашей страны.

Хочу заметить, что мой уход от Севрюгина пагубно сказался на его дальнейшей судьбе. Свято место пусто не бывает, и его, естественно, тут же заняли другие люди. Появились откровенные проходимцы, которые окружили довольно доверчивого и мнительного губернатора, чтобы решать свои личные дела. С одним из таких бывших «друзей» Севрюгина я встретился много позже, когда Николай Васильевич уже находился в следственном изоляторе тульской тюрьмы. Спрашиваю:

— Ты у Севрюгина был?

— Что ты?! Это же неудобно — он в тюрьме сидит!

А я подумал: когда Николай Васильевич был при власти, и ты с его помощью выколачивал огромные кредиты для своей фирмы, то лизал его во все возможные места, а здесь присутственного места стесняться стал!

Скажу сразу: я до сих пор, несмотря на многочисленные судебные разбирательства и почти двухлетнее пребывание Севрюгина в СИЗО, не верю, что он брал взятки. Это не тот человек: деньги для него не имели значения. Главным для увлеченной натуры простого деревенского хозяйственника, которым он остался и на посту губернатора, были российская слава, продвижение брэнда тульской губернии на всю страну, увлечение всем новым и реформаторским. Деньги, личная жизнь, даже семья были для него на втором плане.

Этот наивный человек, волею судьбы попавший на российский Олимп власти — а он был и членом Президентского совета, и лицом, приближенным к Президенту страны, — и ею же брошенный во власть бандитского капитализма, так и не понял, что люди, строившие новое общество под себя, являются прожженными циниками и дельцами, лишенными совести. Приведу всего лишь один пример. Когда он по болезни все же вышел из СИЗО, то обратился ко мне с просьбой помочь выпустить его стихотворный сборник, написанный в камере. Я помог. Книжка под названием «Ис-

пытание смертью» была напечатана тиражом в сто экземпляров — на большее у меня не хватило денег.

Севрюгин с радостью прочитал ее, сделал правку и приехал ко мне в Дом творчества в Туле.

— Эту книжку надо издать тиражом в миллион экземпляров! — со свойственной ему горячностью убеждал меня Николай Васильевич. — Ее расхватают, как горячие пирожки — меня только по НТВ 150 раз показывали! (Он имел в виду свое скандальное дело по подозрению в получении взятки в 100 тысяч долларов.)

— На это нужны большие деньги. Где их взять?

— Никаких проблем: я обращаюсь к Чубайсу, к Вяхиреву — они помогут.

Но никто не помог. Да что говорить о далеких богатеях — свои, местные деятели, в свое время всем обязанные Севрюгину, в этой просьбе отказали. Тот же Н. Попов, которого из шахтного небытия Николай Васильевич вытащил и сделал своим вице-губернатором, ответил, что денег у него в богатейшей газовой организации нет. Как тут не вспомнить знаменитое: «Бойтесь данайцев, дары приносящих!»

ПЕРЕДЕЛКИНО

Еще одним, не менее благословенным уголком является Дом творчества писателей под Москвой. В свое время он возник благодаря заботам о писателях Сталина. Тогда, по его мудрому указанию, в живописном бору вблизи столицы (всего пять коротеньких остановок на электричке с Киевского вокзала) были построены двухэтажный кирпичный дом для писателей и многочисленные капитальные деревянные дачи-коттеджи для избранных. Надо сказать, что даже сейчас, когда в переделкинском писательском городке появились особняки новых русских, эти деревянные монстры сталинской эпохи смотрятся довольно внушительно.

В двух из них разместились музеи Б. Пастернака и К. Чуковского, позже к ним прибавился третий — Окуджавы.

Интересную историю о коттедже известного телеведущего передачи «Что? Где? Когда?» Владимире Ворошилове рассказали мне родственники писателя Катаева. В свое время Ворошилов стал часто появляться в переделкинском Доме творчества, хотя и не являлся членом Союза писателей. Как-то при встрече я предложил ему свою книгу «Мафия бессмертна» для призов игрокам. Он довольно любезно объяснил, что с удовольствием бы, да за ним внимательно следят: это будет реклама книги.

А потом Ворошилов исчез. Оказывается, он пробил себе пол-участка дачи известного русского писателя Катаева и построил на ней коттедж.

Мне-то он в рекламе книги тогда отказал. А настоящим рекламодателям, от которых есть прок, — конечно, нет. Новый трехэтажный коттедж в Переделкино надо было обставлять мебелью. Рассказывают, что он пригласил в него хозяина одной иностранной фирмы, который предложил обставить весь дом «белой» мебелью. Когда пришла пора договариваться о цене, Ворошилов, мол, небрежно, обронил:

— Двух минут рекламы в моей передаче вам хватит?

— Конечно, конечно! — согласился гость.

Я тогда подумал: зачем ему, человеку давно не молодому, которому уже пора задумываться о вечном, все эти изматывающие хлопоты со строительством навороченного особняка, отнимающего последние силы от любимого творческого дела? К тому же, в этот особняк Ворошилов привел девятнадцатилетнюю любовницу. Писатели тут же стали шутить: «Не женись на молодой: или рога вырастут, или копыта отбросишь». К сожалению, пророчества насмешников через полгода сбылись: обладатель роскошного особняка скончался в нем от инфаркта.

Но Переделкино, намоленное и натворенное сотнями гениальных писателей и

поэтов, привлекает к себе другим: особым духом, настроем, природой. Заповедный сосновый бор, чистый воздух, тишина, прекрасные условия для работы: пиши — не хочу! Здесь написал большую часть своих книг. Бывали особо удачные дни, когда строчил на своей машинке по тридцать страниц! Правда, перерывы делал только на еду, да короткие прогулки с моей любимой собачкой Джулей.

История Джули довольно проста: я нашел ее в Туле крохотным щенком на асфальте. Она ластилась к двум увлеченно говорящим женщинам, а те отпихивали ее ногой. Я взял ее на руки; она сразу стала лизать их. Я подумал: это судьба.

С тех пор мы не расстаемся. Вот и сейчас она лежит рядом со мной на диване и помогает мне писать эти мемуары. Надо сказать, что более преданного, ласкового и заботливого существа я не встречал на земле. Она никогда не предаст, не обманет, не потребует ничего от своего хозяина, зато подарит ему всю себя и свою жизнь, ласку и заботу.

Надо видеть, как стали умиляться Джулей все, кто теперь встречал ее умытую, чистую, в ошейничке с медалькой. Поэт Вознесенский, встретив нас на прогулке в Переделкино, сочинил несколько строк в знак любви к такой собачке. А я назвал ее именем главную героиню моих романов, которая также умна и непосредственна.

ВСТРЕЧИ С АНАСТАСИЕЙ ЦВЕТАЕВОЙ

Я отдыхал в старом переделкинском корпусе летом. Прямо напротив моей комнаты находился номер Анастасии Цветаевой. Ей в ту пору было уже 98 лет, но она еще ходила, и я не раз встречался с ней в коридоре, перекидываясь несколькими словами.

И что характерно: Анастасия Ивановна не желала считаться с преклонным возрастом, ей хотелось оставаться в литературной среде, помогать молодым. И потому она не отказала и мне: взяла почитать мои деревенские повести. Я, конечно, волновался, хотя повести уже были напечатаны в престижной серии «Приокская проза» в Туле и вышли в серии «Первая книга в столице» в московском «Современнике».

Но оценка признанной писательницы оказалась положительной. Она даже рассказала мне, что ей особенно понравилось. Например, она с умилением вспоминала сценку, рассказывающую в повести «Случай в Обояни» о том, как молодой пастух справлялся с норовистыми телятами. «Ведь надо же! — воскликнула она. — У каждого теленка, как у человека, свой характер!» Кстати, с такой характеристикой Цветаевой согласились потом поэтесса Ирина Волобуева, подарившая мне свою книгу «Цветы в снегу», и другие писатели, когда также обсуждали мою деревенскую прозу на литературном вечере в переделкинском Доме творчества.

Но однажды Цветаева почувствовала себя плохо: собралась умирать. А, надо сказать, что Переделкино знаменито, конечно, не только своим писательским городком. Тут находится резиденция Патриарха Московского и всея Руси Алексия, сюда к нему часто ездит Президент В. Путин. А рядом с этой резиденцией располагается одна из старейших церквей Москвы, в которой находится знаменитая икона Иверской Божией Матери. Как-то в сумрачный зимний будний день, воспользовавшись отсутствием посетителей, я около часа простоял в маленькой келье с этой чудотворной иконой. И вышел оттуда совершенно обновленный, напоенный живительной силой и энергией. Видимо, такая же история произошла и с А. Цветаевой. Из этой патриаршей церкви пригласили священника соборовать сестру великой поэтессы Марины Цветаевой. Он приехал, провел соборование.

И вдруг случилось чудо: Анастасии Ивановне стало гораздо лучше. Она буквально воскресла из мертвых. Стала вновь ходить с провожатой.

После этого волшебного случая Анастасия Ивановна Цветаева прожила еще полгода.

Другим переделкинским долгожителем, которого я постоянно встречал в Доме творчества в каждый свой приезд был поэт Липкин. Семен Израилевич особенно прославился, когда сделал перевод какой-то калмыцкой национальной святыни на русский язык. За это к нему приезжал сам президент Калмыкии К. Илюмжинов, который подарил ему за это орден из чистого золота, украшенный 18 бриллиантами и 7 рубинами. Реликвию положили на хранение в банк, на нее стали претендовать наследники, в частности сын Липкина. Кстати, сам Семен Израилевич себя очень берег. В застойные годы обязательно брал из столовой вечерний кефир, а когда наступило капиталистическое изобилие, он сменил диету. Каждый день поэт обязательно съедал по яблоку, утром строго 8 штук залитой кипятком с предыдущего вечера кураги, а вечером дня текущего все тот же кефир, но уже с бананом. Правда, до возраста А. Цветаевой он все же не дотянул, но когда я его девяностолетнего, причем одного, встречал на прогулке, взгляд Семена Израилевича был цепким и вполне адекватным.

Впрочем, эта интеллигенция себя особенно житейскими делами не утруждала. Его жена, поэтесса И. Лиснянская, с особым умилением, например, вспоминала историю о том, как с еще одним писателем из Переделкино они ходили за несколько километров на станцию «Переделкино»... считать проходящие электрички. Если выходило по двенадцать в каждую сторону, то что-то у них могло сбываться. Вот уж, действительно, вспомнишь незабвенную чеховскую Мирру Лохвицкую, которая искренне восклицала: «Да что вам сдались эти мужики? Пусть себе сеют и пахут!»

В БАНЕ С ЮРИЕМ ПОЛЯКОВЫМ

С писателем Поляковым я познакомился в баре Дома творчества в Переделкино. Он уже был маститым автором, скандально известным по книгам и фильмам «Сто дней до приказа», «ЧП районного масштаба» и другим. В своей книге «Козленок в молоке» Юрий показал жизнь писателей в Переделкино.

Помнится, мы тогда хорошо посидели за столиком в зале, много выпили. Почему я отмечаю этот столик, потому что обычно в баре я сижу за стойкой. Так лучше общаться с коллегами по перу, видно всех, кто заходит, а я, признаться, любопытен.

Что меня поразило при первой встрече, так это ее последствия. Мой хороший друг, переводчик многих зарубежных авторов и старожил Переделкино, Юрий Комов, который также был в нашей компании, на второй день доверительно мне сообщил:

— Юрка Поляков переживает: ничего лишнего он вчера спьяну не наболтал? Ему важно, какое мнение он на тебя произвел.

Мне стало интересно: кто я такой, по сравнению с известным, популярным писателем, который живет и тусуется в Москве! Но в то же время этот эпизод мне и польстил: значит, я — не последний человек даже в московской писательской среде.

Кстати, легенда Дома творчества Марина, работавшая в тамошней библиотеке и подрабатывающая в баре, красавица, умеющая всегда ослепительно выглядеть, ежедневно меняющая наряды, высказала за стойкой, когда мы сидели рядом за ней, такую мысль;

— Вы писатели? Вот кто настоящий писатель! — и она указала на меня. — Книги Валерия Яковлевича постоянно берут в библиотеке, а ваши опусы никто не читает.

— Да уж, — со вздохом сожаления согласился Комов. — Писатель — это не тот, кто пишет, а тот, книги которого читают.

Так наша компания и состоялась. Втроем — я, Юрий Поляков и Юрий Комов, мы часто парились в сауне Дома творчества, которая размещается в подвальном помещении рядом с баром. Там, за пивком и паром, мы вели долгие душевные разговоры о судьбах страны и литературы. Впрочем, очень интересный в своих книгах Поляков, на мой взгляд, оказался не тем человеком, которого зовут душа компании. Как

говорил поэт: «Лицом к лицу лица не увидать. Его поймешь, увидев лишь на расстоянии». Так и многие из тех знаменитых писателей и поэтов, с которыми я познакомился в Переделкино, при ближайших встречах оказывались совсем неинтересными собеседниками.

Ну, а распалась впоследствии наша компания совсем по прозаическим причинам. Два Юрия затеяли строить дачу в Переделкино. Поначалу дела их шли неплохо. Но затем начались споры и выяснения, два друга стали чуть ли не врагами. Дошло до того, что один явился на место стройки с друзьями-братками, а второй вызвал ОМОН для ее охраны.

Кстати, Комову пришлось выяснять отношения по поводу этой злополучной дачи и с другим известным долгожителем Переделкино, ныне покойным писателем Анатолием Рыбаковым, который жил напротив. Тому не понравилась куча мусора у строящегося объекта:

— Что это такое! Ко мне приезжают иностранцы, а тут мусор!

На что Комов, знавший из творчества знаменитого прозаика, видимо, только это произведение, резонно заметил:

— Я понимаю, вы — известный писатель, «Кортик» и все такое, но где вы были, когда я с этого пепелища вывез четыре самосвала «прокладок» и прочей дряни?

После этого Поляков перестал появляться в Доме творчества. У меня есть его московский домашний телефон, но, признаться, я ни разу им не воспользовался, хотя теперь Юрий — главный редактор «Литературной газеты». Кстати, для того, чтобы все же решить «квартирный вопрос», который, по меткому выражению М. Булгакова, «испортил москвичей», Полякову пришлось войти в состав Правления Литфонда и даже на короткое время его возглавить. Зато теперь в самом начале улицы Довженко, рядом со знаменитой дачей З. Церетели, возник дом писателя Ю. Полякова. А книги с его дарственной надписью в моей библиотеке стоят. Но, когда я недавно прочитал его роман «Замыслил я побег...», меня постигло разочарование. Зациклился Поляков на своем комсомольском прошлом. И даже роман о современности у него довольно густо пересыпан нафталином прошлого: все те же длинные описания былых партийно-комсомольских дрязг, пайков и прочих прелестей советской эпохи. Впрочем, бои за дачный участок двух писателей, мелочь по сравнению с теми непрекращающимися сражениями, которые вот уже несколько лет ведутся за Литфонд. Помню: раньше, в советские времена, я приезжал в тихое интеллигентное место Литературного писательского фонда на улице Усиевича в Москве и не видел даже намеков на раздразнивание в поведении сотрудников. Теперь же идет постоянная война за обладание лакомым куском собственности: Галумян — Римма Казакова — Переверзев — Поляков — снова Галумян... В мае 2002 года в Дом творчества в Переделкино нагрянули сторонники одного из претендентов на трон председателя Литфонда с пятнадцатью вооруженными сотрудниками ОМОНа. Перекрыли все выходы, отобрали печать, выгнали директора. Новый продержался три месяца. Он так хорошо пил, что ему в этом чрезвычайно важном деле помешали даже... самолеты, пролетающие над территорией Дома творчества из соседнего аэропорта Внукова. Не долго думая, он позвонил в аэропорт и сообщил, что там заложена бомба. Как директор-террорист и предполагал, наступила тишина: самолеты больше не летали. Но ненадолго — скоро террориста «вычислили» и увезли в милицию.

И ДРУГИЕ...

Сколько в Переделкино было у меня знакомств с писателями и прочими знаменитыми личностями — не перечать. При этом надо отдать должное: многие из этих личностей — фигуры действительно колоритные, острые на язык.

Как-то сидим мы в баре Дома творчества. Заходит актер Михаил Козаков. Он актер и по жизни, желает всегда быть в центре внимания. Говорит громко, так, чтобы все слышали, притом порой очень остроумно.

Сидим, выпиваем, писатель Голованов рассказывает историю, как в советское время он ездил в Париж и передавал одному товарищу подарок из СССР: банку кабачковой икры и буханку черного хлеба.

— Приезжаю, звоню Жидовичу...

— Хорошая фамилия! — моментально реагирует Козаков и продолжает прихлебывать пенистое пиво.

Другой, гораздо менее известный деятель, постоянный завсегдатай писательского бара поэт Юрий Доброскокин, запомнился грустным двусутишием, адресованным своей собаке:

— *Мой верный пес — ты всем хорош.*
Жаль только, что не пьешь...

Много интересного об известных творческих личностях я узнал при встречах с поэтом Алексеем Марковым. Собирались мы в номере старого корпуса Дома творчества тесной компанией за рюмкой водки и можно было не стесняться.

— Сегодня сочинил самый короткий рассказ в моей жизни, — похвастался известный поэт. — Слушайте: «Сидя на вертлявой лодке, отдираю рак от ж...».

Мы, конечно, оценили его шутку: Алексей Яковлевич только что прорецензировалopus одного графомана, который буквально достал его приставаниями.

Зато дальше поэт нас порадовал своими воспоминаниями:

— Звонит мне как-то в три часа ночи поэт Расул Гамзатов и спрашивает: «Слушай, почему не спишь?» Или вот такая история с Солженицыным. Умирает Твардовский, гроб для прощания устанавливают в Центральном доме литераторов. Из ЦК КПСС приходит установка: ни в коем случае не пускать на похороны опального Солженицына. Поскольку не все его видели и знают, охране объяснили — ловите крупного мужчину с большой бородой. А у меня как раз была большая белая борода. Так, пока я дошел до зала, меня пять раз останавливали! И вот стою я в почетном карауле у гроба, внезапно из буфета приходит поэт Кайсан Кулиев и бросается ко мне на грудь с рыданиями по усопшему. И тут появляется деятель из ЦК КПСС. Смотрит на почетный караул и выговаривает директору ЦДЛ: «Что у вас тут творится?! Один писатель пьяный, Солженицын у гроба стоит!» На что тот был вынужден ответить: «Кулиеву простительно — он так выражает свою скорбь. Но ваши-то люди в ЦК должны разбираться, кто Солженицын и как он выглядит!»

Спорную, на мой взгляд, версию рассказал Марков мне о скандально известном тульском писателе Анатолии Кузнецове. Тот под предлогом написания романа о Ленине, добился поездки в Англию и там остался. Так вот Алексей Яковлевич сообщил, чтобы добиться этой поездки за границу, Анатолий Кузнецов якобы пришел в КГБ на Лубянку и донес на Аркадия Райкина, будто тот хочет взорвать Кремль, и за это полетел в Лондон. Повторяю — я не поверил, но такое сказано было.

Много встреч бывает у меня с известным драматургом и писателем Михаилом Рошным. Автор пьесы «Валентин и Валентина», уже много десятков лет не сходящей со сцены Малого театра, Михаил Михайлович сейчас беден и вынужден постоянно жить в Доме творчества. Свою шикарную квартиру на Старом Арбате он отдал жене, детям. А когда-то у него был постоянный столик в ресторане «Пекин» и любимое блюдо из запеченных дочерна бараньих яиц.

Еще в писательской среде Михаил Михайлович известен как человек, которому впервые знаменитый американец Дибейки, который оперировал Ельцина, еще тридцать лет назад, провел такое же коронарное шунтирование. Когда Дибейки недавно

вновь приехал в Россию проверить состояние здоровья экс-президента, Роцин с ним встретился. И спросил совета:

— Что мне сейчас можно?

— Вам все теперь можно! — ответил знаменитый хирург.

Поэтому, когда я заходил в комнату № 51 к Михаилу Михайловичу с коньяком или красным сухим вином, он не отказывался выпить стаканчик.

Вместе с ним всегда самая верная и преданная ему женщина — Татьяна Юрьевна. Много у Роцина было женщин и жен. Одна знаменитая актриса Екатерина Васильева, от которой у него сын Дмитрий, ставший священником, чего стоит. Только, когда Михаил Михайлович стал стар, немощен и болен, рядом осталась именно эта самоотверженная женщина. Забегая вперед, скажу, что Роцин с нею все же расписался. Но совершилось это знаменательное событие после того, как ему, к прочим напастям, еще и отрезали по колено ногу.

Теперь самое страшное позади, Михаил Михайлович освоился с протезом и даже сам ходит. А голова у него по-прежнему светлая, оптимизма не занимать, а главное — он всегда дружит с юмором. Как-то спросил его, что он сейчас пишет. На что Роцин сразу ответил:

— Понимаешь, голова-компьютер у меня работает. А вот принтер не включается.

А его голове есть что вспомнить. Например, ночной звонок знаменитого зятя Хрущева — Аджубея, который восхитился его произведением «Серебряная кошка» и пожелал это немедленно высказать. Или про те шесть незабываемых дней в ялтинском Доме творчества, когда у писателя возникла яркая любовь с женщиной, ставшая прообразом истории, рассказанной в известном театральном спектакле «Валентин и Валентина».

Говорят, лицо человека — это его записная книжка, по которой все видно. Лицо у моего друга Михаила Роцина всегда светлое, искреннее и интеллигентное. Такому лицу и такому человеку веришь сразу. А это — самое главное.

В новом корпусе Дома творчества долгое время постоянно жил писатель Рауль Мир-Хайдаров. У него десятки книг, он первый написал в свое время о нравах, царящих в партийно-советском Узбекистане, за что и был вынужден покинуть эту республику.

Другим увлечением Рауля стали картины. В его номере были собраны сотни картин различных художников. Часть из них писатель периодически продает. Как-то он пытался продать их и мне.

— Ты посмотри на этот натюрморт,— с восточной горячностью убеждал меня писатель.— Да на ней одной краски три килограмма!

Я почему-то не захотел покупать краску по цене черной икры, но Рауль не обиделся. Признаться, он дал мне, начинающему тогда писателю, много дельных советов. Многие мне оченьгодились.

Как-то иду по Москве и вижу в центре города, на развале, мою книгу «Крутой босс», выпущенную издательством «Эксмо». А я не давал этому издательству никаких прав, договора не подписывал. Стал выяснять. Оказывается, два издательства, это и украинское, договорились обменяться книгами без моего согласия.

По совету Рауля я дал телеграмму в Киев в типографию, где уже набиралась моя книга «Москва времен Чикаго», с угрозой подать в суд и с требованием прекратить набор. Угроза подействовала. И Киев, и Москва были вынуждены заключить со мной договор и заплатить за обе книги. Спасибо тебе, Мир-Хайдаров!

Ну а поскольку он не раз просил меня написать о нем в своих книгах, просьбу выполняю: теперь написал, хотя и в мемуарах.

ПИСАТЕЛЬСКИЙ ТУПИК

Я очень люблю бродить со своей собачкой Джулей по Переделкино. Теперь уже, пожалуй, нет ни одной тропки, ни одного переулочка писательского городка, в котором мы с ней не побывали бы. Характерно, что основные улочки и проезды городка названы именами писателей. Но сохранились и революционные перлы: улицы Карла Маркса, Ленина и прочие.

И много в городке таких улочек между дачами, которые заканчиваются тупиками. Подумалось, что один из них мог бы называться «Писательский тупик». И не потому, что многие переделкинские старожилы давно уже ничего не пишут, просто в Переделкино некоторые творческие личности заканчивают свой жизненный путь. На старом переделкинском кладбище, что находится, практически, в черте поселка, похоронены такие известные писатели и поэты как Б. Пастернак, Р. Рождественский и многие другие.

Кладбище уже закрыто для новых захоронений, но для литераторов исключение делается. По нему можно бродить, как по художественному музею. Совершенно неожиданно открываешь в разных местах, порой очень неприметных, памятники или плиты с известными в литературе именами. Так я нашел могилу писательницы Веры Пановой — почти заброшенную и непосещаемую.

Посреди кладбища проходит аллея высоких золотоствольных сосен. Они когда-то росли совершенно свободно и теперь разбросаны среди разных могил. По этому ряду могучих деревьев легко ориентироваться в довольно большом городе мертвых. Но на могилы Бориса Пастернака и Корнея Чуковского попасть несложно: к ним дорожки протоптаны сотнями людей. Здесь, на скамейках, можно посидеть, проникнуться совсем иными, отрешенными от всего земного мыслями. И здесь, рядом с прахом великих, мне подумалось: «Спешим. Спешим. Спешим. А куда?»

БУДНИ ДОМА ТВОРЧЕСТВА

Пожалуй, только летом, в июле-августе, переделкинский Дом творчества похож на муравейник: полно людей, оживленно звучат голоса. В остальное время года здесь тихо, спокойно и малоллюдно. Прошли те благословенные для московской братии советские времена, когда в этот элитный уголок Подмосковья можно было попасть далеко не всем смертным писателям. Помню, с каким трудом я пробивал в Литфонде свою первую путевку в этот Дом творчества. Теперь для многих московских членов Союза даже льготные путевки не всегда доступны, хотя раньше многие из них жили здесь месяцами. Помню, как в любое время года я встречал в Доме творчества поэта Семена Липкина. А с другим поэтом, Эдуардом Асадовым, за которым была закреплена одна и та же комната на втором этаже старого корпуса, даже гулял вечерами вокруг территории парка.

Однажды с ним произошел курьезный случай. Умер писатель Борис Можаев, и его собака по прозвищу Черномырдин осталась бесхозной. Умный пес прижился в старом корпусе, его все любили и кормили. Асадов потерял на фронте глаза, но ориентировался в помещении довольно прилично, поэтому часто ходил один, помогая себе палкой. Мне он рассказал, какая мужественная женщина его жена. В шестьдесят лет она не побоялась выучиться на права и водить машину, которую они только что купили. И вот Асадов спускается по лестнице со второго этажа, а внизу ее развалился на ковре пес Черномырдин. Слепой поэт наступает на собаку, а та рвет на нем зубами плащ.

Разгневанный Асадов пишет большую петицию с жалобой в Литфонд. Оттуда приходит указание: от пса избавиться. И вот умнейшую собаку, пережившую горе от смерти хозяина, везут в лес и вешают на дереве.

Я очень люблю собак и кошек, всегда кормлю бродячих животных. В Доме творчества меня постоянно встречают Лорд и Лисичка — старожилы Переделкино. И считаю, что животных лишать жизни нельзя, даже если тебе и сделали за причиненную боль дырку на плаще.

Вообще, ореол писателя, как богоизбранного человека, меркнет, когда знакомишься с нашей братией ближе. Сколько видел я их, известных и прославленных, жалко пьяными в писательском баре! Один из таких писателей, гремевший когда-то по всему Союзу, затем пробавлялся в баре Дома творчества на угощения других с такими, к примеру, виршами:

*Кто ходит в гости по утрам,
Тот поступает мудро:
То тут сто грамм, то там сто грамм,
А там, глядишь, и утро!*

Запал в памяти и такой случай с угощением. За одним столом со мной, еще в бытность помощником губернатора, сидел начальник отдела журнала «Театр». Узнав, кто я, он молниеносно обратился с просьбой. Я помог. Последовало приглашение в номер.

Мы поднялись на второй этаж вчетвером: он с женой, я и писатель Виктор Чехов. Появилась маленькая фляжка с разбавленным спиртом. Сто граммов спиртного были быстро разлиты в четыре стаканчика. Затем жена порезала половину пирожка и маленький кусочек сыра. Муж посмотрел на такое расточительство и воскликнул:

— Сара! Это надо резать мельче!

В марте 2003 года весна в Доме творчества писателей в подмосковном Переделкино наступала медленно. Ночью стояли бодрящие морозы под минус десять-пятнадцать, а днем слепящее солнце сбивало холод до оттепели. Но собаки уже не поджимали лапы от холодной земли, птички совершенно бесплатно заливались трелями, а бомжи возле патриаршей церкви ходили с непокрытыми головами.

В так называемом «новом» корпусе, построенном в советские времена с купеческим размахом, я был один. На ночь, закрывая на замок входную дверь, дежурная по корпусу печально сказала:

— Будем ночевать в здании вдвоем.

— А Джуля? — кивнул я на мою верную спутницу, маленькую дворняжку, которая не покидала меня нигде и посещала вместе со мной даже сауну в старом корпусе. — Так что — втроем.

А про себя я подумал: до чего довели творческую интеллигенцию! В советские времена писатели буквально осаждали престижный переделкинский Дом творчества. В новый корпус простым смертным было не попасть. А теперь известный поэт Зульфикаров на мой вопрос, почему два года не был в Переделкино, ответил: «Дорого, нет денег».

В этот мой приезд я закончил в Доме творчества писателей новый роман «Звонок с того света». Его я сразу отдал в издательство «Эксмо». Редактор на дорожку дал мне несколько только что выпущенных ценных книг. Я полистал их в номере и очень удивился: даже новая книга Н. Леонова, автора знаменитого романа «Трактир на Пятницкой», показалась мне недостаточно профессионально написанной. Остальные же просто не выдерживали критики: художественной литературой в них и не пахло. Если писать произведения на таком уровне, то много ума и старания не надо. Но даже самые высокие гонорары не сподвигнут меня на это.

И вот недавно в тульском издательстве «Гриф и К» в прекрасном оформлении вышла моя новая книга. Качественная бумага, великолепное цветное фото автора,

классическое оформление — огромное спасибо за это коллективу типографии во главе с Ниной Михайловной Лариной!

Но, возвращаясь к переделкинским будням, хочу заметить, что времена в них меняются стремительно. Сын известной актрисы Инны Чуриковой — Ваня — взял в аренду столовую Дома творчества писателей, организовал в ней дорожный ресторан, а литераторов стали кормить гораздо хуже. Еще бы, гораздо выгоднее продать стограммовую порцию мяса за 480 рублей, чем обеспечить качественной пищей писателя за символическую цену. Я вновь приехал в Переделкино в сентябре, и первое, о чем поведали мне знакомые писатели, стала жалоба на «ресторанные» перемены.

Конечно, давно прошли времена, когда попасть в переделкинский Дом творчества даже писателю с именем было сложно, а на двери старого корпуса висела грозная надпись: «Бар Дома творчества обслуживает только проживающих в нем». Теперь здесь рады любому нуворишу с кошельком. И все-таки творческая жизнь в Переделкино идет. Я зашел в гости на дачу к давнему знакомому — писателю и драматургу Михаилу Рошину. Еще четверть века назад я впервые посмотрел в московском театре «Современник» его пьесу «Валентин и Валентина», но до сих пор она идет на сцене Малого театра. Михаил Михайлович пишет и сейчас, и не только новые пьесы, но и прекрасные прозаические произведения.

И вот великолепным осенним днем, когда с вековых деревьев сыплется золотой дождь опадающих листьев, мы с Михаилом Михайловичем сидим на бывшей даче поэта А. Вознесенского, которую теперь занимает Рошин, неторопливо беседуем о литературе. Мне в глаза бросаются яркие цветные витражи дверей веранды.

— Это еще Вознесенский делал, — сообщает писатель. — Он раньше живописью увлекался, собирался даже в архитектурный институт поступать. Талантливый человек, разносторонний.

А мне вспомнилась недавняя статья в газете «День литературы», где о знаменитом поэте пишется довольно нелицеприятно. Статья названа многозначительно: «Лица и маски», и пишется в ней о взаимоотношениях начинающего поэта Вознесенского и Пастернака. «Борис наставлял Андрюшу, а когда умер, улыбчивый Андрюша не отважился даже провожать своего наставника и учителя». Это цитата из воспоминаний дочери Марины Цветаевой — Ариадны Сергеевны.

Да и я, перелистывая недавно заново томик воспоминаний маститого поэта, нашел такие строки его о Пастернаке, когда тот был тяжело болен: «Какой стыд охватил меня за свое здоровое сердце, ноги, за свой возраст и ужас невозможности передать это другой, самой дорогой для меня жизни!»

Принятый по его рекомендации в Союз писателей Андрей Вознесенский не стал рисковать репутацией ради опального поэта и сам впоследствии признался: «На дачу я не пошел. Его там не было». Да, покойники в своих поминках не участвуют. Зато впоследствии А. Вознесенский занял сам переделкинскую дачу и даже поменял ее на другую, расположенную рядом с бывшей дачей Пастернака, а ныне музеем поэта.

Творческая интеллигенция всегда давала много поводов для обвинений в nepоследовательности, служении власти, перемене мнений на прямо противоположные. Видимо, недаром так презирал ее выдающийся русский мыслитель прошлого века В. Розанов. В одном из его сочинений, датированных 1915 годом, я нашел парадоксальное высказывание: «Пока не передают интеллигенцию — России нельзя жить».

Если уж сам представитель этой интеллигенции так высказывается, то у власть предержащих и вовсе нет стимулов ее поддерживать. Тот же знаменитый драматург М. Рошин лет пятнадцать жил в крохотной комнатке без удобств в старом корпусе Дома творчества, когда, наконец, год назад получил часть бывшей вознесенской дачи. А вот бывшему ведущему телеигры «Что? Где? Когда?», даже не будучи членом

Союза писателей, удалось оттяпать у родственников Валентина Катаева полдачи и в рекордный срок возвести на ней свой дворец-коттедж.

Я очень люблю бродить по писательскому городку Переделкино. Но в последнее время от него остается больше воспоминаний, чем действительности. Громадные виллы новорусских дельцов, окруженные глухими пятиметровыми заборами с системами видеонаблюдения, сметают старые переделкинские дачи писателей. В пору улицу Писательский проезд, упирающуюся в Дом творчества, переименовывать в Писательский тупик. Скоро чисто писательских дач, построенных до войны по указанию И. В. Сталина, может просто в знаменитом Переделкино не остаться.

И все же не хочется заканчивать очерк на такой пессимистической ноте. Тот же В. Розанов подчеркивал: «Интеллигенция — посредница между государством и народом». И власть, особенно в критические моменты своего существования, это хорошо понимает. Недаром тот же Б. Ельцин, когда зашаталось под ним президентское кресло, поехал на совет и поклон не к кому-нибудь, а к знаменитому писателю Виктору Астафьеву, в далекую Сибирь.

Когда я уходил с дачи, М. Рошин сделал мне небольшой, но ценный подарок. Он записал в альбом нашего тульского Дома творчества такие слова: «Сердечный поклон вашему тульскому Дому от нашего подмосковного Дома творчества в Переделкино! Думаю, в чем-то мы схожи. Полагаю, что и трудности сбережения Дома и оживления сегодня тоже подобны. Верю и надеюсь, что удержимся и сохранимся подобно великой Ясной Поляне. Один из переделкинских старожилов Михаил Рошин».

БОГ ВСЕ ВИДИТ...

Много сил и нервов стоил мне Дом творчества, который создал в старинном особняке на улице Каминского в Туле. Этот красивый дом, пожалуй, самый оригинальный и заметный в старинном городе. Но, когда я решил восстановить его, он представлял собой жалкое зрелище развалюхи, которую, к тому же, разграбили и загадили. Числящийся более двадцати лет в реставрации, практически бесхозный, особняк растаскивался и загаживался окрестными жителями и бомжами. Огромные горы мусора громоздились во всех комнатах, где гулял ветер и разжигались костры.

Надо сказать, что идея превратить этот особняк в Дом литераторов витала у тульских писателей давно. Еще первый секретарь обкома партии И. Юнак дал добро на воплощение этой идеи. Литфонд России выделил огромную по тем временам сумму почти в сто тысяч рублей на реставрацию здания. Сначала писатель В. Трапезников, затем поэт В. Ходулин, возглавлявшие в свое время писательскую организацию Тульской области, пытались освоить эти деньги и восстановить дом.

Но ничего путного не получилось, деньги, конечно, «освоились», но здание так и осталось практически в первозданном, запущенном виде. Мне предстояло совершить, к тому же в кратчайший срок, грандиозное дело. Надо было выполнить по зданию новую проектно-сметную документацию, а это сотни согласований и большие деньги. Плюс к этому оказалось, что к зданию не проложены никакие коммуникации: даже света не было! Пришлось рыть огромные траншеи и вести к дому воду, канализацию, теплоснабжение, электричество, радио, телефонную связь и так далее.

Я работал как прораб, строитель, сторож, добытчик денег, контролер, в одном лице. Проводил со строителями планерки, пропадал в проектных конторах и стройуправлениях, следил, чтобы не воровали стройматериалы. Да еще «помогали» разные деятели культуры, которые, как собака на сене, пытались не допустить восстановления старинного особняка.

Особенно усердствовал начальник управления культуры области И. Москалев. Уж очень не хотелось ему отдавать столь лакомый кусок из своих рук! Москалев во-

обще решил не допустить передачи особняка на баланс Фонду поддержки творческой интеллигенции, который я возглавил, хотя было постановление губернатора на этот счет. За что, кстати, оба и поплатились своими должностями впоследствии.

А дом, на удивление многих, тем временем восставал из пепла. За полгода была подготовлена проектно-сметная документация, подведены к зданию все необходимые коммуникации, проведена реставрация и капитальный ремонт. И уже 15 сентября 1995 года в торжественной обстановке состоялась презентация Дома творчества, в восстановленном старинном особняке на улице Каминского, 51. Сюда переехала и Тульская писательская организация, которая, пожалуй, впервые за все сорок лет своего существования, наконец, приобрела достойное помещение.

Помнится, как один из самых известных тульских писателей, Иван Федорович Панькин, восстал на одном из собраний против переезда в новое здание:

— Куда переезжать? На Попово болото?

Но когда Иван Федорович попал в сверкающий витражами красивый особняк, он полностью переменяет свое мнение и становится самым ярким завсегдатаем Дома творчества. Бывало, дня не проходило, чтобы покойный ныне писатель не заглядывал сюда. Любил он и спуститься вниз, в кафе «Парнас», чтобы выпить сто граммов водки. Здесь, в этом кафе, отмечали его последний юбилей. Из Каминного зала Дома творчества гроб с телом писателя провожали в последний путь.

В среде творческой интеллигенции города Дом стали называть «масловским». Сюда тянутся люди, здесь проводится масса творческих мероприятий, здесь нашли свое место литературное объединение «Пегас», музыкальный салон «Галина», Клуб журналистов области.

Но недоброжелатели успокоиться никак не могут. Сменилась администрация области, и пошла череда проверок. Восемь контролирующих организаций искали компромат и не нашли. Была пущена в ход и артиллерия покрупнее. Бывший первый заместитель начальника департамента культуры Ю. Семин стал «наезжать» на Фонд, потребовал средства от аренды помещений переводить в Комитет по наследию, который он и возглавлял. Тогда мне пришлось воспользоваться поддержкой со стороны. А позвонил директору Музея-усадьбы «Ясная Поляна» Владимиру Ильичу Толстому, рассказал о ситуации. А в это время как раз должен был приехать в Тулу первый замминистра культуры Брагин. Мы условились встречу с ним провести именно у меня, в Доме творчества, и пригласить на нее этого самого Семина.

Юрий Иванович приехал заранее, прошел в зал. Затем появились и гости. Я рассказал о доме, стены которого слышали голос Льва Толстого, а писатель Викентий Вересаев даже описал старинный особняк в своей книге «Воспоминания», а затем обратился к Семину:

— Почему вы требуете, чтобы средства перечислялись вам, хотя никакого участия в содержании дома комитет не принимает?

Тот с пафосом начал на меня чуть ли не покрикивать. Тогда я ему просто ответил:

— Вы — чиновник, человек временный. А я — писатель, Заслуженный работник культуры России. И эти звания у меня никто и никогда не отнимет. Так что прошу быть со мной повеселее.

Меня поддержали и Толстой, и Брагин. Чиновник из департамента культуры был красным, точно рак, которого только что вынули из кипятка. С этого разговора все наезды на меня и Фонд прекратились. А мои слова оказались пророческими: первый зам от культуры погорел на элементарной взятке и был посажен в тюрьму.

А мы с графом Толстым и заместителем министра культуры еще несколько часов просидели в нашем кафе «Парнас» за долгими и приятными разговорами. Особенно запомнились вдохновенные рассказы Владимира Толстого об его увлечении рыбной

ловлей. В низовьях Волги он ежегодно ловит «сомиков». И каждый из них достигает сотни килограммов.

МАМА

Пожалуй, самое большое влияние в жизни на меня оказала мама, Разгулова Дарья Ивановна. Деревенская женщина из глухого тамбовского села Синявка, закончившая всего несколько классов сельской школы, она всегда поражала меня своим умом, начитанностью, способностью найти выход из любого самого трудного положения.

Мы жили в городе Донском, без отца, в семье — четыре человека. И мама, чтобы прокормить детей, вела домашнее хозяйство: имела кур, свинью, корову. Надо признаться, что я приносил ей только беды. В школе учился хорошо, даже был поощрен поездкой на новогоднюю Елку в Кремль. А вот по хозяйству был не очень приспособлен. Однажды, возя тряпкой по полу и изображая, что мою его, получил от нее небольшую трепку. И с тех пор понял, что мыть надо тщательно, не обходя углы комнаты.

Другой пример был для меня не менее поучительным. Скотина требовала прокорма, я, хоть и был еще маленьким, пас корову, рвал на пустырях траву. Однажды, как обычно, после школы я пас корову Красотку, а та, улучив момент, забрела на колхозное поле. Тут же появился объездчик и заставил меня вести его к дому. В результате — штраф за потраву колхозных посевов. Другая моя беспечность — и я потерял взрослого поросенка, которого выпустил из сарая «погулять». И за все эти беды расплачивалась мама. Но справедливости ради надо сказать, что за такие проступки она меня никогда не наказывала.

А с коровой по кличке Красотка маму связала, можно сказать, судьба. В годы войны, когда в далекой тамбовской деревне Синявка жить от голода стало совсем нелегко, Дарья Ивановна решила переехать в Тулу, где были наши родственники. Но «переехать» — слишком громкое слово. Мама со всеми своими небогатыми пожитками и коровой пешком прошла несколько сот километров от Синявки до Тулы. Как ей это удалось без денег и еды — знает только она одна. Сила воли, упорство, недоженный ум и смекалка, забота о детях — вот ее главные помощники в жизни.

Силу духа мамы, ее особую ауру я постоянно ощущал на себе. Бывало, провинишься в чем-либо, зайдешь в комнату, где она находится, и чувствуешь в атмосфере особое напряжение. Флюиды, исходящие от этого сильного человека, не раз заставляли меня изменить свое мнение, удерживали от дурных поступков. От мамы я научился никогда не унывать, верить, что завтра жизнь еще не кончается, что всегда из самых трудных положений есть выход. Мама не тратила зря время на нытье и причитания, она работала, трудилась до самой смерти в 87 лет. Помню нашу соседку, тетю Нюру Колокольникову, которая, чтобы выпросить три рубля займа, полдня отвлекала маму своими разговорами. Дав ей деньги и проводив гостью, мама говорила: «А ведь она могла за это время те три рубля и заработать. Пошла бы в школу или на завод и убрала помещения». Эта ее фраза стала моим правилом на всю жизнь: никогда не просить займа, а постараться заработать самому.

Поэтому самым главным человеком в жизни для меня была и остается моя мама — Разгулова Дарья Ивановна. Она прожила очень нелегкую жизнь. Одна растила троих детей, держала корову и прочий скот, чтобы хоть как-то прокормиться.

В маме меня всегда поражали ее сильный дух и воля. Она приучила меня к порядку, и я на всю жизнь унаследовал от нее привычку держать жилье в чистоте, не разбрасывать вещи и так далее. В ней было какое-то особенное чутье, которое не позволяло никому ее обмануть. А когда она сердилась на меня, то я физически ощущал особое напряжение, создаваемое вокруг ее мощным энергетическим биополем.

Житейская мудрость сочеталась в Дарье Ивановне с природной смекалкой. Бывало, расстроилась из-за чего-нибудь, а мама и говорит:

— Зачем горевать? Погода и та меняется: с утра дождь, а к обеду вёдро.

Она не раз наставляла меня и на другую жизненную ценность. «Лучше нет дружка, чем родимая мамушка»,— приговаривала она. И была права. В любой критической ситуации мама была готова отдать за своих детей все. И это были не красивые слова, а действия.

А уж труженица Дарья Ивановна была такая, что и не придумать. До самого последнего дня, в возрасте 87 лет, она еще продолжала работать на даче. Бывало, приеду к ней в Донской, а она рассказывает:

— Сегодня я была на даче.

— Да как ты туда прошла, занесло дорогу!

— А я катма, по сугробам!

Вот такая она была неугомонная.

И всегда радовалась каждой своей заработанной копейке, возможности отдать ее детям, хотя мы уже в этом не нуждались. После долгой работы в столовых города Донского и поселка Шахтерского поваром, заведующей производством, она ушла на пенсию, но не могла просто отдыхать.

Стала разводить и выращивать цветы и продавать их на остановке «Новострой» в Донском. Приходилось ей очень тяжело, конкуренция была жестокая. У штатных торговцев цветами все было поставлено на поток: теплицы, сортовой материал, машины для подвоза. А мама сама корпела над цветочками на огороде в открытом грунте, затем на себе несла их домой. А уж из дома в пять утра, чтобы занять место, везла на тележке.

Но была очень рада, когда удавалось что-то продать.

— Вот, сегодня на хлеб и сахар заработала,— радовалась она, показывая мятые бумажки и мелочь.

Я мог обеспечить маму не только хлебом и сахаром, но никогда не был против того, чтобы она продавала свои цветы. Это был ее образ жизни, она нашла смысл своего существования, была полезной детям да и обществу тоже.

Очень многому я научился у своей мамы: стойкости духа и оптимизму — она никогда не жаловалась, что ей плохо; аккуратности и пунктуальности — мама, к примеру, никогда не могла опоздать на поезд или разбросать по дому вещи; умению жить и радоваться в любой обстановке.

На могиле Разгуловой Дарьи Ивановны на кладбище в городе Донском стоит самый красивый и большой памятник из мрамора. С барельефа смотрит на окружающих до боли знакомый профиль. Золотыми буквами горит ее имя.

Наша соседка, побывав на могиле мамы, завистливо промолвила:

— Господи, за что ей такая память?!

А я подумал: если бы все матери в нашей стране были такими, мы, пожалуй, жили бы иначе и не удивлялись, откуда вокруг столько отморозков и бандитов?

ЕЛЬЦИН И ДРУГИЕ

Говорят, в России надо жить долго. Но и за свой, не такой уж большой жизненный путь, я успел повидать в нашей стране немало. События 1991 года когда-нибудь назовут революционными. Со всеми вытекающими из этого малоприятными последствиями. В Туле тоже бесконечно шли митинги, демонстрации, забастовки. Из вчера еще верных ленинцев вдруг сразу нарисовалось огромное количество сторонников западных ценностей. Помню, как первый секретарь обкома партии в то время А. И. Костюрин вдруг перестал носить строгий костюм, неизвестно куда делась его вальяж-

ность. На митинге возле Белого дома в Туле он затерялся в толпе в непрезентабельном наряде и какой-то рабочей кепке, видимо, найденной в пронафталиненном сундуке.

Но он, по крайней мере, не очень-то поступался принципами. Мне вспоминается одна наша беседа в пору моей молодости. Алексей Иванович был тогда первым секретарем обкома комсомола. Я пришел к нему за путевкой. Он, конечно, не упустил случая провести со мной воспитательную беседу.

— Вот, жалуются, что у нас колбасы нет. И не понимают, что мы вынуждены укреплять обороноспособность страны. Да если бы не это, мы завтра же завалили бы страну этой колбасой.

Я промолчал. Я-то, по своей должности в облисполкоме, знал, что только в Туле находится сорок НИИ по обороне, что в водоносные слои уже попал вреднейший хром, а как ночами испытывали пушки, слышал весь город.

И думалось тогда: вот бы сократить расходы на армию и оборону, как бы мы зажили! Сменился строй, развалили армию и загубили оборонку. Не стали помогать всему миру, включая многочисленные кубы, никарагуа, вьетнамы, лаосы, ливии и так далее. И где же эти деньги? Кто-нибудь из простых смертных их видел, почувствовал, что его жизнь от сокращения расходов на оборону страны стала лучше?

А номенклатура осталась жива. И вновь получила доступ к финансам и благам. Только теперь в иных, огромных размерах. Помню, как удивил меня случай на митинге. Возле Белого дома — море людей, кипят страсти, председателя облисполкома засвистали, когда он хотел выступить. И вот он идет в здание, переживая случившееся. В вестибюле к нему подходит начфинхоз и сообщает по секрету:

— Конфетки хорошие привезли. Карамельки. Сколько вам?

— Килограммов пять,— моментально переключился на самое важное председатель облисполкома.

Вот вам и революция. А было это, если кто не помнит, в пору жестокого дефицита и пустых полок в магазинах. На таком безрадостном фоне завоевать людскую популярность было просто. Чем и воспользовался демагог Ельцин.

Первый раз я увидел его в Туле на митинге. Он тогда делал блицкриг по стране. Разок проехался в метро, пару раз упал с бугра в реку, собирая аплодисменты вдруг прозревших сограждан. Вот и в Туле он, как заводной, на всех встречах повторял убийственный, на его взгляд, факт: смертность в городе превысила рождаемость. Народ вымирает? И что же дальше? За время правления Бориса Ельцина смертность в нашем городе выросла на порядок и на столько же сократилась рождаемость. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись.

Не нужна ему была ни Тула, ни ее, извините за неграмотный оборот, рождаемость. Второй раз к нам президент пожаловал с официальным визитом. Конечно, он, считая себя культурным человеком и руководителем мировой державы, поехал в музей-усадьбу великого русского писателя Льва Толстого «Ясная Поляна». Я вместе с многочисленной прессой и чиновниками тоже ждал на площадке возле знаменитых въездных башенок президентский вертолет. Ельцин сошел с трапа, помахал рукой встречающим и отправился в музей. Решив поразить всех своей начитанностью и тому, какое значение он придает Толстому, Борис Николаевич громко заметил, что за ночь он перечитал всего... Тургенева. Окружающие, включая музейных работников, промолчали. А я подумал: мало того, что он перепутал двух писателей. Но как можно прочитать всего Толстого с его 90 томами написанного за ночь, если в ней были еще обильно накрытый с водкой праздничный ужин в дачном корпусе в Богучарове, да крутой боевик на три часа просмотра, видеокассету с которым я для Ельцина туда привозил?

Жалко было и выдающегося музейного сподвижника Николая Пузина, знатока Ясной Поляны, который вместе с другими был вынужден слушать эту абракадабру

высочайшего гостя и при этом молчать. Я его помню совсем другим: молодым и смелым. В советский период мне пришлось сопровождать в музей другого высокого гостя из Болгарии. Водил нас по комнатам дома Толстых Николай Павлович. Когда мы вошли в картинную галерею, куда обычных посетителей не водят, Пузин подробно рассказал о каждом из предков знаменитого писателя, а потом, показывая на портрет смазливой бабенки, непринужденно заметил:

— Лев Николаевич не любил этот портрет. Как-то в письме Тютчеву он написал: смотрю на него и думаю — а эта бл... как в наш род попала?!

Главные мероприятия в этот приезд проходили на заводе «Штамп», тогда еще живом и благополучном. А через год, под руководством все того же президента, оборонка страны в целом и «Штамп» в отдельности развалились полностью.

Рассказывают, директор завода, воспользовавшись знакомствами того визита, с неимоверным трудом добился-таки приема у Ельцина, чтобы спасти завод. Тот принял его с главным инженером. Вошли, президент стоит лицом к окну и молчит. Покашлили, поздоровались. Молчание. Наконец, директор осмелился начать:

— Борис Николаевич, вы у нас были в Туле, видели завод — гордость оборонки страны. Помогите, завод совсем разваливается... — Ну и хрен с ним! — наконец вымолвил самодержец всяя Руси, даже не обернувшись.

На том высочайшая аудиенция и закончилась. Повторяю, сам не присутствовал, но слышал этот рассказ неоднократно.

ПИСАТЕЛЬСКАЯ БЫЛЬ

Тульские писатели свили в Доме творчества по улице Каминского в Туле довольно уютное гнездо. Здесь каждый день много людей, звучат вдохновенные стихи, выпиваются писательские сто граммов под нехитрую закуску.

Приехал сюда один писатель из Новомосковска. А дело было под выдачу очередной стипендии. Гульба пошла серьезная. Наш писатель не рассчитал свои силы, остался ночевать в Доме творчества. Утром уборщица пришла жаловаться ко мне, директору Дома творчества, на беспорядок в туалете и разбитое стекло. Пришлось провести беседу с тем самым новомосковским писателем.

Но слаб человек. Вижу — мается с похмелья знаток человеческих душ. Спрашиваю, чего дать ему выпить: чаю, кофе? Отвечает не задумываясь:

— Кофе с коньяком.

Ну, говорю, коньяка у меня здесь никогда не было. Несу ему в кабинет ответственного секретаря большой бокал горячего кофе, печенье и стопку водки. Виктор Федорович Пахомов посмотрел на это и с сарказмом воскликнул:

— В следующий раз я нагажу в туалете, разобью стекло и потребую за это тоже водки и кофе!

КАК ЭТО БЫЛО

В сентябре 1993 года, воскресным днем, я был у своей мамы в городе Донском, куда приехал повидаться и помочь с делами. Включаю радио, смотрю телевизор и чувствую: что-то должно случиться. Сажусь на поезд (служебной машины у меня тогда не было) и еду в Тулу. В это время уже прерывается трансляция передач по центральному телевидению. Срочно еду в «белый дом», к Н. В. Севрюгину, главе администрации Тульской области, у которого я тогда был помощником. Ему уже позвонил Б. Ельцин, попросил помощь десантников.

Около двенадцати часов ночи в кабинет входит полковник Евгений Савилов. Докладывает: колонна десантной тульской дивизии скорым маршем подходит к

Москве. Николай Васильевич Севрюгин благодарит командира дивизии за оперативность. А у меня невольно вырывается:

— Вы вошли сюда полковником, а выйдете генералом.

Так и случилось: вскоре президентским указом Е. Савилову было присвоено генеральское звание. А меня не покидали сомнения: прав ли президент Ельцин, разгоня парламент, обстреливая здание правительства на Краснопресненской набережной Москвы? Я уже тогда сомневался в том, что Б. Ельцин хочет блага России и ее жителям. По всему было видно, что он практически не управляет страной, отдал ее на откуп реформаторам типа Гайдара и Чубайса, которые хотели только одного: развалить могучую прежде державу.

Кстати, со всеми троими мне пришлось встречаться лично. И обо всех сложилось не очень хорошее мнение. Б. Ельцин пару раз выступил с гневными обличительными речами про то, что разворовали золотой запас страны и прочее. Но при нем даже добыча золота стала нерентабельна. Видел я его и во время приезда в Тулу с двухдневным визитом. Ему приготовили апартаменты в Богучарове, где он провел ночь, а наутро еле поднялся, чтобы в той же десантной дивизии принять парадно-показательные выступления. Он и людьми окружил себя соответствующими. Мне рассказал такой эпизод наш земляк А. Титкин, бывший в ту пору министром промышленности:

«Приезжаю в Кремль, захожу к Ельцину. Тот сразу: давай выпьем. Отвечаю: я не хочу спаивать президента. «Ах, вот ты какой!» — И тут же указ о моем увольнении».

С другим его соратником — пресс-секретарем президента Вячеславом Костиковым, книга которого с дарственной надписью до сих пор находится в моей библиотеке, — я тоже встречался. Приезжаю к нему в Кремль, захожу в кабинет. И вместо разговора о делах важнейший госчиновник начинает хвалиться передо мной своим кабинетом. Оказывается, раньше в нем находился В. Молотов, и он на три метра ближе к кабинету президента, чем у руководителя пресс-службы. И что была такая борьба за этот кабинет, что он даже подготовил специальное заявление пресс-секретаря президента страны.

А я подумал: «Бедная Россия! Люди голодают, все разваливается, а ее руководители дерутся у кормушки за обладание престижными кусками и кабинетами!»

Кстати, верный пресс-секретарь президента В. Костиков отплатил такой благодарностью хозяину: когда тот отправил его послом в Ватикан, он написал очень нелицеприятную книгу о Ельцине.

С А. Чубайсом я имел продолжительную беседу, когда тот вместе с Н. Севрюгиным ожидал в телестудии в Останкино выхода в эфир передачи о приватизации. Тогда меня поразил его жесткий, прагматичный подход к этой проблеме. «Да, будут голодные и нищие. А кто сказал, что в стране с рыночной экономикой должна быть уравниловка?»

Уравниловки, действительно, не стало. 17 граждан России завладели ее недрами и стали долларовыми миллиардерами, а 40 миллионов живут за чертой бедности. И начинаешь верить в то, что один из таких супербогатых людей мог сказать: «В России нет народа. Есть только падлы и быдлы».

Но я — оптимист. И верю, что Россия возродится, а ее народ обретет достойных правителей и жизнь. Ибо в Библии сказано: «Дело пророков — пророчествовать, дело народов — побивать их камнями». Горе тем пророкам и правителям, которые унижат народ, потому что гнев восставших людей бывает беспощадным.

ТУЛЬСКИЕ ТАЛАНТЫ

Говорят, чтобы доказать свою талантливость, — надо быть очень способным. По роду своей деятельности мне приходится часто встречаться с представителями твор-

ческой интеллигенции. И многие эпизоды этих встреч становятся по-своему интересными и поучительными. Как-то известный тульский издатель и автор сказок Игорь Золотов встретился на улице с поэтом. Тот, естественно, считал себя самым гениальным. Стоят, разговаривают. К ним подходит женщина и начинает хвалить последний сборник сказок Игоря. Поэт слушал, мрачнел, темнел лицом, потом вдруг отодвинул в сторону женщину, расхваливавшую, по его мнению, не того, кого нужно. Золотов не вытерпел и говорит:

— Слушай, ты — гений. Но дай и мне хоть пять минут гением побыть.

Вот такая притча. И в то же время в Туле есть, действительно, такие мастера, что подобных им не найти в России. Взять хотя бы фотохудожника Валерия Куприкова. Только своим трудом, работой от зари до темна, без всяких протекций и блата, он создал фотостудию, которой по техническому оснащению и качеству продукции нет равных. Первый в городе фотожурнал «Мастер-класс», фотовыставки в Москве, работа с престижными студиями за рубежом, коллекция фотослайдов в несколько тысяч экземпляров — все это Валерий Куприков. Все заработанное он вкладывает только в новую технику, доводя до совершенства свои фотохудожественные работы. В его новой студии скоро появится даже сцена с аквапарком. Это — трудоголик, для которого не существует ничего, кроме любимой работы. Главный признак таланта — это когда человек знает, чего он хочет. Валера из тех счастливцев, которые всегда стремятся к совершенству, строят планы, знают, ради чего живут.

Полная противоположность ему — другая талантливая женщина, Мариничева Татьяна. Яркая особа, прекрасная журналистка, певица, автор стихов, которыми зачитывается Тула. Таня, кажется, только и делает, что порхает по жизни. Она — за-всегдатель всяческих тусовок и перфомансов. Эпатаж, имидж разбитной женщины, которой на все наплевать, — это все о ней.

Как-то на фестивале авторской песни, который проводился на Куликовом поле, Мариничева вознамерилась спеть свои произведения. Организатор концерта Травин схватился за голову — он-то прекрасно знал, что в некоторых из них Татьяна пользовалась ненормативной лексикой. На скорую руку он не придумал ничего лучше, как поручить журналисту «Молодого коммунара» Олегу Хафизову напоить Татьяну, чтобы та не смогла выступать. Проходит некоторое время, и, к ужасу Травина, Мариничева, как ни в чем не бывало, подходит с гитарой к сцене. Оказалось, что мужчина не выдержал поединка в борьбе с зеленым змием, а Таня, как свеженький огурчик, была готова к делу. В результате, на одной из непотребных фраз песни эпатажной солистки попросту «отрубили» звук. Таня была довольна: теперь было что рассказать друзьям.

Особенно я благодарен судьбе за встречу со звездной парой — Геннадием Пономаревым и Жанной Бичевской. Казалось, случай только и ждал, как соединить тульского певца и композитора с певицей мирового значения и масштаба. Народная артистка СССР Жанна Бичевская с первой встречи в какой-то Тмутаракани, где случайно оказались вместе на гастролях эти два талантливых человека, увидела и поняла, какой подарок ей преподнесла судьба. Геннадий стал мужем известной певицы. Но не только: автор практически всех последних песен, которые исполняет на концертах и лазерных дисках Жанна, аранжировщик, продюсер, составитель. В своей студии в Туле Геннадий Пономарев сочиняет и записывает, придумывает оригинальные идеи, дизайн пластинок, сводит песни, аранжирует, выступает в роли звукорежиссера. «Боже, храни своих», «Русская Голгофа», «Осень музыканта», «Царь Николай» и, наконец, хит, национальная идея, талантливая песня «Мы — русские», — все это совместная работа двух певцов и музыкантов.

Только что мне позвонил Гена и с восторгом поведал, как они вдвоем с Жанночкой творят новый шедевр — о подводной лодке К-19, трагически погибшей в России. Не сомневаюсь, что и этот лазерный диск будет встречен нашей публикой на «ура!».

Но Геннадий не ограничивает круг своих занятий только музыкой. Он увлекся фотографией. И подарил мне недавно на презентации моей новой книги «Звонок с того света» такой великолепный фотопортрет, отпечатанный в Москве, что публика в зале невольно замерла, а потом раздались возгласы «Браво!»

Кто-то заметил, что лучше помалкивать и казаться дураком, чем открыть рот и окончательно развеять сомнения... Возможно, читатель и скажет: что это он так расхвалился. А я отвечу: просто мне везет на встречи с талантливыми людьми.

Перечислить всех их, окружающих меня в Туле, не представляется возможным. Поэтому встречи с новыми талантами наверняка будут в моих следующих воспоминаниях.

ДЖУЛЯ

«Чем больше я узнаю людей, тем сильнее мне нравится моя собака», — мрачно пошутил один из писателей. Но в этой шутке есть большая доля правды. Моя дворняжка по кличке Джуля, которую я щенком подобрал на улице Тулы, это полностью подтверждает. Она настолько умна от природы, преданна единственному человеку и готова служить ему без всякой награды. Джуля сама придумала такой ритуал: утром, как только я проснусь, она впрыгивает ко мне на кровать и начинает «умывать» своего хозяина. Собачка ласково вылизывает мне лицо, стараясь не пропустить даже уши и подбородок. Я поневоле сдаюсь: рассказы о том, что это негигиенично, не выдерживают критики — за десять лет, что она находится у меня, ни разу по вине собаки не возникало никаких проблем со здоровьем. В таких случаях я замечаю: у человека сотни болезней, а у собаки всего несколько. И если следить за другом, которого ты приручил и за кого отвечаешь перед Богом, то здоровы будут и собака, и ее хозяин.

Вообще-то, я давно заметил, что люди, которые держат и любят животных, гораздо добрее и отзывчивее. Они по-другому смотрят на окружающий мир, не способны на жестокие поступки. И когда вижу, как кто-то травит бродячих собак на улице, знаю — это человек злой, ему и в жизни не везет. У меня много друзей — любителей собак и кошек. Сам я обязательно кормлю любую уличную дворняжку, которая дарит за это любовь и верность. Один из таких добрых, отзывчивых людей, любитель животных поэт Юрий Коняхин подарил мне на презентации моего последнего романа такое двустушище:

*Звезда России не погасла,
Пока творит Валерий Маслов.*

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Конечно, это не те мемуары, о которых я думаю. Еще, пожалуй, не пришло время, чтобы написать обо всем. Многие фигуранты живы, при власти и могут просто обидеться. Этот небольшой очерк всего лишь, как говорят у писателей, проба пера. Так что точку я не ставлю.

РЕЦЕНЗИИ

Алексей Логунов

ВТОРАЯ ЗАПОВЕДЬ ХРИСТА, ИЛИ ОРИЕНТИР ВАЛЕРИЯ САВОСТЬЯНОВА

(письмо-рецензия по поводу новой книги
В. Савостьянова «Объятыя Селигера и Оки»)

Была поздняя осень в середине 80-х годов прошлого века. Может, даже начало декабря, уж больно сырой и холодный день выдался, с дождем и снегом, с пронизывающим ветром. Мы, бригада тульских писателей, человек шесть или восемь, приехали в город Ефремов проводить «Неделю литературы». Поселились в районной гостинице, в просторном многоместном номере, который еще не отапливался, а если и отапливался, то чуть-чуть. И каждый подумал: сейчас бы горячего чаю! Но все сидели, не раздеваясь, чего-то ждали. И только один человек, молодой поэт Валерий Савостьянов, налил чистой воды в большой гостиничный графин, ополоснул стаканы, достал электрокипятильник, заварку и через несколько минут самый старший из нас, сказочник Иван Федорович Панькин, уже грел руки о горячий стакан. Начали прихлебывать чаек и другие, и мне Валерий подал складной стаканчик с душистым чаем.

Разогрелись, разговоры пошли. Мне захотелось еще чайку, и я протянул руку к стакану на тумбочке, где хозяйничал Валерий, но он твердо сказал:

— Нет, Алексей Андреевич, этот стакан я для себя приготовил. Вы же все чаю напились, а я и глотка не хлебнул...

И была в его голосе такая мягкая твердость, как у интеллигентного мужчины. Мне стало стыдно перед пареньком. Это потом я узнал, что Валерий женат, и дети у него есть, и было ему за тридцать, хотя выглядел как допризывник.

Сколько времени лежал в моем подсознании этот эпизод и вот — выплыл! И пришло понимание: Валерий Савостьянов в этом холодном номере районной гостиницы на деле исполнил Божью заповедь — возлюби ближнего своего, как самого себя. Он ведь тоже озяб на мокром ветру, может быть, больше других, поскольку одет был в легкий плащик и спортивную шапочку. Но прежде всего о других позаботился, других чаем напоил. После его чая народ ожил, заговорил, кто-то стал читать стихи, кто-то побежал за водкой... Мы уже не хмурились, улыбались и почти любили друг друга.

Сейчас, в воспоминаниях, общий номер в районной гостинице видится мне похожим на Елеонскую горницу в Гефсиманском саду, где Иисус Христос совершал

Тайную Вечерю со своими учениками. Это там он омыл апостолам ноги, вытер полотенцем, а потом сказал:

— Новую заповедь даю вам: да любите друг друга.

То есть Господь показал пример служения ближнему. И этот пример, пройдя сквозь столетия, пророс, как прорастает на пашне зерно, в душе Валерия. Душа по природе своей — христианка, и если она даже заморочена атеистической идеологией, все равно тянется к Богу.

Вот эта тяга к Богу, тяга к совершенству постоянно проглядывает в новых стихах Валерия Савостьянова, в его книге «Объятыя Селигера и Оки», которую я только что прочитал. Так ли живу, туда ли иду? — спрашивает себя автор. Буревестник революции в начале прошлого века провозгласил: «Безумству храбрых поем мы славу!» А Библия тихо возражает: «Долготерпеливый лучше храброго» (Притчи, 16, 32). И тут же вспоминается исторический пример: именно долготерпеливый Засадный полк превратил Куликовскую битву в Мамаево побоище! Пример, подтверждающий библейскую мысль, есть и в Вашей книге, Валерий Николаевич. Это стихотворение о лозине, которая «по ветру лилась»:

*Стихия грозная, слепая,
Тебя осилить не могла:
Ты побежала, уступая —
Хоть с виду хрупкая была.*

И вот родную лозину с окских берегов поэт встретил «где лотосы качались на длинных тоненьких ногах»:

*Там, где река зовется ерик,
Где только волны и камыш,
Как рад я был, сойдя на берег,
Что ты у берега стоишь.
Что даже тут, где заливало
Водою полый острова,
Терпела ты
И выживала —
Другие ж гибли дерева.
Вросла,
Хоть кланялась и гнулась,
И в астраханские края —
Какою силой обернулась
Опять уступчивость твоя!*

Гимн лозине — не случаен. Поэт увидел в ней знакомую модель поведения, свой собственный характер. В другом стихотворении он напишет «о порывах благородных, не свершенных», которые «отложил, со всеми ладя». И о компромиссах напишет, даже обругает их. Его мучает вопрос: правильно ли он живет, «со всеми ладя»? Правильно, Валерий Николаевич! Сам Христос в Евангелии от Матфея учит нас, что если кто-то снял с тебя верхнюю одежду, отдай ему и рубашку. И от желающих у тебя занять — не отвращайся. «Со всеми ладя» — это и есть Христовы заповеди «возлюби ближнего своего как самого себя» и «любите врагов ваших». Прижилась бы лозина с окских берегов на астраханской земле, если бы не жила «со всеми ладя»? Вряд ли... Погибла бы, как и другие деревья.

В стихах Савостьянова все чаще появляется слово «ориентир»: то это колоколенка, то цветы иван-чая в родном краю... А одно стихотворение так и названо — «Ориентир»:

*На озере Дубовом волна такая злая,
По берегам болота — не пристать.
Разрушенная церковь Святого Николая
Спаси ты нас:
Не дай нам заплутать!
Байдарку залило, промок путеводитель,
Давно в работе кружки и казан.
Но есть ориентир!
И Ангел — мой Хранитель
Его на горизонте указал!..
Мы еле догребли,
Мы чуть не потонули,
Мы вышли на единственный мысок,
Где твердь и где дрова.
И вот не потому ли
Я вижу крест, что ярок и высок,*

*Я вижу:
Крест горит над новой колокольней,
Сияет Вифлеемскою звездой!
Я не могу идти дорогою окольной:
Глаза в глаза я встретился с бедой.
И есть Ориентир:
Не мстя, не укоряя,
Взять мастерки и всем до одного —
К разрушенным церквям Святого Николая,
И всех Святых,
И Спаса самого!*

Теперь поэт твердо знает, куда ему идти: только к Богу! И Бог дарит ему высокое мастерство в стихах, их живописность, глубину мысли. Вот несколько строк, обращенных к Родине, к Руси:

*Ты — сырая моя скворечня!
И не спрашивайте скворца,
За что любит он
так бесконечно
Клен свой ветреный у крыльца!*

В лучших своих стихах поэт поднимается прямо-таки до библейских высот. Читая их, вспоминаешь «Песнь Песней», ее чистую и грустную образность:

*Два сосца твои,
Как двойни молодой серны,
Пасущиеся между лилиями...*

А вот стихи Валерия Савостьянова на ту же тему:

*Когда влюбленные тела
Влюбленные соединили —
Как будто бы колокола
Торжественные зазвонили.
И показалось в этот миг:
Тебя любил он, как молился,
И крестик*

*Меж грудей твоих
То прятался,
То возносился...*

Такая любовь освещена Богом. В одной из православных газет я прочитал, как девушки спрашивали попадью (жену священника), почему из пятерых детей Вася у них какой-то особенный, неземной? «Ну как же,— отвечала матушка,— он был с молитвой зачат. Батюшка, прежде чем обнять меня, надевал епитрахиль...»

*И каждый чувствовал:
Он часть
Другого
И Кого-то, — словно
Он вам открыл:
Такая страсть
Божественная, а не греховна.
В момент зачатия
Звезды,
И гения, и страстотерпца
Он верит:
Лучшие плоды —
Плоды не похоти,
А сердца!*

В одном из недавних писем, отвечая на мой вопрос, Валерий Николаевич написал о смысле жизни, как он его понимает:

«Обычно люди, склонные к дипломатии, говорят, что «смысл жизни в самой жизни». Для меня этот смысл (я так чувствую!) в создании большей красоты и гармонии внутри себя и вокруг себя (по возможности). Порой мне кажется, что за красотой (но не вычурной, а естественной, простой, природной) стоит Божественное. А красота, она и в хорошо написанном стихотворении, и в хорошо сделанной полочке для семьи, и в хорошо возделанном дачном участке, и просто в содержащемся в порядке твоём доме и (очень желательно!) твоём государстве. Красота для меня перетекает в порядок, и наоборот...»

Вот ориентир Валерия Савостьянова — красота и порядок! А они-то как раз и являются неотъемлемой принадлежностью Бога, сотворившего Словом Своим весь этот мир, видимый и невидимый... Не разрушившего что-то, а сотворившего! Там, где нет Бога, там хаос, неразбериха, поедание слабых сильными, волчья мораль... А где Бог, там по слову Апостола, «любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость...» Это, подчеркну еще раз, и есть жизненный ориентир Валерия Савостьянова. А в заключение давайте прочитаем еще одно стихотворение нашего поэта. Безо всяких комментариев.

МАМЕНЬКА

*Ветер холоден и вьюжен —
Оглашенный снеговой...
Никому-то ты не нужен,
Кроме маменьки своей.*

*Огонек далекий светит
Из-под ставенки одной.*

*И никто тебя не встретит,
Кроме маменьки родной.*

*Ты оборван и не выбрит,
Несвершившийся святой.
И никто слезу не вытрет,
Кроме маменьки седой...*

*И не зря тебе казаться
Стало вдруг на склоне лет:
Богородицей Казанской
Смотрит маменька вослед.*

Валерий Николаевич, низкий поклон Вам за чудесные, божественные стихи. Спаси Господи Вас!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАМЯТЬ

Ольга Подъемщикова

Подъемщикова Ольга Николаевна (1961—2000) — поэт, прозаик, журналист. Родилась в Туле в семье служащего. Закончила историко-филологический факультет Тульского педагогического института, по окончании которого работала в Яснополянском музее. В 1983 году последовала за мужем, который был сослан в трехлетнюю ссылку на станцию Зима Иркутской области. Здесь, в Сибири, Ольга Подъемщикова начала работать в местной газете «Приокская правда». С 1986 года она работает корреспондентом и заведомом газеты «Молодой коммунар», а позднее — областной газеты «Коммунар». Печаталась и была приглашена собственным корреспондентом газеты «Комсомольская правда», работала собкором РИА «Новости». Лауреат премии имени Глеба Успенского Тульского отделения Союза журналистов СССР, с 1988 года — член Союз журналистов. Работая в «Коммунаре», она становится одним из организаторов общества жертв политических репрессий «Мемориал». В 1978 году Ольга занимает первое место на Всероссийском конкурсе, посвященном 150-летию Л. Н. Толстого, а 1996 году получает премию «Лучшее стихотворение года» от Тульского отделения СП России. В 2000 году вышла большая подборка ее стихотворений. Последние годы работала главным редактором газеты «Тульские епархиальные ведомости». В ночь с 5 на 6 октября 2000 года погибла в пожаре, произошедшем на даче ее знакомой в дер. Алешня. Ольге незадолго до этого исполнилось 39 лет.

* * *

Для чего тебе, право, такая —
видно, встретил ее на беду, —
что бродила тропинками рая,
зная все закоулки в аду.

Зимней ночью ни сердце, ни руки
у ее не согреешь огня.
Ей роднее стихи и разлуки,
а не ясная искренность дня.

В ее сердце такие затеи,
от которых весь мир кувырком.
И судьба—лишь пути и потери,
дальний берег с его огоньком.

* * *

Сказал — ты маленькая —
в сердце первый шрам.
Сказал — я ждал —
и шрам второй оставил.
Нет, не шутил, и даже не лукавил,
и даже руки на сердце держал.
Еще сказал — тыходишь, и волна
ко мне доносится, тревожа душу.
Сказал — и позабыта вся вина,
все клятвы, что сегодня я нарушу.
Но не было ни слова о любви
и о свиданьях будущих ни слова,
и только фразы робкие мои —
о, если б снова, милый, если б снова...
Но мы давно расстались, не любя,
и эта жизнь теперь — игра без правил.
Спросил однажды — как я без тебя? —
и то ли жизнь забрал, то ли оставил.

* * *

И был у меня муж.
И был у меня друг.
И было родство душ.
И было тепло рук.

И был у меня дом,
а в доме всегда тишь.
И были цветы в нем,
котенок, щенок, чиж.

И в доме жила дочь,
и дом был к ней так добр.
И даже когда ночь,
нестрашным был мой дом.

В том доме всегда свет
и детская воркотня.
В том доме меня нет —
пойди, поищи меня.

И там, где был муж,— мрак,
и там, где был друг,— враг,
и там, где был дом,— дым,
и я улечу с ним.

* * *

Обними меня. Ты был первым.
Как на облако, подними.
И не хватит ни сил, ни нервов,
чтоб припомнить все эти дни.

Обозначились птичьи гнезда
сквозь высокий пунктир ветвей,
мы домой приходили поздно,
становясь все взрослей, грустней.

Мы бродили вдвоем по лужам,
наступая на скользкий свет.
И ты верил, что был мне нужен,
и не ведал еще, что — нет.

Не веселая и не злая —
просто жизнь прошла стороной.
Ну а я до сих пор не знаю,
что случилось тогда со мной.

* * *

Был дом. Была мама.
Был запрет возвращаться домой поздно.
А над домом прямо, над крышей прямо,
висели гроздьями звезды —
тяжелые, белые, как яблоки незрелые.

И стучали по крыше, чтобы кто-нибудь вышел
и загадал желание. Зная заранее,
что желаний у нас мало —
их исполняет мама.

Я всегда одного и того же желала:
чтобы мама не умирала,
чтобы жизнь в нашей жизни совсем ничего не меняла —
разве этого мало?

А потом я еще желание загадала:
чтобы можно было домой возвращаться поздно.
Если б я знала,
что только его и исполнят звезды!

АНЕЧКЕ

I

Дитя мое, грустью своей захлебнувшись,
разбившись о слово, как о волнорез,
щекою прижавшись, от горя согнувшись,

я крест обнимаю твой. Наперерез
кладбищенский ветер, волнующий травы,
к приبلудной собаке минутная жалость.
Родная, мы обе с тобою неправы,
ты — в том, что ушла, а я в том, что осталась.

Тепло ли тебе в том заоблачном доме,
где ангел тебя укрывает крылами?
Там свет и покой. Ну а вдруг ты порою
скучаешь по маме? Покинутой маме.
А я полюбила шиповника чащи,
осенних прогулок горчашую небыль
и больше не плачу. Но чаще и чаще
подолгу — с любовью — смотрю я на небо.

II

Снова пришло время дерев и трав.
Снова листва и птицы, и мир — как был.
Просто ушла в землю, землею став.
Просто ушла в небо в биенье крыл.

Не прерывается пуповина. И связь двух душ
нам не нарушить, отняв тебя от груди.
Нету роднее места, чем эта глушь
возле твоей могилки. Я скоро, жди.

Так и живу. Там, где кроны качает лес,
вижу тебя. И твой голос зовет вдали.
Ты ко мне руки протягиваешь с небес.
Я тебе душу протягиваю с земли.

III

Вещи твои еще запах твой хранят.
Мир наших комнат полон еще тобой.
Но невозможно снова тебя обнять.
В этом объятии вновь обрести покой.

Голубоокая, в той голубой дали,
где ты живешь, не страдая и не скорбя,
ты позабуди ту, что вглядывается с земли
в райские заросли, чтоб увидеть тебя.

Кажется мне, будто ангельский вижу лик,
чудится мне, будто радостный слышу смех.
Ведь для тебя ожидание встречи — миг.
А для меня ожидание встречи — век.

ДЕТСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Говорили, мстили, обижали,
друг от друга ночью уезжали,
возвращались, каялись, мирились,
и — расстались. И — уgomонились.

Вот и все. Мы строже и мудрее.
Детская дорога — громыхает.
И, склонившись, мы сидим над нею:
поезд мчится, семафор мигает.

Мы играем в прошлое, а в прошлом
маленьким все стало и хорошим.
И не страшно нам с судьбой играть.
Только — врозь придется умирать.

И, как пуля, вдруг пробьет насквозь
мое сердце это слово — врозь.

Паровоз не дышит в тупике.
Я стою со свечкою в руке.

* * *

Что Бог соединил — люди не разлучат...
Из небесных чернил в моем сердце печать.
Мы обманом себя попытались спасти —
от беды развести, от судьбы развести...
Но два ангела, вместе на небе сойдясь,
не разрушат
навек скрепленную связь,
что легла через душу.
Строй иную судьбу, не печалься, живи,
будь беспечен.
Ну, а наша любовь — это храм на крови,
и сияющий крест его
вечен.

* * *

Мы любим взаимно.
Мы жизнь забираем
взаимы друг у друга.
Дотла обираем,
до крови, до нервов друг друга.
И яростно светят
сквозь ветер
глаза цвета стали.
Зачем обручальные кольца
оковами стали?

По капле мы жизнь забираем
взаимы друг у друга.
К одним кандалам
наши руки
прикованы туго.
Здесь нету любви,
есть охота на зверя,
на волка,
и пристальный взгляд —
так, прицелившись, смотрит двустволка.
Прицелившись, смотрят бездумно
глаза цвета стали.
А нам бы волками
нос к носу идти в одной стае.
Жалеть перестали
и, видно, любить перестали.
Зачем обручальные кольца оковами стали...

* * *

И нам совершенно неважно,
коль мы с тобой снова вдвоем,
что город весенний загажен
помойками и вороньем.

Не страшно, не трудно, не грешно,
поверив, что беды прошли,
лететь меж ветвей и скворечен,
уже не касаясь земли.

О, как безрассудно мы будем
толпе отдаваться на суд!
Ну что же толпа — иль не люди?
А люди, наверно, поймут.

* * *

Прикрывая прорехи принципами
и железобетонным бытом,
как и все, мечтала о принце я,
а теперь вот дружу с бандитом.

В одиночестве гулком, жутком
выхожу — будто на подмости.
Я мечтала о самом чутком.
А достался мне злой и жесткий.

И, хрустя по замерзшим лужам,
блажи собственной потакая, —
не расстанусь. Хотя и нужно бы.
Потому что сама такая.

* * *

Господи! На краю удерживающий,
возлюбивший паче Себя,
молю прощенья, как молит деревце
засыхающее — дождя.

И греша, и молясь неистово,
горько знала, как мир сей пуст.
Оправданье одно мне — искренность,
расточающая искры чувств.

Дни дея меж пирами — битвами,
только лишь наступала ночь,
обращалась к Тебе с молитвами
вечно блудная Твоя дочь.

И когда голосами трубными
воспоют, мой круг очертя,
не отринь же Ты Свое трудное,
горько любящее дитя.

Анатолий Брагин

Анатолий Иванович Брагин (1935 — 2006) — русский поэт, уроженец Тульского края. Первый свой поэтический сборник «Земля и сердце» А. И. Брагин опубликовал в 1963 г., второй — «Антоновка» — в 1958 г., третий — «Лирика» — в 1971 г., четвертый «Новоселье» — в 1976. После длительного перерыва вышли еще два сборника стихов: «Очищение» в 1991 г. и «Подкова счастья» в 1996 году. Книги выходили мелкими тиражами и широко не оглашались. И все же Брагина А. И. можно отнести к выдающимся современным литераторам, к тому великолепному ряду, который составляют Шукшин, Вампилов, Рубцов, Передерев, Прасолов, Распутин, Белов.

Анатолия Брагина ценили такие корифеи, как Ярослав Смеляков (еще в 1957 г. написавший доброе напутствие к подборке его стихотворений для «Литературной газеты»), Всеволод Иванов, Михаил Исаковский, Борис Слуцкий. А златоуст Николай Иванович Тряпкин, живой классик, последний народный российский поэт, сказал буквально следующее: «Я люблю стихи Брагина. Более того, я его поклонник».

Почти во всех книжках Анатолия Ивановича есть издательские аннотации, в них совершенно справедливо отмечается лукавая мудрость его стихов, способность увидеть вещь или положение в неожиданном и убедительном повороте, живая разговорная речь, гражданское звучание, любовь к человеку и природе, умение придать строчкам свойства пословиц и поговорок.

ПОДОРОЖНИК

Соне

И поселил его Господь
Вдоль тропок и дорог,
Чтоб человеческую плоть
Он врачевал как мог.

Его и давят каблуком,
И на него плюют...
И с чем он только ни знаком,
Там, где проходит люд!

И причиняющему зло,
Кто так к нему жесток,
Он бережет свое тепло
И свой целебный сок.

Закроет рану, вырвет гной
И снимет жар и зуд...
Нам ведомо —
Какой ценой,
Но что поделаться тут!

Напоминает он судьбой
Подвижников святых.
На них молиться нам с тобой
А мы терзаем их.

* * *

Поставлен крест из ивы
Беднейшей из могил,
А он, такой счастливый,
Взял и побег пустил.

И радостные корни
Вцепились в чернозем,
Все шире и упорней
В стремлении своем.

И вскоре над могилой
Откуда ни возьмись
Листва заговорила
О том, что всюду жизнь.

И нет уже пропащей
Могилы той. Она
Крестом животворящим
Отмечена одна.

Крестом с плакучей ивой,
Скорбящей красотой.
Так неразлучно диво
С великой простотой.

РУССКАЯ ИЗБА

Она пол-избы занимала,
Мешала как будто,
И все ж —
Залезешь на печку, бывало,
И рад, что на свете живешь!

Случилось ли:
Мать отругала,
Друзья ли побили — молчок.
Залезешь на печку, бывало,
И плачешь себе в кулачок.

Нам печка похлебку варила,
Душистые хлебы пекла,
От разных болезней лечила,
Старалась, как только могла.

Не жалко мне детства нисколько
Хорошего мало ушло.
Тоскую о печке, и только,
Как вспомню —
Так станет тепло.

Она, как пошучью велению,
Покинула наше жилье.
Кто с печкой знаком
от рожденья,
Едва ли забудет ее.

* * *

Увидел я два ласковых глаза
И влажных губ
Манящие углы,
И я уже готов
По твоему приказу
И бегать в магазин,
И подметать полы.

По праздникам
Строчить тебе куплеты,
К товарищам-пьянчугам ни ногой...
Как жалко, дорогая,
Что все это
Уж года три, как делает другой!

ОН И ОНА

Время было позднее,
Молча
Друг за другом
Шли они под звездами
Серебристым лугом.

Так же молча
Вброд они
Переходят речку...
Он открыл ворота ей,
Повернув колечко.

И она потопала,
Поняла без слова...

Он был сын крестьянина,
А она...
Корова!

* * *

Он ей объяснился в любви
Году на семнадцатом жизни
Совместной.
Без жара в крови,
Зато уже в подлинном смысле!

Когда-то без клятвенных слов
Сошлись они, два крокодила,
Которым сказать про любовь
И в голову не приходило.

А тут она вся расцвела,
Пальто, улыбаясь, надела,
Ушла
И вина принесла
Обмыть это доброе дело.

* * *

Ослабь, Россия, наконец,
Свои объятия тугие!
Они — не мы,
Они — другие:
Иных кровей, иных сердец!

Не волокити их за собой!
Пусть идут своей дорогой...
И больше никогда не трогай
Детей, рожденных не тобой!

* * *

Старуха голубей кормила
Печеным хлебом и зерном,
И по-приятельски корила,
Что больно гадят за окном.

Они однажды прилетели,
А их кормилица слегла.
Они все окна проглядели,
А та подняться не смогла.

Не поднялась она с постели,
Ее на кладбище снесли...
За нею голуби летели
И тихо старушонки шли.

ЦВЕТЫ НА КЛАДБИЩЕ

На старом кладбище — цветы,
Их рвать —
Великий грех.
Растут они для красоты,
А стало быть, для всех.

То наши бабушки весной
Повышли там и тут.
Тела истлели их давно,
А души все цветут.

И шепчут пчелам золотым,
И пчелы слышат их:
«Снесите, милые, живым
Подарки от родных!»

* * *

Чуть не дюжину детей
Мать моя растила:
Восемь просто дочерей
И поэта сына.

Живы все.
И, дай им бог,
Пусть живут на славу...
Нужно девять пар сапог,
Чтоб обуть ораву.

Чтобы в школу не пошли
Голыми детишки,
Нужно восемь платьиц сшить
И одни штанишки.

То не птахи из гнезда,
Не листочки с веток, —
Проводила в города
Мать любимых деток.

Проводила, и теперь
Скучно стало в доме,
Скрипнет уличная дверь —
Ветер, кто же кроме...

СОЛОМИНКА

Работали за трудодни
Они на молотилке,
А в перерыве...

Вот они!
Пьют из одной бутылки...

Да не вино, а молоко,
Закусывая хлебом,
И все идет у них легко
Не без участия Неба.

Он опоясал палец ей
Соломинкой ржаною,
Как будто молвил: «Будь моей
Законною женою!»

Она сменила цвет лица
Яичный на клубничный,
Увидев золото кольца
В соломинке обычной.

Они давно уж старики,
Их знает вся округа,
Их отношения крепки —
Соломинка порука.

ИЗ ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ

Александр Зиновьев*

Известный философ и писатель Александр Зиновьев родился в 1922 году в семье крестьянина. После школы поступил в Московский институт истории философии и литературы, из которого он был исключен без права поступления в другие вузы страны за выступления против культа Сталина. Вскоре он был арестован, бежал, скрывался от органов госбезопасности. От дальнейших неприятностей его спасла служба в армии, куда он ушел в 1940 году и прослужил до 1946 года. Великую Отечественную войну начал в танковом полку, а завершил в штурмовой авиации, за боевые заслуги награжден орденами и медалями. После войны окончил философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, одновременно учась на мехмате.

Во второй половине пятидесятих годов для студентов философского факультета МГУ имя Зиновьева было символом новых идей, борьбы против догматизма. В 1960 году Зиновьев защитил докторскую диссертацию, вскоре после этого он получил звание профессора и стал заведовать кафедрой логики в Московском университете.

Причиной высылки Александра Зиновьева из Советского Союза в 1978 году стал опубликованный на Западе социологический роман «Зияющие высоты», с которым пришла к нему литературная известность. На родине Зиновьеву отвели роль антикоммуниста со всеми вытекающими в те годы последствиями: он был исключен из партии, выгнан с работы, выслан из страны, лишен гражданства, всех научных степеней, званий, наград, в том числе военных. Вокруг него была создана атмосфера замалчивания. Все было организовано так, как будто вообще не существовало такого человека.

На Западе Александр Зиновьев опубликовал более 40 романов, переведенных на 20 языков, своим творчеством создав новый жанр социологического романа (социологической повести), в котором научно-социологические результаты излагаются в художественной форме. Понятия, утверждения, отчасти даже методы социологии используются как средства художественной литературы, а последние, в свою очередь, применяются как средства науки.

Вернувшись на родину, Александр Александрович продолжал свои социологические исследования и лекции в МГУ.

* Публикуемые ниже материалы — перепечатка из газеты «Советская Россия № 83 (12856) от 20.07.2006 — приложение «Отечественные записки», Вып. 100.

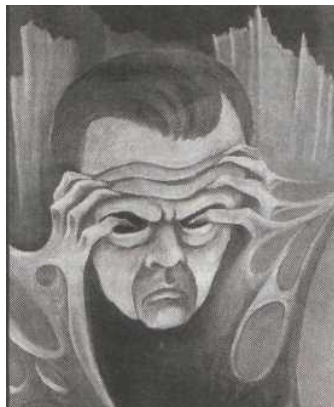
НАДЕЖДА — НА НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Выдержки из последней беседы

Александр Зиновьев прожил долгую, яркую, насыщенную интересными и нередко опасными событиями жизнь. Мальчишку из многодетной крестьянской семьи, выросшего в глухой российской деревушке Пахтино Костромской области, ожидало полное драматизма и великих достижений будущее. Ему суждено было стать величайшим исследователем советского коммунизма, уникального исторического явления, судьба которого оказалась столь сильно похожей на его собственную.

Александр Зиновьев является одним из крупнейших логиков в мире, автором собственных теорий в логике и социологии, основоположником нового жанра в литературе — социологического романа. Он по праву считается величайшим, подлинно научным исследователем советской системы (реального коммунизма) и современной западной социальной организации (западнизма). Изданные миллионными тиражами во многих странах мира произведения Зиновьева «Зияющие высоты», «Светлое будущее», «Гомо советикус», «Коммунизм как реальность», «Иди на Голгофу», «В преддверии рая», «Катастрожка», «Русский эксперимент. Исповедь отщепенца» и др., написанные им в годы «холодной войны» и вынужденного изгнания ученого на Запад, принесли их автору всемирную известность. Вместе с такими более поздними работами, как «Запад. Феномен Западнизма», «Глобальный человек», «На пути к сверхобществу», «Большой эволюционный перелом», «Логическая социология», «Русская трагедия. Гибель утопии», «Идеология партии будущего», «Распутье» и др., они ознаменовали поворотный момент в истории понимания человеком фундаментальных законов социального бытия.

Однако, пожалуй, самой большой победой Александра Зиновьева является успешное проведение им собственного жизненного эксперимента в духе грандиозного социального эксперимента, который разворачивался на глазах молодого Зиновьева в постреволюционной России. Находившийся в заключении в камере на Лубянке по подозрению в подготовке покушения на Сталина, романтический шестнадцатилетний юноша, взбунтовавшийся против окружавшей его несправедливости, принял главное решение в своей жизни: провести собственный русский эксперимент по построению суверенного государства из одного человека, то есть особого внутреннего мира, в котором все подчинено самоотверженному служению Истине. Именно тогда Александр Зиновьев поклялся больше никогда не строить иллюзий об окружающем мире и стать настоящим, беспощадным исследователем законов социальной организации, выражаясь словами ученого, «машиной для понимания реальности», идущей вперед к поставленной цели наперекор всем трудностям и испытаниям, на которые неизбежно обрекаются люди, выбравшие тяжелейший путь познания и просвещения.

Автопортрет

Незадолго до кончины Александра Зиновьева автору этих строк удалось встретиться с ученым и его супругой, верным соратником и единомышленником на протяжении долгих сорока пяти лет Ольгой Мироновной Зиновьевой у них дома в Москве. Несмотря на плохое самочувствие и большую слабость, вызванную тяжелой болезнью и мучительной химиотерапией, Александр Александрович, всегда придававший огромное значение общению с думающей молодежью, нашел в себе силы провести со мной несколько часов в интересной и, на мой взгляд, крайне важной беседе, выдержками из которой, в память о великом ученом, мне бы и хотелось поделиться с читателями.

Чингиз ШАМШИЕВ: *В своей статье «Фактор предательства», опубликованной во Франции, вы убедительно показываете, что в развале СССР значительную роль сыграло предательство со стороны представителей высшего руководства КПСС, охваченных лихорадкой личного обогащения.*

Александр ЗИНОВЬЕВ: Такое развитие событий я предвидел еще в 1986 году, когда прибывший с визитом в Лондон Горбачев не пошел на могилу Маркса. Тогда я высказал мнение, что начинается эпоха великого исторического предательства. Дело в том, что американцы, поддерживаемые объединенными силами Запада, и коммунисты во главе с Горбачевым сделали определенное соглашение. Ведь обратите внимание, что произошло: страну сдали без единого выстрела. Не пострадал ни один человек! Пострадал только один, этот сотрудник ЦК. Помните, который из окна выбросился? Все. Всем остальным партийным работникам все сохранили. Всем, всем, сверху донизу! За ними закрепили находившееся в их пользовании имущество. Дачи, квартиры и т.д. Это была такая договоренность с Горбачевым и с теми, кто принимал капитуляцию. Хотя, оговорясь, упрощения здесь неуместны. Развал СССР был очень сложным процессом. Здесь сработал целый комплекс причин и одной причиной всего не объяснишь.

Ч.Ш.: *Сегодня нередко высказывается мнение, что Россию в будущем также сдадут без единого выстрела.*

А.З.: А ее уже сдали. Я вам просто скажу. Я занимался этой проблемой многие годы и могу Вам сказать, что проводимая нынешним российским руководством политика в значительной мере фиктивна. Просто фиктивна. И в общем-то все контролируется. Конечно, предпринимаются какие-то попытки, но рассчитывать на то, что наступит серьезное улучшение, что страна снова обретет былое величие, нельзя. В нынешнем российском руководстве слишком много людей, работающих на Соединенные Штаты. Они плетут игры какие-то, вид делают, что работают во благо государства, но все, что потребуют Соединенные Штаты, все они сделают. Вот откроют войну в Иране, сначала будут какие-то манипуляции и т.д., но в итоге Россия будет поддерживать Америку.

Ольга ЗИНОВЬЕВА: События разворачиваются по одному и тому же сценарию. Югославия, Афганистан, Ирак, Иран — это звенья одной цепи. Понимание этого и подтолкнуло Александра Александровича вернуться в Россию в 1999 году из Германии. Он тогда сразу сказал, что югославский сценарий — это то, что ожидает Россию. Мы тогда твердо решили вернуться на Родину и разделить судьбу своего народа.

А.З.: Я вам должен признаться, что во всей этой истории, в том, что произошло с СССР, русский народ сыграл далеко не лучшую роль, а может, даже и худшую. Мне очень сложно говорить об этом... Но таково мое мнение как ученого. Русский народ стал, по существу, народом-предателем. Вот, не выдержал, понимаете. Сработал... В моих книгах об этом подробно написано. Сработал такой фактор, как человеческий материал. Я выражу свою мысль фигурально. Есть такая русская пословица: «Не по Сеньке шапка». Так вот, судьба русским сделала грандиозный, эпохального значения подарок, а они им воспользоваться не сумели. Не выдержали той исторической роли, которую им приходилось играть. Не поняли значения Сталина, да и не только Стали-

на. Ведь еще до развала Союза пошла деградация одного вождя за другим. Брежнев и другие плохо понимали, что творили. Ничего не понимали! В 1983 году Юрий Андропов признался, что мы до сих пор не поняли советской системы. Так вот, мы не понимаем ее до сих пор. Это уже вам, молодым людям, такие проблемы решать. Срабатывал такой фактор, как «ума не хватило». Не хватило ума. Они даже не понимали, с чем имели дело. Это ужас какой-то. Ну, теперь уже вы, молодые люди, сражайтесь за себя, сражайтесь за то, что вам судьбой достается. За какие-то следы или остатки, может быть, за какое-то наследие. Демократия все-таки... Нам многое от прошлого досталось, что стоит внимания, заслуживает ценности.

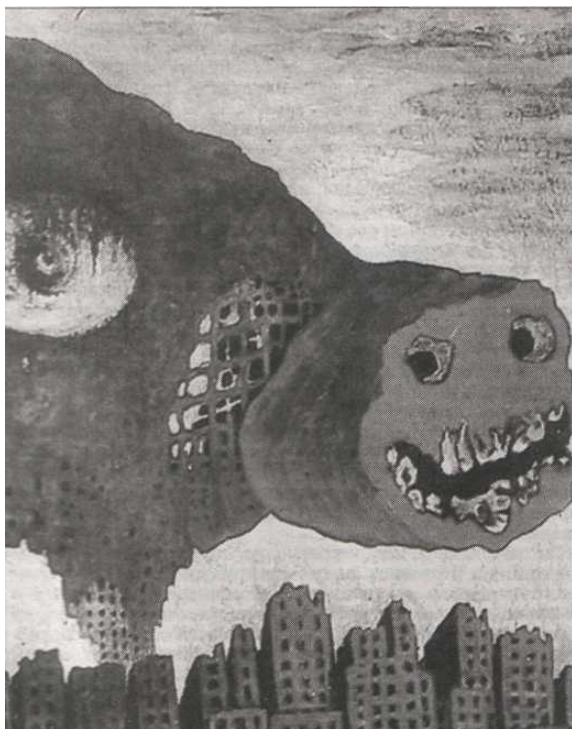
Ч.Ш.: Скажите, Александр Александрович, является ли Россия главной мишенью для США? Думаю, нельзя забывать и о Китае.

А.З.: Вы знаете, это все еще подлежит исследованию. Все дело в том, с кем нам приходится иметь дело. И самое страшное заключается в том, что тот враг, американизм, с которым нам приходится иметь дело — это явление не знает никакой пощады. Они готовы на все! Это колоссальная разрушительная сила. Например, троцкисты — мелочь в сравнении с теми, кто сейчас властвует в мире, стремится к власти. В сравнении с ними они просто ничтожество. Ну полное ничтожество. Понимаете? Это проблема очень серьезная. И это уже вам, молодым людям, предстоит думать, думать, думать, искать мудрое решение, как этому противостоять.

Нужно вот, что понять. В последние несколько десятилетий в странах Запада произошел огромный эволюционный перелом. Возник феномен, которого раньше никогда не было. Это принципиально новый тип социальной организации. Я его называю американизмом. Это уже не есть Запад. Это уже не Запад. Это не западная цивилизация. И я только приступил к его изучению. Вот это явление самое страшное. Вот этот новый феномен вам, молодым ученым, предстоит изучать.

Я как-то сказал, что я мечтаю о новом человеке. Вот родился ли он, этот новый человек? Как, когда он появится? Надежда только на новое поколение. Ведь тот человек, которого когда-то породила западная цивилизация в эпоху Возрождения, сейчас практически уничтожен. Разумеется, есть отдельные индивидуумы, но как историческое явление человек цивилизованный, добрый, наивный, непрактичный, утопический, идеалистический, романтический, неэгоистичный и нерасчетливый уже практически не существует. К сожалению, в жестокой, непримиримой борьбе с этим человеком победило другое явление — эгоистичный, расчетливый и жестокий дикарь, современный варвар, обвешанный с головы до ног высокотехнологическими приспособлениями. Мы вернулись на исходную позицию. Теперь надо все начинать с нуля — с создания нового человека.

Все это силы колоссальные. Они нуждаются в специальном анализе. Тут нужны настоящие ученые. Вам нужно серьезно работать. Группами. Взять хотя бы тот же Китай. Тут все можно увидеть. И преувеличения, и заниженные оценки и т.д. Ведь что происходит в Китае на самом деле, вы же не знаете. Никто этого не знает. Там все спрятано. Конечно, Китай в смысле мудрости и подготовки, сопротивления американизму оказался на порядок умнее России и Советского Союза. На порядок. Они мудрые, они помалкивают, они понемногу накапливают силы, ресурсы, там скупают, здесь скупают. Китайцы, конечно, готовятся. Чтобы во всем этом разобраться, нужны серьезные стратегические исследования. Мне сейчас уже не до этого. Занимайтесь этим, растите молодых людей. Такие проблемы будете решать вы, умные молодые ребята. Умная молодежь. Думайте, думайте, думайте. Я в свое время, не так давно, выдвинул такую формулу. Фигуральное выражение. У нас есть один выход: мы должны переумнить Запад. Переумнить! То есть развить более высокий интеллектуальный потенциал. Нам нужен более высокий интеллектуальный потенциал. Умы нужны, молодые умы нужны. У меня, к сожалению, такой возможности уже нет.

Высота

Вы затрагиваете кардинальнейшие, глубочайшие проблемы мироздания. Позвольте, я немного огрублю. Я хочу просто вам сказать, что мир, возглавляемый Соединенными Штатами в том виде, в каком он сейчас складывается, это мир отнюдь не умных людей. Это мир дебилов. Понимаете? Дебилов. Интеллектуальный уровень тех людей, которые сейчас правят миром, планы строят и так далее, чудовищно низок. Я знаю о чем говорю. Я профессионал в этих делах, и в своих многочисленных работах я это многократно показывал и научно доказывал.

Ч.Ш.: *В книге «Логический интеллект» вы предложили замечательную формулировку, что «сегодня мир управляется физически сильным, но интеллектуально убогим насильником».*

А.З.: Да, вы правы, интеллектуально убогим насильником. Ситуация вот такая. Американцы могут сделать практически все. Лететь на Марс, клонировать животных и т.д. Однако интеллектуально американцы, возглавляющие мир, не понимают ничего. Это общество дебилов. И вот этот дебилизм — самая страшная опасность современности... К сожалению, мне очень трудно об этом говорить. Чингиз, вы меня правильно поймите, мне сложно произносить такие фразы. Они очень эмоциональные. Я очень переживаю об этом...

Ч.Ш.: *Но ведь чтобы лететь на Марс, нужен интеллект...*

А.З.: Да, разумеется, нужен интеллект, но не тот. Для полета на Марс нужны шестеренки, кружочки, какие-то станки и т.д. Проще говоря, вещи нужны. Американцы умеют вещи производить. Любые. Какие угодно! Но приборы, аппараты — это еще не интеллект. Интеллект заключается в подлинно научном познании мира, в соответствии с правилами логики и методологии науки. А во всех Соединенных Штатах вы не найдете сейчас ни одного человека, который смог бы понять то, что описано в моих простых книгах. Более того, в этой среде интеллект находится фактически под запретом. Он не допускается. Он им не нужен. Американцы манипулируют вещами, тем, что они создают, — продуктами. Они манипулируют вещами, изделиями,

изобретениями и т.д. Они не мыслями оперируют. Им мысли не нужны! Вот если бы мне дали возможность, я бы вам показал, какие дебилы эти Буш и все прочие. На самом простом интеллектуальном уровне. Вот в чем состоит ужас. Вот что несут они с собой для человечества. И имейте в виду: для них, кстати, для этих людей врагом становится и западноевропейская цивилизация, к которой мы с вами принадлежим, как и миллионы других людей на планете. Им не нужны достижения прошлых европейских мыслителей. Им это не нужно. Они ничего этого не понимают. Я повторяю: американцы могут все, не понимая абсолютно ничего, поскольку понимание им не нужно...

Москва — Гренобль, май 2006 г.

Последнее интервью А. А. Зиновьева перед возвращением в Россию

Мы предлагаем нашим уважаемым читателям последнее интервью знаменитого русского ученого-диссидента, логика, социолога и философа Александра Зиновьева, данное им на Западе перед его окончательным возвращением в Россию. Беседа состоялась в июне 1999 года в Берлине. В несколько сокращенном виде текст беседы был опубликован французской газетой «Фигаро» от 24 июля 1999 года. На русском языке это интервью почему-то никогда не публиковалось. Хотя многие мысли, высказанные Зиновьевым (оказавшиеся сегодня, после известных событий 11 сентября в Америке, пророческими), представляют огромный, без преувеличения, интерес для русскоязычных читателей на всем пространстве бывшего Советского Союза. Ниже публикуется полная версия этой знаменитой берлинской беседы.

ОБНАРУЖИЛ СТРАНУ ВСЮ В РУИНАХ

Виктор ЛУПАН: С какими чувствами вы возвращаетесь на Родину после столь длительной ссылки?

Александр ЗИНОВЬЕВ: С чувством, что когда-то покинул сильную, уважаемую, даже внушающую страх державу, а вернувшись, обнаружил побежденную страну, всю в руинах. В отличие от других я бы никогда не покинул СССР, если бы у меня был хоть какой-то выбор. Эмиграция стала для меня настоящим наказанием.

В.Л.: Тем не менее вас приняли здесь (в Германии.— Прим. пер.) с распростертыми руками!

А.З.: Это правда... Но несмотря на триумфальный прием и мировой успех моих книг, я всегда чувствовал себя здесь чужим.

В.Л.: После краха коммунизма основным предметом ваших исследований стала западная система. Почему?

А.З.: Потому что произошло то, что я предсказывал: падение коммунизма превратилось в развал России.

В.Л.: Выходит, борьба с коммунизмом прикрывала желание уничтожить Россию?

А.З.: Совершенно верно. Я это говорю, потому что в свое время был невольным соучастником этого для меня постыдного действия. Российскую катастрофу хотели и запрограммировали здесь, на Западе. Я читал документы, участвовал в исследованиях, которые под видом идеологической борьбы на самом деле готовили гибель России. И это стало для меня настолько невыносимым, что я не смог больше находиться в лагере тех, кто уничтожает мой народ и мою страну. Запад мне не чужой, но я рассматриваю его как вражескую державу.

В.Л.: *Вы стали патриотом?*

А.З.: Патриотизм меня не касается. Я получил интернациональное воспитание и остаюсь ему верным. Я даже не могу сказать, люблю я или нет русских и Россию. Однако я принадлежу этому народу и этой стране. Я являюсь их частью. Нынешние страдания моего народа так ужасны, что я не могу спокойно наблюдать за ними издалека. Грубость глобализации выявляет недопустимые вещи.

В.Л.: *Тем не менее сегодня многие бывшие советские диссиденты отзываются о своей прежней Родине как о стране прав человека и демократии. И теперь, когда эта точка зрения стала общепринятой на Западе, вы ее пытаетесь опровергнуть. Нет ли здесь противоречия?*

А.З.: Во время «холодной войны» демократия была оружием в борьбе против коммунистического тоталитаризма. Сегодня мы понимаем, что эпоха «холодной войны» была кульминационным моментом в истории Запада. В это время на Западе было все: беспрецедентный рост благосостояния, подлинная свобода, невероятный социальный прогресс, колоссальные научные и технические открытия! Но в то же время Запад незаметно менялся. Начатая в то время робкая интеграция развитых стран была, по сути, предтечей интернационализации экономики и глобализации власти, свидетелями чего мы сегодня являемся. Интеграция может служить росту общего благосостояния и иметь положительные последствия, если, например, она удовлетворяет легитимное стремление братских народов к объединению. Однако та интеграция, о которой идет речь, была с самого начала продумана как вертикальная структура, жестко контролируемая наднациональной властью. И без успешного проведения российской, против Советов, контрреволюции Запад не смог бы приступить к глобализации.

В.Л.: *Значит, роль Горбачева не была положительной?*

Д.З.: Я смотрю на вещи немного под другим углом. Вопреки устоявшемуся мнению, советский коммунизм развалился не в силу внутренних причин. Его развал, безусловно, самая великая победа в истории Запада. Неслыханная победа, которая, я повторюсь, делает возможным установление планетарной власти. Конец коммунизма также ознаменовал конец демократии. Сегодняшняя эпоха не просто посткоммунистическая, она еще и постдемократическая! Сегодня мы являемся свидетелями установления демократического тоталитаризма или, если хотите, тоталитарной демократии.

В.Л.: *Не звучит ли все это несколько абсурдно?*

А.З.: Ничуть. Для демократии нужен плюрализм, а плюрализм предполагает наличие по крайней мере двух более-менее равных сил, которые борются между собой и вместе с тем влияют друг на друга. Во время «холодной войны» была мировая демократия, глобальный плюрализм, внутри которого сосуществовали две противоборствующие системы: капиталистическая и коммунистическая. А также неясная, но все же структура тех стран, которые нельзя было отнести к первым двум группам. Советский тоталитаризм был восприимчив к критике, идущей из Запада. В свою очередь Запад находился под влиянием СССР, в особенности через собственные коммунистические партии. Сегодня мы живем в мире, где господствует одна-единственная сила, одна идеология и одна проглобализационная партия. Все это вместе взятое начало формироваться еще во время «холодной войны», когда постепенно в самых различных видах появились суперструктуры: коммерческие, банковские, политические и информационные организации. Несмотря на разные сферы деятельности, эти силы объединяла их транснациональная сущность. С развалом коммунизма они стали управлять миром. Таким образом, западные страны оказались в господствующем положении, но вместе с тем они находятся и в подчиненном положении, так как постепенно теряют свой суверенитет в пользу того, что я называю «сверхобществом». Планетарное сверхобщество состоит из коммерческих и некоммерческих организаций, влияние которых выходит далеко за пределы отдельных государств. Как и дру-

гие страны, страны Запада подчинены контролю этих наднациональных структур. И это при том что суверенитет государств тоже был неотъемлемой частью плюрализма, а значит, и демократии в планетарном масштабе. Нынешняя господствующая сверхвласть подавляет суверенные государства. Европейская интеграция, разворачиваемая у нас на глазах, тоже ведет к исчезновению плюрализма внутри этого нового конгломерата в пользу наднациональной власти.

В.Л.: *Но не кажется ли вам, что Франция или Германия продолжают оставаться демократическими государствами?*

А.З.: Страны Запада познали настоящую демократию во время «холодной войны». Политические партии имели подлинные идеологические различия и разные политические программы. Органы прессы тоже сильно отличались друг от друга. Все это оказывало влияние на жизнь простых людей, способствовало росту их благосостояния. Теперь этому пришел конец. Демократичный и процветающий капитализм с социально ориентированным законодательством и гарантиями занятости был во многом обязан существованию страха перед коммунизмом. После падения коммунизма в странах Восточной Европы на Западе началась массированная атака на социальные права граждан. Сегодня социалисты, находящиеся у власти в большинстве стран Европы, ведут политику демонтажа системы социальной защиты, политику, уничтожающую все социалистическое, что имелось в странах капитализма. На Западе нет больше политической силы, способной защитить простых граждан. Существование политических партий — чистая формальность. С каждым днем между ними все меньше и меньше будет различий. Война на Балканах была какой угодно, но только не демократической. Тем не менее ее вели социалисты, которые исторически были против подобного рода авантюры. Экологи, тоже находящиеся у власти в некоторых странах, приветствовали экологическую катастрофу, вызванную бомбардировками НАТО. Они даже осмелились утверждать, что бомбы, содержащие обедненный уран, не представляют опасности для окружающей среды, хотя при их зарядке солдаты надевают специальные защитные комбинезоны. Так что демократия постепенно исчезает из общественной организации стран Запада. Повсюду распространяется тоталитаризм, потому что наднациональная структура навязывает государствам свои собственные законы. Эта недемократичная надстройка отдает приказы, дает санкции, организывает эмбарго, сбрасывает бомбы, морит голодом. Даже Клинтон ей подчиняется. Финансовый тоталитаризм подчинил себе политическую власть. Холодному финансовому тоталитаризму чужды эмоции и чувство жалости. По сравнению с финансовой диктатурой диктатуру политическую можно считать вполне человеческой. Внутри самых жестоких диктатур было возможно хоть какое-то сопротивление. Против банков восставать невозможно.

В.Л.: *А что насчет революции?*

А.З.: Демократический тоталитаризм и финансовая диктатура исключают возможность общественной революции.

В.Л.: *Почему?*

А.З.: Потому что они совмещают грубую всемогущую военную силу с финансовым удушением планетарного масштаба. Все революционные перевороты получали когда-то поддержку извне. Отныне это невозможно, так как больше нет и не будет суверенных государств. Более того, на самой низкой общественной ступени класс рабочих заменен классом безработных. А чего хотят безработные? Работу. Поэтому они находятся в менее выгодном положении, нежели класс рабочих в прошлом.

В.Л.: *У всех тоталитарных систем была своя идеология. Какая идеология у этого нового общества, которое вы называете постдемократическим?*

А.З.: Наиболее влиятельные западные теоретики и политики считают, что мы вошли в постидеологическую эпоху. Это потому, что под словом «идеология» они

подразумевают коммунизм, фашизм, нацизм и т.п. На самом деле идеология, сверх-идеология западного мира, развивавшаяся в течение последних 50 лет, намного сильнее коммунизма или национал-социализма. Западного гражданина гораздо больше оболванивают, нежели когда-то обычного советского человека посредством коммунистической пропаганды. В области идеологии главное не идеи, а механизмы их распространения. Мощь западных СМИ, например, несравненно выше, чем сильнейшие средства пропаганды Ватикана во времена его наивысшего могущества. И это не все: кино, литература, философия — все рычаги влияния и средства распространения культуры в самом широком смысле слова работают в этом направлении. При малейшем импульсе все работающие в этой сфере реагируют с такой согласованностью, что невольно возникают мысли о приказах, исходящих из единого источника власти. Достаточно было принять решение заклеить Караджича, президента Милошевича или кого-нибудь другого, чтобы против этих малозначимых людей заработала вся планетарная пропагандистская машина. В итоге, вместо того чтобы осуждать политиков и генералов НАТО за нарушение ими всех существующих законов, подавляющее большинство западных граждан убеждено, что война против Сербии была нужной и справедливой. Западная идеология комбинирует и смешивает идеи, исходя из своих потребностей. Одна из таких идей — западные ценности и образ жизни являются наилучшими в мире! Хотя для большинства людей на планете эти ценности имеют губительные последствия. Попробуйте-ка убедить американцев в том, что эти ценности погубят Россию. У вас ничего не выйдет. Они и дальше будут защищать тезис об универсальности западных ценностей, следуя, таким образом, одному из основополагающих принципов идеологического догматизма. Теоретики, политики и СМИ Запада абсолютно уверены, что их система — самая лучшая. Именно поэтому они без всяких сомнений и со спокойной совестью навязывают ее во всем мире. Западный человек, носитель этих наивысших ценностей, является, таким образом, новым сверхчеловеком. На термин наложен табу, но все сводится именно к этому. Конечно, данное явление необходимо изучать научно. Однако смею заметить, в некоторых областях социологии и истории стало крайне тяжело проводить научные исследования. Ученый, который вдруг воспылет желанием изучить механизмы демократического тоталитаризма, столкнется с неимоверными трудностями. Из него сделают изгой. С другой стороны, те, чьи исследования обслуживают господствующую идеологию, утопают в грантах, а издательские дома и СМИ борются за право сотрудничать с этими авторами. Я это испытал на собственной шкуре, когда преподавал и работал исследователем в зарубежных университетах.

В.Л.: *А разве нет в этой нелюбимой вами «сверхидеологии» идей толерантности и уважения к ближнему?*

А.З.: Когда вы слушаете представителей западной элиты, все кажется таким чистым, великодушным, уважительным по отношению к людям. Делая это, они применяют классическое правило пропаганды: прикрывать действительность сладкими речами. Однако достаточно включить телевизор, пойти в кино, открыть бестселлер или послушать популярную музыку, чтобы убедиться в обратном: в беспрецедентном распространении культа жестокости, секса и денег. Благородные речи призваны скрывать эти три столпа (есть и другие) тоталитарной демократии.

В.Л.: *А как быть с правами человека? Разве не на Западе их соблюдают больше всего?*

А.З.: Отныне идея прав человека тоже все больше и больше подвергается давлению. Даже чисто идеологический тезис, согласно которому эти права являются врожденными, не отчуждаемыми, сегодня не выдержит даже первого строгого анализа. Я готов подвергнуть западную идеологию такому же научному анализу, который я проделал с коммунизмом. Но это долгий разговор, не для сегодняшнего интервью...

В.Л.: *Есть ли у западной идеологии ключевая идея?*

А.З.: Идея глобализации! Другими словами, мировое господство! А так как эта идея довольно неприятная, ее прикрывают пространными фразами о планетарном единении, о трансформации мира в одно интегрированное целое. Это старая советская идеологическая маска, использовавшая идею дружбы народов для прикрытия экспансионизма. В действительности Запад сейчас приступил к структурным изменениям в масштабе всей планеты. С одной стороны, западное общество господствует над всем миром, с другой стороны, оно само перестраивается по вертикали с наднациональной властью на самом верху пирамиды.

В.Л.: *Мировое правительство?*

А.З.: Да, если хотите.

В.Л.: *Верить в такое — не значит ли быть жертвой бредовых фантазий о мировом заговоре?*

А.З.: Какой заговор? Нет никакого заговора. Мировое правительство управляется руководителями всем хорошо известных наднациональных коммерческих, финансовых и политических структур. Согласно моим подсчетам это сверхобщество, которое сегодня управляет миром, уже насчитывает около 50 миллионов человек. Его центр — США. Страны Западной Европы и некоторые бывшие азиатские «драконы» составляют его базис. Другие страны находятся под господством согласно жесткой финансово-экономической градации. Вот это реальность. Что касается пропаганды, то она полагает, что создание мирового правительства, подконтрольного мировому парламенту, является желательным, так как мир — это большое братство. Все это рассказы, предназначенные для толпы.

В.Л.: *Европейский парламент тоже?*

А.З.: Нет, так как Европарламент существует. Но будет наивным верить в то, что Европейский союз явился результатом доброй воли правительств стран, входящих в его состав. Евросоюз — это оружие уничтожения национальных суверенитетов. Он является частью проектов, разработанных наднациональными организациями.

В.Л.: *Европейское содружество сменило название после развала Советского Союза. Словно чтобы заменить его, оно стало называться «Европейский союз». В конце концов можно было назвать по-другому. Подобно большевикам, руководители Евросоюза называют себя «комиссарами». Как и большевики, они возглавляют «комиссии». Последний президент был «избран», будучи единственным кандидатом...*

А.З.: Нельзя забывать, что процесс социальной организации подчиняется определенным законам. Организовать миллион человек — это одно, организовать 10 миллионов — это другое, организовать 100 миллионов — это тяжелейшая задача. Организовать 500 миллионов человек является задачей колоссальных масштабов. Нужно создавать новые административные органы, обучать людей, которые будут ими управлять и обеспечивать их бесперебойное функционирование. Это первоочередная задача. На самом деле Советский Союз — это классический пример многонационального конгломерата, возглавляемого наднациональной управленческой структурой. Европейский союз хочет добиться лучших результатов, нежели Советский Союз! Это вполне оправданно. Уже 20 лет назад я был поражен тем, что так называемые дефекты советской системы были еще сильнее развиты на Западе.

В.Л.: *Например, какие?*

А.З.: Планирование! Западная экономика бесконечно больше планируется, чем когда-то планировалась экономика СССР. Бюрократия! В Советском Союзе от 10 до 12 % активного населения работало в сфере управления и администрации страной. В Соединенных Штатах таких работников около 16—20 %. Однако СССР критиковали именно за его плановую экономику и тяжесть бюрократического аппарата. В Центральном комитете КПСС работало 2 тысячи человек. Численность аппарата Ком-

Голгофа

партии доходила до 150 тысяч работников. Сегодня на Западе вы найдете десятки, даже сотни предприятий промышленности и банковского сектора, которые нанимают гораздо больше людей. Бюрократический аппарат советской Коммунистической партии был ничтожно маленьким по сравнению с персоналом крупных транснациональных корпораций Запада. На самом деле следует признать: СССР управлялся плохо именно из-за нехватки административного персонала. Нужно было иметь в два-три раза больше административных работников! Евросоюз прекрасно понимает эти проблемы и потому принимает их во внимание. Интеграция невозможна без наличия внушительного административного аппарата.

В.Л.: *То, о чем вы рассказываете, идет вразрез с идеями либерализма, афишируемые европейскими руководителями. Не думаете ли вы, что их либерализм — это всего лишь показуха?*

А.З.: Администрация имеет тенденцию сильно разрастаться, что опасно для нее самой. Она знает об этом. Как и любой организм, она находит собственные противоядия для продолжения нормального функционирования. Частная инициатива — одно из них. Другим противоядием является общественная и индивидуальная нравственность. Применяя их, власть как бы борется с тенденциями к самоуничтожению. Поэтому она выдумала либерализм, чтобы создать противовес своей собственной тяжести. Однако сегодня быть либералом — абсурд. Либерального общества больше нет. Либеральная доктрина никак не соответствует реалиям эпохи беспрецедентной в истории человечества концентрации капитала. Движение колоссальных финансовых средств никак не считается с интересами отдельных государств и народов, состоящих из индивидов. Либерализм подразумевает личную инициативу и взятие на себя финансовых рисков. Сегодня любое дело нуждается в деньгах, предоставляемых банками. Эти банки, число которых постепенно сокращается, ведут политику, которая по своей природе является диктаторской, дирижерской. Владельцы предприятий отданы им на милость, потому что все подчиняется кредиту, а значит, находится под контролем финансовых организаций. Важность индивида — основа либерализма — уменьшается изо дня в день. Сегодня не имеет значения, кто управляет тем или иным предприятием, той или иной страной: Буш или Клинтон, Коль или Шредер, Ширак или Жоспэн. Какая разница?

В.Л.: *Тоталитарные режимы XX века были чрезвычайно жестокими, чего не скажешь о западной демократии.*

А.З.: Главное не методы, а полученные результаты. Привести пример? В борьбе с нацистской Германией СССР потерял 20 миллионов человек (согласно последним данным МО РФ, 27 млн. — Прим. пер.) и претерпел колоссальные разрушения. В ходе «холодной войны», войны без бомб и пушек, потеря во всех отношениях было намного больше! За последнее десятилетие продолжительность жизни россиян сократилась на 10 лет! Смертность катастрофически превышает рождаемость. 2 миллиона детей не спят дома. 5 миллионов детей школьного возраста не ходят в школу. Зарегистрировано 12 миллионов наркоманов. Всеобщим стал алкоголизм. 70 % молодежи не пригодны к воинской службе из-за различных физических недостатков. Вот прямые последствия поражения в холодной войне, за которым последовал переход к западному образу жизни. Если это будет продолжаться, то население страны сначала быстро упадет со 150 до 100 миллионов, а потом и до 50 миллионов. Демократический тоталитаризм превзойдет все предшествующие тоталитарные режимы.

В.Л.: *В насилии?*

А.З.: Наркотики, плохое питание, СПИД гораздо более эффективны, нежели военное насилие. Хотя после колоссальной по силе разрушения «холодной войны» Запад изобрел «миротворческую войну». Иракская и югославская кампании являются двумя примерами коллективного наказания и ответных действий исключительно большого размаха, которым пропагандистская машина придает смысл «благого дела» или «гуманистической войны». Направлять насилие жертв против них самих — это другая технология. Примером ее использования является российская контрреволюция 1985 года. Однако, развязывая войну в Югославии, страны Западной Европы повели войну против самих себя.

В.Л.: *По вашему мнению, война против Сербии была также войной против Европы?*

А.З.: Совершенно верно. Внутри Европы есть силы, способные заставить ее действовать против самой себя. Сербию выбрали, потому что она сопротивлялась все подавляющей глобализации. Россия может быть следующей в списке. Перед Китаем...

В.Л.: *Несмотря на ее ядерный арсенал?*

А.З.: Ядерный арсенал России огромен, но он устарел. К тому же русские морально разоружены и готовы капитулировать. Как некогда их отцы, миллионами сдававшиеся в 1941 году в плен в надежде на лучшую жизнь при Гитлере, нежели при Сталине. Сегодня русские сами хотят быть завоеванными в своем безумном стремлении к лучшим условиям жизни. В этом заключается идеологическая победа Запада. Только промывка мозгов может заставить кого-нибудь положительно воспринимать насилие над самим собой. Развитие средств массовой информации делает возможным подобного рода манипуляции, о которых Сталин и Гитлер не могли даже и мечтать. Если завтра по той или иной причине наднациональные власти решат, что албанцы создают больше проблем, нежели сербы, то пропагандистская машина с чистой совестью начнет работать в обратном направлении. И массы пойдут следом, так как они уже привыкли к этому. Повторяю: идеологически можно оправдать все, что угодно. Мне кажется, что по чудовищности XXI век превзойдет все, что человечество видело до этого. Подумайте только о грядущей глобальной войне с китайским коммунизмом. Для победы над такой густонаселенной страной потребуется уничтожить не 10—20 миллионов людей, а где-то 500 миллионов. Сегодня это вполне возможно, учитывая уровень развития достижений пропагандистской машины. Разумеется, во имя свободы и прав человека. Если только какая-нибудь PR-организация не выдумает новую, не менее благородную причину

В.Л.: *А вам не кажется, что у людей может быть собственное мнение, что они могут голосовать и таким образом самовыражаться?*

А.З.: Во-первых, люди уже сейчас голосуют мало, а впоследствии будут еще меньше. Что касается общественного мнения, то на Западе его формируют средства массовой информации. Достаточно вспомнить всеобщее одобрение войны в Косово. Вспомните испанскую войну! Добровольцы съезжались со всего мира, чтобы воевать на одной или другой стороне. Вспомните войну во Вьетнаме. Отныне люди настолько ведомы, что реагируют исключительно так, как того желают хозяева пропаганды.

В.Л.: *СССР и Югославия были самыми полиэтническими странами в мире и несмотря на это они были уничтожены. Не видите ли вы связи между разрушением полиэтнических стран, с одной стороны, и пропагандой полиэтничности — с другой?*

А.З.: Советский тоталитаризм создал подлинное многонациональное и полиэтническое общество. Именно западные демократии приложили сверхчеловеческие пропагандистские усилия для разжигания различных видов национализма, потому что раскол СССР рассматривался ими как лучший способ его уничтожения. Такой же механизм сработал в Югославии. Германия всегда стремилась к ликвидации Югославии. Будучи объединенной, Югославия могла оказывать сопротивление. Суть западной системы заключается в разделении для того, чтобы было легче устанавливать свои законы сразу всем сторонам, а самим выступать в роли верховного судьи. Нет никаких причин предполагать, что подобная технология не будет применена по отношению к расчленению в будущем Китая.

В.Л.: *Индия и Китай выступили против бомбардировок Югославии. Могут ли они в случае чего сформировать полюс сопротивления? Все-таки 2 миллиарда человек — это что-то!*

А.З.: Средства этих стран не входят ни в какое сравнение с военной мощью и технологиями Запада.

В.Л.: *На вас большое впечатление произвела эффективность военного арсенала США в Югославии?*

А.З.: Не только в этом дело. Если бы было принято соответствующее решение, то Сербия перестала бы существовать в течение нескольких часов. По всей видимости, руководители нового миропорядка выбрали стратегию перманентного насилия. Один

за другим теперь будут вспыхивать локальные конфликты для того, чтобы машина «миротворческой войны», которую мы уже видели в действии, тушила их. По сути дела, это может быть технологией управления всей планетой. Запад контролирует большую часть природных ресурсов Земли. Его интеллектуальные ресурсы в миллионы раз превышают ресурсы остального мира. Это подавляющее превосходство обуславливает гегемонию Запада в области технологий, искусства, средств массовой информации, информатики, науки, а отсюда следует преобладание во всех других сферах. Было бы слишком просто всего лишь завоевать мир — им ведь еще надо управлять! Именно эту фундаментальную проблему пытаются сейчас разрешить американцы. Именно данное обстоятельство делает «непонятными» некоторые действия «мирового сообщества». Почему Саддам по-прежнему на своем месте? Почему до сих пор не арестовали Караджича? Поймите, во времена Христа на Земле было всего около 100 миллионов человек. Сегодня одна только Нигерия насчитывает такое количество жителей! Один миллиард западоидов и ассимилированных ими людей будут управлять всем миром. Однако этим миллиардом, в свою очередь, тоже нужно управлять. Для управления западным миром потребуется, по всей вероятности, 200 миллионов человек. Их нужно подбирать, обучать. Вот почему Китай обречен на поражение в борьбе против гегемонии Запада. Этой стране не хватает управления, а также экономических и интеллектуальных ресурсов для того, чтобы внедрить эффективный управленческий аппарат, состоящий где-то из 300 миллионов человек. Только Запад способен решить проблемы мирового управления. Он уже приступил к этому. Сотни тысяч западоидов, которые находятся в бывших коммунистических странах, например, в России, как правило, занимают там руководящие посты. Тоталитарная демократия будет еще и колониальной демократией.

В.Л.: *Согласно Марксу колонизация, кроме насилия и жестокости, несла с собой и блага цивилизации. Может, история человечества повторяется на новом витке?*

А.З.: Действительно, почему бы и нет? Но, увы, не для всех. Какой вклад в цивилизацию внесли американские индейцы? Практически никакой, так как они были раздавлены, уничтожены, стерты с лица Земли. А теперь посмотрите на вклад русских! И вообще сделаю важное замечание: Запад опасался не столько военной мощи СССР, сколько его интеллектуального, артистического и спортивного потенциала. Запад видел, насколько СССР был полон жизни! А это главное, что нужно уничтожить у врага. Именно это и было сделано. Российская наука сегодня зависит от американского финансирования. Она находится в жалком состоянии, так как США не заинтересованы в финансировании конкурентов. Американцы предпочитают давать русским ученым работу у себя в США. Советское кино тоже было уничтожено и заменено американским. С литературой произошло то же самое. Мировое господство прежде всего проявляется как интеллектуальный или, если хотите, культурный диктат. Вот почему в последние десятилетия американцы с таким рвением стараются опустить культурный и интеллектуальный уровень во всем мире до своего собственного, что позволит им осуществлять этот диктат.

В.Л.: *Но не обернется ли это господство в итоге благом для всего человечества?*

А.З.: Те, кто будет жить через десять поколений, действительно смогут сказать, что все произошло во имя человечества, то есть ради их блага. Но как быть с русским или французом, который живет сегодня? Может ли он радоваться тому, что его народ ждет будущее индейцев Америки? Термин «человечество» — это абстракция. В реальности есть русские, французы, сербы и т.д. Однако если нынешняя тенденция продолжится, то народы, которые основали современную цивилизацию (я имею в виду латинские народы), постепенно исчезнут. Западную Европу уже заповилили иностранцы. Мы об этом еще не говорили, но это явление не случайность и не последствия якобы неподконтрольных человеческих потоков. Цель — создать в Европе

ситуацию, схожую с ситуацией в США. Мне кажется, французы мало обрадуются, узнав, что человечество будет счастливо, но без французов. В конце концов, оставить на Земле ограниченное число людей, которые жили бы, как в раю, могло быть рациональным проектом. Оставшиеся люди уж точно считали бы, что их счастье — это итог исторического развития... Нет. Значение имеет только та жизнь, которой мы и наши близкие живем сегодня.

В.Л.: *Советская система была неэффективной. Все ли тоталитарные общества обречены на неэффективность?*

А.З.: Что такое эффективность? В США расходы на похудение превышают госбюджет России. И все равно число толстых граждан растет. Таких примеров — десятки.

В.Л.: *Можно ли сказать, что усиливающаяся на Западе радикализация приведет к его собственному уничтожению?*

А.З.: Нацизм был уничтожен в ходе тотальной войны. Советская система была молодой и сильной. Она бы продолжала жить, если бы не была уничтожена силами извне. Социальные системы не уничтожают сами себя. Разрушить их может только внешняя сила. Это как катящийся по поверхности шар: только наличие внешнего препятствия может его остановить. Я могу доказать это, как доказывают теорему. Сегодня над нами господствует страна, имеющая колоссальное экономическое и военное превосходство. Новый нарождающийся миропорядок стремится к однополярности. Если, устранив всех внешних врагов, наднациональное правительство добьется этого, единая социальная система сможет просуществовать до скончания времен. Только человек может умереть от собственной болезни. Но группа людей, пусть даже небольшая, уже будет стараться выжить через воспроизводство. А представьте себе социальную систему из миллиардов людей! Ее возможности предвидеть и предотвращать самодеструктивные явления будут неограниченными. В обозримом будущем процесс стирания различий в мире не может быть остановлен, так как демократический тоталитаризм — это последняя фаза развития западного общества, которое началось в эпоху Возрождения.

О НАС ПИШУТ...

ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА!

В конце прошлого года Тульская писательская организация Союза писателей России и Тульский государственный университет учредили ежеквартальный «толстяк» — литературно-художественный журнал «Приокские зори». Выло два номера, третий — в печати.

Его редактор — наш постоянный автор и лауреат за 2005 год, прозаик и ученый-биофизик с мировой известностью — Алексей Яшин так определяет свою цель:

«Создать печатный орган, свободный от уклонов в элитарность, объединяющий на своих страницах как профессиональных литераторов, так и формально не объединенных в творческие союзы... Верим в нашего потенциального читателя; в конце концов, журнал создается не для авторов, а именно для читателей. А вернуть стране статус самой читающей в мире... задача архиважная».

Журнал не замыкается на Туле и области, а декларируется как межрегиональный. По «окскому родству» журнал будет открытым для добрых соседей.

Судя по двум вышедшим номерам, редколлегия справляется с декларированными задачами. В журнале и всероссийски известные писатели-туляки и именитые «соседи» и литераторы, только начинающие свой путь к вершинам мастерства. К первым, несомненно, относятся наша старейшая писательница Наталья Парыгина, Николай Дружнин, Сергей Галкин, Владимир Сапожников, Александр Хадарцев, Виктор Пахомов...

Серьезной представляется публицистика журнала, представленная именами историка Николая Дронова, критика Николая Минакова, журналиста Владислава Аникеева...

Обширна группа авторов — Валентин Киреев, Михаил Невижин, Людмила Стаханова, Вячеслав Алтунин...

Серьезные заявки сделаны в разделах «Литературоведение и критика», «Краеведение» (в частности, помещен очерк Константина Кавелина «Авдотья Петровна Елагина»), «Из литературного наследия» и др. В «Литературной памяти» помещены произведения известных мастеров слова Владимира Большакова, Петра Сальникова, Николая Любина, Николая Полетаева.

Журнал задуман как «братство по Оке». И в рубрике «Наши соседи» — рассказ «Лебедушки» славного орловца Ивана Рыжова, первого лауреата премии им. И. А. Бунина (1994 г.), которого я знал редактором местной «молодежки». Будь тебе пухом земля, Иван...

Среди гостей Олег Кочетков, с которым общались не раз в комнатах Московской организацией Союза писателей. Олег входил в руководство объединения поэтов...

Журнал задуман в традициях русской периодики. Складывается авторский актив.

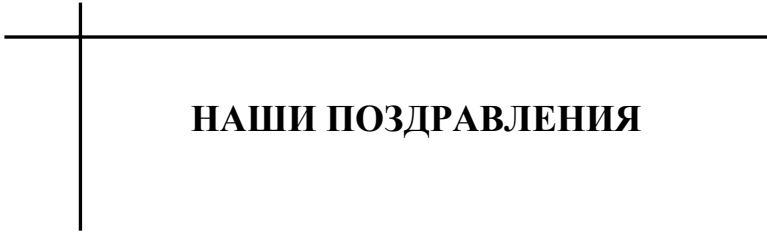
Дай-то, Бог! В полку русской словесности прибыло, с чем и поздравляем редколлегую, авторов и читателей «Приокских зорь».

«Московский Парнас» планирует творческие контакты двух наших изданий на-коротке, мы — не соперники, а соратники. Будем, при обоюдном согласии, делиться портфелями.

В добрый путь!

Леонид ХАНБЕКОВ,
*главный редактор «Московского Парнаса»,
вице-президент Академии российской литературы*

(Перепечатка из альманаха «Московский Парнас», 2006, № 6 (22). С. 186—187).

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Редколлегия журнала «Приокские зори» поздравляет своих коллег и активных авторов «ПЗ» со следующими знаменательными событиями в их жизни:

Щеглова (Норильского) Сергея Львовича, известного тульского журналиста, публициста, общественного деятеля — с 85-летием.

Ханбекова Леонида Васильевича, вице-президента Академии российской литературы, главного редактора альманаха «Московский Парнас», руководителя одноименного Литературного агентства — с 70-летием.

Пахомова Виктора Федоровича, ответственного секретаря Тульской организации СП России — с присуждением ему литературной премии «Бежин луг» СП России за 2006 год.

Хадарцева Александра Агубечировича, известного поэта и прозаика — с изданием в 2006 году трехтомника избранных произведений «Из прошлого — в неясность. Стихи и проза разных лет» (Изд-во «Инфра», Тула).

Маслова Валерия Яковлевича, известного писателя и общественного деятеля — с изданием в Сербии (в пер. на сербск. яз.) романа «Ближняя дача» и началом издания 10-томного собрания сочинений — вышло три книги.

Дронова Николая Наумовича, известного публициста и военного историка — с изданием книги «Правда о полководцах» (Изд-во «Гриф и К», Тула).

Яшина Алексея Афанасьевича, главного редактора «ПЗ» — с выходом в свет в одном из московских издательств нового романа «Подводная лодка «Капитан Старосельцев».

Редколлегия желает названным товарищам, активным поборникам русской литературы, дальнейших успехов в их творчестве!